

Р II
337402

А. М. С.

ПОКРОВСКИЙ.

КЛАРА ЦЕТКИН.

МУНА.

ЛУНАЧАРСКИЙ.

КРЫЛЕНКО.

БОКАНИ.

4545

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ НА ПРОЦЕССЕ ЭСЭРОВ.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“.

ГП.

МОСКВА

1922.

Процесс П. С.-Р.

РЕЧИ

ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ:

ЛУНАЧАРСКОГО, ПОКРОВСКОГО, КРЫЛЕНКО,

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОМИНТЕРНА:

К. ЦЕТКИН, МУНА, БОКНИ.

Приложение: 1) Приговор Верх. Рев. Трибунала,
2) Постановление Президиума ВЦИК'а и
3) Воззвание Коминтерна.

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО СТЕНОГРАММЕ.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“.

ГПН.

МОСКВА

1922.

Москва. Р. Ц. № 98.

Тираж 8.000 экз.

Речь Государственного обвинителя тов. Лукачарского.

Товарищи судьи Верховного Революционного Трибунала!

В деле такой огромной важности и такой огромной сложности, как то, в котором вы призваны разобраться, обнять все стороны его одному обвинителю было бы, как нам представляется, совершенно невозможным, и поэтому мы, представители государственного обвинения, решили систематизировать несколько наши выступления и взять каждому отдельному его представителю цельную необходимую задачу.

Задачей моей лично и задачей той вводной, в некоторой степени, обвинительной речи, которую я сегодня перед вами буду иметь честь произвести, является обще-политическая характеристика партии социалистов-революционеров. При этом, конечно, эта обще-политическая характеристика будет иметь характер определения этой деятельности с точки зрения криминальной, будет носить характер не политического анализа, объективно исторического, а анализа обвинительного на том простом основании, что с нашей точки зрения вся деятельность партии социалистов-революционеров, в особенности, начиная с октябрьской революции и, можно сказать, самое существование этой партии—является сплошным политическим преступлением.

Перед вами здесь сидят обвиняемые, принадлежащие к Центральному Комитету партии, несомненно влиятельные и ответственные. Они горделиво заявили нам, уже на первых заседаниях суда о том, что они берут на себя полностью ответственность за всю деятельность партии социалистов-революционеров в целом. Уже потому характеристика всей политической контр-революционной работы этой партии является вместе с тем и существенной частью обвинительного акта против подсудимых. Кроме того, преступления каждого отдельного лица, степень которых должна быть определена здесь другим обвинителем, товарищем Крыленко,

вырисовываются на общем фоне всей деятельности этой партии и без такой общей характеристики этой работы, остались бы непонятными и недостаточно выпукло охарактеризованными.

Приступая к этому социально-политическому анализу деятельности партии социалистов-революционеров, главным образом, даже почти исключительно, после октябрьской революции, я, само собою разумеется, как марксист, буду подходить к ней с тем методом, с которым мы, марксисты, обыкновенно подходим к анализу каждого социального явления. Если бы мне или кому-нибудь из нас, марксистов, пришлось бы выступать обвинителем или защитником даже по вульгарному уголовному делу, то и тогда мы должны бы были рассматривать его в связи с той системой взглядов на общественные явления, которые нам присущи. Теперь, когда мы имеем перед собой гигантское коллективное преступление, объективно являющееся большим социально-историческим явлением, которое имеет во всех своих деталях остро-политический характер, само собою разумеется, было-бы совершенно невозможно миновать введения в мою речь, которая должна явиться опытом марксистского анализа, марксистской характеристики той болезни нашей революции, которую представляет из себя партия социалистов-революционеров.

Я буду иметь удовольствие представить вам целую серию цитат из Маркса и Энгельса, которые имеют самое прямое отношение к делу. Дело в том, что мысль наших великих учителей постоянно вращалась вокруг анализа революции, частью опираясь на те революции, которые известны были им исторически, которые они сами пережили, в которых они отчасти были деятелями, а частью на размышлениях о предстоящих революциях. Мы находим у Маркса и Энгельса опыт блестящего прогноза, граничащего с предсказанием относительно того, в какой форме и в какой роли выступят те элементы общества, которые они наблюдали в предыдущие революции, в минуту революции социальной. И здесь не столько благодаря таинственному пророческому дару люди проявили такое духовное прозрение, сколько благодаря правильности метода. Из моих цитат вы увидите сейчас точную фотографию партии социалистов-революционеров, сделанную 50—80 лет назад и тем не менее доходящую до необыкновенных детальных совпадений этого исторического прогноза с тем поведением обвиняемых и с той системой защиты, которая была пущена в ход здесь на суде. До такой степени детали марксистского прогноза характеризуют полностью и точно мелкобуржуазную партию социалистов-революционеров, что истине во время процесса неоднократно хотелось привести

евангельскую цитату: „Да сбудется реченное в евангелии через пророков“. Не пророками были Маркс и Энгельс, а социальными аналитиками, но подсудимых они предвидели благодаря своему острому анализу с необыкновенной яркостью, чему я приведу достаточно убедительные примеры, достаточные не только для марксиста, но и для всякого мало-мальски политически грамотного человека.

Прежде чем я перейду к этой части моей речи и к цитатам, я сделаю общую маленькую характеристику партии социалистов-революционеров.

Эта партия есть мелко-буржуазная партия и она отличается всеми свойствами революционных мелко-буржуазных партий. Мелкая буржуазия в своей революционной роли почти во всех странах пережила два периода. И в истории нашей революции она тоже имела эти два периода.

Первый период относится к тому времени, когда пролетариат политически еще не крепкий или социально почти отсутствующий, являющийся по словам Маркса больше классом для других, чем классом для самого себя, не может ни в какой мере претендовать на гегемонию в революционной борьбе и не является еще руководителем. В это время, если в обществе имеются противоречия экономического и социального порядка, которые могут служить причиной для революционных потрясений, роль гегемона в этих общественных потрясениях обычно выпадает на долю мелкой буржуазии. Мы видим это в Англии и во Франции в 17—18 веках, при чем я должен сказать следующее: мелкая буржуазия, как класс по существу осужденный на эклектику и на внутренние разрывы, как класс одними своими элементами примыкающий к пролетариату и другими своими элементами примыкающий к прежней буржуазии, неспособен к централизованным организованным действиям. И потому мелкая буржуазия обыкновенно распадается на яркие и характерные партии, из которых одна, опираясь на народные массы, давая им кадровый офицерский, политически руководящий состав, потому что сюда входит интеллигенция, приспособленная к обслуживанию класса, старается сначала на национальных, потом на международных началах создать организацию, как выразительницу интересов наиболее обездоленной части населения. Конечно, у якобинцев или у предшествовавших им пуритан эта политическая деятельность была засорена теми индивидуальными чертами, которые присущи мелкому буржуа вообще. Тем не менее, товарищ Ленин в ответ на упрек, брошенный ему эсеровской прессой в начале революции в том, что коммунисты или тогда—большевики, хотят как бы пародировать, повторить роль якобинцев, совершенно определенно сказал, что нам есть много чему поучиться у якобин-

цев. И слова Маркса о том, что якобинцы были людьми, которые сумели с плебейской решительностью закончить великую французскую революцию, были правильны в высокой мере и остаются для нас таковыми. С другой стороны, были прослойки мелкой буржуазии, в роде жирондистов, с которыми Вандервельде совершенно правильно сравнил своих подзащитных и которые не представляли собою решительных революционеров даже с точки зрения мелкой буржуазии, и тянули больше к обще-национальному соединению со всеми „живыми силами“ Англии, Франции, включая сюда и крупно-буржуазные пласты. Но в эту пору мелкая буржуазия играет положительную социальную роль. Мы можем критиковать недостатки ее политического поведения, но эти недостатки временны. Каковы бы ни были эти люди, они вряд ли могли бы перескочить время. И если рядом с пуританами мы находим ловеллеров и рядом с якобинцами левее их—гебертистов и позднее бабефистов,—то эти люди, мы должны отдать себе отчет в этом, субъективно более правые, опередившие свою эпоху, не могли объективно играть крупной исторической роли, потому что они не могли опереться на достаточно чисто отобранный пролетарский класс, который единственный может быть надежным носителем социализма. Но как только пролетариат, этот единственно надежный носитель социализма, выступает на первый план общественности и как только он осознает себя, как великую революционную силу, которая разрешая свою классовую проблему, одновременно с этим наиболее радикально и четко разрешает все социальные проблемы, исцеляет всякое социальное зло, так сейчас же пролетариат начинает претендовать на гегемонию в революции не только в рамках отдельной страны, но и в международном масштабе. Не изменяя ни на одну минуту своей классовой сущности, проводя политику, которая вытекает даже не из сознания всей массы пролетариата, а бы сказал, полусознания, а из сознания его авангарда, того авангарда, который в полной мере проникся своими истинными интересами, характеристику которого можно найти хотя бы у Маркса, когда он говорит о своей эпохе,—рабочий класс строит не только политику своего класса, но претендует и на обще-национальную роль, протягивает руку помощи классу, который в ней нуждается и заинтересован в революции с тем, чтобы этот класс не являлся коалирующим, не являлся союзником, который проводит неясную равнодействующую между пролетарской тактикой и своей тактикой, а чтобы он составил периферию, хор, поддержку, базу для работы пролетариата, его партии и пролетариата, как класса. С этих пор мелкая буржуазия как самостоятельная сила становится вредной и попадает в положение между трагическим и комическим.

Если мы перейдем к России, то мы увидим, что оба эти периода здесь тоже существовали, и партия, которая носит название эсеров, их пережила.

В ту эпоху, когда пролетариат не мог претендовать на общую гегемонию, мы имели народников и народо-вольцев. Я не могу не подчеркнуть того обстоятельства, что народники были вместе с тем социалистами, то-есть не были мелко-буржуазной партией субъективно, а по замыслу представляли нечто от пролетариата. И это совершенно закономерно. Маркс еще в 1848 году говорил, что во Франции, в революции 48 года не было ни одного сколько-нибудь заметного буржуазного радикала, который не считал бы себя социалистом. И при этом нужно прямо сказать, что и социалистическое сознание мелкой буржуазии в эпоху, когда еще не было пролетариата или в эпоху утопического социализма, носителем которой могла являться только мелкая буржуазия, ни в коем случае не является ни подлинно пролетарским, ни лицемерным. Подлинное пролетарское сознание мелкой буржуазии не может быть классовым, потому что оно не пролетарское и не опирается на пролетариат. Поэтому, если бы в эпоху народо-вольцев уже существовал научный социализм и основная теория пролетариата была бы более или менее закончена, все равно мелко-буржуазная среда преломила бы и идеи, испортила бы их и, между прочим, приспособила бы их к своим целям и обстановке. Такова сущность народнического социализма, выработавшего свою доктрину в виде субъективной школы в социологии.

Если таким образом социализм народников есть еретический социализм, с точки зрения правильной постановки вопроса, при чем эта ересь является неизбежной в определенной социальной обстановке, то нельзя отсюда делать вывода, чтобы он был лицемерием. Здесь я вам укажу на замечательную цитату Маркса, которая бросает много света на сознание мелко-буржуазной партии. Какая разница между этикетками, которые наклеивали на товары и политическими этикетками, которые носят мелко-буржуазные политики. Тут разница одна, что первые обманывают только покупателя, а вторые и покупателя, и носителей. Называя себя социалистами, эти люди по существу убеждаются глубоко до недр своего сердца, что они — социалисты. Это их большая беда и беда социалистов. Эта беда, однако, не является роковой, пока у мелко-буржуазной партии нет конкурента в лице пролетарской партии, и здесь по отношению к народникам и народо-вольцам можно было бы сказать то, что мы можем сказать по отношению к якобинцам. Конечно, их теория ошибочна и в их практике также есть вещи несуразные и ошибочные, но их недостатки — недо-

статки истории. И если бы коммунисты жили в то время, они были бы народниками или народовольцами.

Совсем меняется дело и в России, так же точно, как и в Западной Европе, когда пролетарская партия, наконец, организуется. Тогда не только вся теория и тактика, но и самое бытие мелко-буржуазной партии становится преступным, ибо она не может не вступить в конкуренцию с такой едино-спасающей общественной силой, которой с этого времени является партия пролетариата. Она вступает с ним в конкуренцию, во-первых, теоретически. И, не смотря на то, что она противопоставляет теории пролетариата, самый жалкий эклектизм, примитивную размазю, именно в примитивности, в сходстве этой теории с манной кашей по сравнению с очень крепкой пищей, какую представляет марксизм, таится большая опасность этой конкуренции. Возьмем основное в этом теоретическом смысле различие — ту базу, на которую хотят опираться социалисты-революционеры и на которую опираемся мы. Они противопоставляют чисто пролетарской позиции, позицию объединения пролетариата, крестьянства и интеллигенции. Нет никакого сомнения, конечно, что этим партия заранее осуждает их на эклектизм. И крестьянство, и интеллигенция по самому существу своему есть классы растянутые, в которых имеется ряд слоев друг на друга, в конце-концов, мало похожих, с почти полярно противоположными тенденциями. Это осуждает самую теорию и вытекающую отсюда тактику на массу колебаний, туманность и неопределенность. Поскольку же партия социалистов-революционеров претендует на то, чтобы группировать вокруг себя и пролетариат, она является конкурентом пролетарской партии в смысле развращения или отвращения пролетарского сознания от естественного классового его оформления. И как в первом случае, так и здесь она использует для этого отсталость соответствующих слоев пролетариата или целой страны, в которой данный пролетариат живет. Поскольку русский пролетариат политически часто невежествен, постольку он связан с деревней, постольку мелко-буржуазный полумертвец еще держит в своих когтях живого пролетария, постольку в партии социалистов-революционеров были шансы создать и здесь свои гнезда. Таким образом, и в том смысле, что она растворяла пролетариат в классах неопределенных и в высокой степени шатких и в своей идеологии, и в своей тактике, и в том смысле, что она отвращала известные слои пролетариата от их правильной дороги, партия социалистов-революционеров с самого начала не могла играть другой роли, кроме контр-революционной.

Здесь я считаю уместным привести одну цитату из брошюры „Задачи русской социал-демократии“, написанной

В. И. Лениным в 1902 году. Здесь, в 1902-году, определяется уже полностью то отношение наше к эсерам, к русской разновидности, наиболее радикальной и революционной буржуазной партии, которого мы и сейчас вынуждены придерживаться. Народовольцы в процессе сбрасывания старых своих риз дошли до превращения в „социалистов-революционеров“, как бы самым уже этим названием показывая, что они остановились на полдороге. От старого („русского“ социализма) они отстали, а к новому (социал-демократии) не пристали. Единственную теорию революционного социализма, какая только известна современному человечеству, то-есть марксизм, они сдают в архив на основании буржуазной („социалисты“) и оппортунистической („революционеры“) критики. Безидейность и беспринципность ведут их на практике к революционному авантюризму, выражающемуся в их стремлении поставить на одну доску шаткие социальные слои и классы, как интеллигенцию, пролетариат и крестьянство, и в их шумной проповеди „систематического террора, и в их замечательной аграрной программе минимум, и в их отношении к либералам, и во многом другом.

В России так много социальных элементов и условий, питающих интеллигентскую неустойчивость, вызывающих желание радикально настроенных личностей сочетать отжившее старое и безжизненное модное, мешающих им слить свое дело с ведущим свою классовую борьбу пролетариатом, что русской социал-демократии придется еще посчитаться с направлением или направлениями подобно „социально-революционному“, куда капиталистическая эволюция и обострение классовых противоречий не отнимет у них всякой почвы“. И сейчас в этом зале нам приходится считаться вполне соответственно этому предсказанию Владимира Ильича с этим мелко-буржуазным революционным направлением.

Я констатировал таким образом, что по самому существу своему мелко-буржуазные революционные партии, которые должны были подать в отставку и в лучших своих элементах примкнуть к пролетариату, поскольку они продолжают параллельное существование с пролетарской партией, тем самым являются уже, если мы будем с субъективной точки зрения обсуждать вопрос, продуктом преступным объективно, конечно, они являются неизбежным продуктом известной отсталости той страны, в которой протекает их деятельность.

Помимо этого, чрезвычайно отвратительным свойством мелко-буржуазных партий является их внутренняя развращенность, которая и здесь, на процессе, часто не давала нам

возможности охватить настоящую тактику партии эсеров, усвоить себе, то за кого отвечает, как вообще группируются внутренние силы партии, которые до крайности разнообразны. Это определяется теми соображениями, теми фактами, о которых я говорил. Слои, на которые опираются они, до такой степени разнокалиберны, что совершенно естественным являются громадные, разнообразные в целях и тактике отдельные, входящих в партию групп. Отсюда та странная фраза, которая нас сместила, если бы могло быть, что-нибудь смешное в таком чрезвычайной важности процессе: „Наша партия такая, в которой взрослые люди сами за себя отвечают. Наша партия такая, в которой центральный комитет не предписывает своим членам“. Это только идеалистическая окраска партии, а по существу мы имеем дело с жидкой партией. Из такого рода противопоставления подсудимых Ратнер или Гоца, звучало следующее: мы не стальная партия, как вы. Мы болотная партия, мы кисельная партия. Вы не смеете сопоставлять две разные партии. Действительно, сопоставлять трудно, но в этом коренится громадная опасность. И в данном случае, в данном процессе мы стоим перед несколько иной перспективой, перед другой опасностью. Из этого свойства, из этой органической беды мелко-буржуазной партии, у которой далеко друг от друга отходят в стороны правое и левое крыло, подсудимые во время своей политической деятельности, сделали своеобразный капитал. Они из этой беды сделали одну из наиболее выигрышных своих тактик—именно использование стоящих наиболее далеко направо и налево элементов, за которые они политически могли бы не отвечать, что они всегда стараются сделать, но использовать их тем не менее в своих целях. Так что центр чрезвычайно плохо организованной партии, не спаянной партии начинает заниматься не тем, чтобы руководить партией, а тем, что он использует самые недостатки, самые ереси некоторых своих частей, политиканствуя, интригуя внутри, всячески сопоставляя различные эти группы, блистательным представителем чего является В. М. Чернов. Его близкий друг Авксентьев охарактеризовал Чернова, как рокового для партии косоглазого человека. Вот этот роковой для партии человек косит направо и налево, умеет как-нибудь сговориться и произносить крылатую фразу. „Они будут служить вам, не ангажируя вас. Эту фразу можно написать над входом в изучение тактики эсеров: заставить известный элемент партии служить себе не ангажируясь. Так старались они не ангажироваться по отношению к левым и так старались не ангажироваться по отношению к другим и составить капитал, будучи в стороне. На этом я подробно останавливаться дальше, но сейчас я даю только самую общую картину.

Теперь приступлю к тем цитатам, о которых я говорил, которые дадут не моими словами, а словами великих социологов, сказанными 30 или 50 лет назад, необыкновенно точный и четкий портрет подсудимых. В брошюре 18 брюмера, Маркс характеризует партию эсеров, характеризуя тогдашнюю мелко-буржуазную партию во Франции, следующими словами:

„Не следует, конечно, думать, что мелкая буржуазия стремится осуществить принципиально свои эгоистические классовые интересы“. Был-бы действительно наивен тот, кто хотел бы в этом изобличать подсудимых. „Она верит, напротив, что специальные условия ее освобождения суть в то же время те общие условия, при которых только и может быть спасена современная общественность и устранена классовая борьба. Равным образом, не следует думать, что все представители демократии лавочники или поклонники лавочников,“—а по нашей терминологии, что все кулаки или поклонники кулаков.—„По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкой буржуазии их делает то обстоятельство, что их мысль не в состоянии переступить тех границ, которых не переступает жизнь мелкого буржуа. Они теоретически приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практическое соображение его и его общественное положение“. И одной страницей дальше—еще более точно. „Демократ, как истинный представитель мелкой буржуазии, то есть переходного класса, в котором притупляются интересы двух различных классов, воображает себя вознесенным превыше всяких классовых противоречий“. И здесь мы могли констатировать заявление подсудимой Ратнер, что они „принесли в жертву свой социализм для обще-национального дела“. Это называется жертвой и еще до сих пор чуть не до слез волнует подсудимую Ратнер. Это называется жертвой национальным общественным идеалам. И Гоц, как человек, который политически более сознателен, говорит председателю: „Мы были за то, чтобы социалисты-революционеры входили в Красную армию против поляков, ибо здесь был затронут национальный момент“. Когда дело идет о борьбе классовой, тогда надо держаться особняком, но когда идет дело о национальной борьбе, то здесь мы можем с чортом связаться, даже с большевиками, потому что имеется подоплека—национальность, народность и другие вещи. Но это им присуще постольку, по скольку они не стоят ни в том, ни в другом классе, ни в тех, ни в сех. И из этой беды они делают себе тот выигрыш, что бесклассовость, политическую бесполость они объявляют надклассовым, идеальным существованием. „Демократы допускают,

что против них стоит привилегированный класс, но они вместе со всеми остальными элементами нации составляют народ“, которого политическим выразителем может быть только Учредительное Собрание. „Они защищают лишь права народа, их интересуют лишь интересы народа. Поэтому им нет никакой надобности исследовать ввиду предстоящей борьбы, интересы и позиции различных классов. Им не зачем с особенной тщательностью взвешивать свои собственные средства. Им стоит только дать сигнал, чтобы народ со всеми своими неисчерпаемыми ресурсами бросился на угнетателей“. Даже по отношению к нынешнему правящему классу, к нынешним „угнетателям“—коммунистам, такая же тактика проводится. Народ бросается в виде Добармии, Николаевского полка и Ижевских ополчений по призыву социалистов-революционеров. „При осуществлении плана на практике, интересы их оказываются никому неинтересными, а их сила—бессильем“. С тех пор, как Учредительное Собрание было разогнано, всякому было ясно, что интересы, которые защищали социалисты-революционеры, по крайней мере в том виде, как они их защищали, оказались никому не интересными, кроме эсеровских боевиков, ни один петух не кукурекнул, чтобы какнибудь защитить Учредительное Собрание, и позднее, как вы увидите из моего дальнейшего изложения, наше Учредительное Собрание (так как Учредительное Собрание защищаться не могло, то его защищала партия социалистов-революционеров) дошло до такого унижения, до таких комических переживаний, что то Франкфуртское Учредительное Собрание, над которым издевался Гейне, является монументальным по сравнению с нашим Учредительным Собранием. И сила их бессильна. Когда же у социалистов-революционеров оказывалась сила—это никогда не была их сила. Никогда не была сила им присущая, а всегда наемная, случайная, оказывавшаяся в союзе с социалистами-революционерами потому, что преследовала те же цели, что и социалисты-революционеры. Поэтому сила их оказалась бессильна, как и пребывает до сих пор и во веки веков.

„Если—продолжает Маркс—их сила оказывается бессилием, то виноваты или злокозненные софисты, расколовшие нераздельный народ на различные враждебные лагеря, или армия слишком озверела и была слишком ослеплена для того, чтобы понять всю прелесть чистых идеалов демократии, как свое собственное благо“. Просто трудно подумать, что это писалось слишком 50 лет тому назад. Не в том же ли самом обвинялись эти самые „лейб-гвардисты“, сапогами которых мы растоптали демократию, „Или была упущена какая-нибудь деталь при выполнении плана, или,

наконец, кампания была на этот раз проиграна просто вследствие какой нибудь непредвиденной случайности“. Это теория Филипповского, которую вы здесь слышали, о том, почему была потеряна Уфа — кто-то проспал, кто то прозевал, кого то в городе не было. Подобного рода объяснений с этих скамей вы слышали целый ряд. „Во всяком случае демократ выходит из всякого поражения столь же незапятнанным, сколь невинно он подвергся ему с обновленным убеждением, что он победит. Не он и его партия должны изменить свою старую точку зрения, напротив — обстоятельства должны дозреть до него“ — чистого демократа. И чистая демократия в лице здесь сидящих и их заграничных друзей ждет пока дозреют до них обстоятельства все в той же позиции, о чем горделиво было заявлено. Что касается вариации этой позиции, то я приведу достаточную иллюстрацию тому, что эта позиция собой представляет.

По поводу социал-демократии 48 года, которая была предшественницей партии социалистов-революционеров, сидящих на скамье подсудимых, Маркс говорит: „Своеобразная характеристика этой социал-демократии определяется тем, что она требовала демократических республиканских учреждений не для того, чтобы при помощи их устранить одновременно обе противоположности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы смягчить противоречия между ними и превратить его в гармонию“. Не заботясь о том, что предвидит социал-революционер в необозреваемом будущем, можно сказать, что вся теория гармонизации, которая была здесь на лицо, она нашла себе отражение в декларативном заявлении Тимофеева в начале процесса и проводилась социалистами-революционерами практически в дни коалиции, как попытка всерьез и надолго гармонизировать классовые интересы буржуазии с классовыми интересами пролетариата так, чтобы дать этой буржуазии значительную долю, максимальную долю ввиду ее экономической силы в самом правительстве. Словно имея перед глазами нашу февральскую революцию, Энгельс в книге „Революция и контр-революция в Германии“ пишет: „Мелкая буржуазия, великая в хвастливости, совершенно не способна к делу. Она трусливо сторонится всякого решительного шага. Мелочный характер ее жизни накладывает на ее собственный характер отпечаток недостатка энергии и предприимчивости. Такова же и ее политическая деятельность“. Гамлетизм Гоца, когда имелись и были шансы успеха революционной дерзости, когда была возможность поколебать, сбросить молодую пролетарскую власть, мелко-буржуазная душа Гоца сказала в необыкновенной политической осторожности и невольно перед каждым действительно решительным шагом приводила

к такой политической действительности. И как только вооруженное восстание приведет к серьезному кризису, мелкую буржуазию охватит чрезвычайный ужас перед опасным положением, в которое она попадет, ужас перед народом, который всерьез принял их призыв к оружию, ужас перед властью, которая попала бы в их руки, ужас перед последствиями, вытекающими из их собственных лозунгов“. Те, кто пережил июльские дни, помнят, в какой ужас пришел Гоц, когда народ пришел и просил взять власть в свои руки, они боялись потерять места, они не могли обидеть своих социалистических министров. А когда мы, „безумные“, на это дело дерзнули, они сказали, что „конечно, они в две недели сломят себе шею на этой операции“. „Перспектива стоит тогда перед их глазами на случай победы пролетариата, как неуверенность, что победоносный пролетариат, составляющий главную массу борющихся армий, выгонит их с должностей и опрокинет их политику“. Это истинный портрет социалистов-революционеров в продолжении всего периода от февральской революции и ее неожиданной передачи власти буржуазии.

Опасения социалистов-революционеров были правильны: с должностей они были выкинуты и политика их была опрокинута. Маркс и Энгельс писали в 50-м году в своем обращении к союзу коммунистов: „Та роль, которую либеральная немецкая буржуазия в 48 году играла по отношению к народу, эта предательская роль в предстоящей революции перейдет к демократической мелкой буржуазии. Эта партия для рабочих гораздо опаснее, чем либералы. К ней принадлежат и те республиканские мелкие бюргеры, которые теперь называю себя красными социал-демократами, так как они питают благочестивое желание ограничить крупный капитал. Эти мелкие буржуазные демократы далеки от того, чтобы стремиться к перевороту всего общества в интересах его. Они добиваются лишь такого изменения общественных условий, которое сделало бы для них более сносное и удобное существование“. Конечно, объективно, а не субъективно. Но объективно интеллигенция, которая в такой огромной мере нашла себе применение в этой партии, стремилась создать такие политические условия, в которых она может играть социальную роль, аналогичную той, какую она играла во всех демократиях Западной Европы“.

Предупреждая от того, что рабочих будут заманивать социалистическими фразами, Маркс и Энгельс пишут: „Не поддавайтесь ни на какие социалистические фразы. Подобное объединение служило бы единственно для пользы мелкой буржуазии и целиком к невыгоде пролетариата. При всех этих фразах пролетариат в конце-концов оказывается обманутым. Мы же предоставляем пролетариату созидать свои

собственные революционные партии в форме общественных управлений, общественных советов, рабочих клубов или рабочих комитетов, чтобы буржуазная демократическая партия не только немедленно лишилась бы возможности опираться на рабочих, но прямо увидела бы, что за ними следят и им угрожают организации, за которыми стоит рабочая масса“.

Эту тактику в 50-х годах, нам предписанную великими нашими учителями, мы и выполнили, как вы отчасти видите из моей речи, когда получили возможность, когда демократия была у власти при Львове и Керенском.

„Уничтожение влияния буржуазных демократов на рабочих, немедленное самостоятельное вооружение организация рабочих, установление по возможности наиболее затруднительных и компрометирующих условий для временного неизбежного господства демократии, вот главные пункты, которые должно иметь ввиду во время и после предстоящего восстания. Понятно, что во время революции, как и прежде, победа будет получаться, главным образом, благодаря мужеству, решимости и самоотверженности рабочих. Как до сих пор, так и в этой борьбе мелкая буржуазия в массе будет держаться возможно медлительно, и нерешительно, и пассивно, чтобы затем, когда победа будет решена, захватить ее в свои руки, призвать рабочих к спокойствию и к возвращению к своему труду, предупредить так называемые эксцессы и лишить пролетариат плодов победы“.

Это постоянно делала партия эсеров, как только им удавалось где нибудь победить, в том числе и во время февральской революции.

Я должен процитировать еще две замечательных страницы, более поздние, из письма Энгельса, написанного в 1884 году к Бебелю, где он рисовал перспективы грядущей социальной и, следовательно, фактически русской революции.

„Что касается чистой демократии, ее роли в будущем, то я полагаю, что ничто не помешает ей в момент революции на короткий срок приобрести временное значение в качестве самой революционной партии, как она выступала уже во Франции в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства. В такой момент вся реакционная масса группируется вокруг нее и усиливает ее. Все что было реакционным, наступает тогда в качестве демократов“.

Мы это пережили. „Так было во всех революциях, когда к власти приходит партия самая ручная, но по революционности все же сохраняющая способность управлять“. Это точная формула эсеровской партии, которая тогда еще была достаточно революционной. Она была самой революционной из буржуазных партий, она была еще достаточно революционной, чтобы народ на минуту допустил ее упра-

влять. Для буржуазии она была очень плоха, но она была лучшей из революционных партий. Для масс она была очень плоха, но для пролетариата она была лучшей из буржуазных партий. И Энгельс говорит: „Именно потому, что побежденный господствующий класс только в ней видит последнее возможное спасение. Конечно, нельзя ожидать, что к моменту кризиса за нас, коммунистов, было бы большинство избирателей, большинство нации“. Энгельс предвидит и говорит, что в вашем Учредительном Собрании вы будете в меньшинстве и что „весь буржуазный класс, остаток феодального владеющего класса, большая часть мелкой буржуазии, сельское население сгруппируется вокруг той крайней буржуазной партии, которая на словах выставит себя радикально революционной. Я считаю весьма вероятным, что она займет место во временном правительстве и окажется там в большинстве“.

Что считал Энгельс вероятным, то и произошло. К моменту выборов в Учредительное Собрание эсеры были в большинстве, но когда Учредительное Собрание собралось, большинство это, по существу говоря, перекачнулось, если говорить о социально-активных элементах. Часто раздавались такие упреки: ведь это солдаты сделали, солдаты разогнали. Энгельс и это предвидел и в письме к Бебелю писал: „Невооруженный народ является перед современной армией величиной ничтожной. В том случае, если бы активное выступление резервов от 25—20 лет, которые не голосуют, но которые военно обучены и вооружены, если, я говорю, они выступили бы за нас, то мы могли бы перескочить через период, так называемой чистой демократии“. Они за нас выступили и мы через эту чистую демократию перешагнули. „Во всяком случае“, заканчивает Энгельс, „во время кризиса и на следующий день нашим единственным противником явится вся реакционная масса, объединяющаяся вокруг лозунга чистой демократии“. И этого никогда не надо упускать из вида, о чем я и прошу Верховный Революционный Трибунал.

Я приведу еще пару цитат не наших основных учителей, а их последователей, нынешнего друга эсеров Гильфердинга, который пишет: „При империализме исчезает старая противоположность интересов между крупной и мелкой буржуазией и последняя политически становится охранным постом крупного капитала“. Этот штрих, несмотря на чрезвычайную резкость выражения подходит к объективной роли, которую играют эсеры.

И теперь еще цитату одного марксиста, который свою статью писал в 17 году в Москве: „Внутренний враг помещается у нас только направо. Кто этого не понял и даст себя смутить криками с максималистской-синдикалистской и другой подобной опасности, рискует ни,

когда не выйти из невеселого положения, сидящего между двумя стульями и осудить себя на пассивное ожидание, либо на бессознательное служение тем, кто воплощает правую опасность“. Это был Мартов и он предсказал свое будущее. Мы воочию видим, как он теперь сидит между двумя стульями, как он является пассивным наблюдателем и как он ни старается отгородиться от эсеров, тем не менее, на практике и здесь на процессе оказывается с ними в одной компании и постольку бессознательно служит реакции, как служат реакции эсеры. Само собой разумеется, что народная партия, партия чистой демократии; как бы она ни кокетничала с классовою позицией революции, в которой классовые расслоения весьма незаметны, ее национальным долгом являлось принять революцию с восторгом. Эту мешанину, эту окрошку они должны были провозгласить той гармонией вещей, о которой они мечтали с колыбели. Именно такую характеристику мы видим у гражданина Зензинова, когда совершилась февральская революция. Вот что он пишет: „Что может быть радостнее чувства победы“—это из воспоминаний Зензинова, приложенных к делу. Кроме того, я буду цитировать из Маркса и Энгельса, которые служат для меня не уликами против эсеров, а лишь источником для социологической характеристики.

Председатель. На научные труды ссылаться допускается, но относительно других цитат, называйте, откуда они.

Луначарский. „Что может быть радостнее чувства победы над врагом, с которым мы так долго вели ожесточенную борьбу и который лежит у наших ног раздавленный и обезоруженный. Страна, наиболее отсталая, с деспотическим политическим строем становится одним ударом впереди других и теперь вдруг сделалась самым демократическим государством в мире. Осуществились все гражданские свободы, для всех партий открылась свободная арена политической деятельности, родилась свободная, независимая печать, начались свободные митинги“.

Ему, Зензинову, даже представляется, что если дать свободу всем партиям, то они не перережут горло друг другу, а будут как хорошие колеса, вращаться на основах демократического порядка. Конечно, не так отнеслись коммунисты. Здесь нужно процитировать характерное письмо Ленина, которое называется: „Письмо издалёка“. Зензинов писал из Москвы, Ленин из Женевы, но видел значительно зорче Зензинова. И вы увидите из этого письма, какая пронасть раскрывалась между демократическою радостью, этим телячьим восторгом демократов, дорвавшихся до февральской революции—наконец, и настоящим марксистским революционным анализом. „Мы, марксисты, должны трезво глядеть правде в глаза, не смущаясь ни ложью, казенной, сла-

щаво-дипломатической ложью дипломатов и министров первой воюющей группы империалистов, ни подмигиванием и хихиканием их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы. Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольство с их агентами и связями, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (но будем надеется—последнего) с Вильгельмом II, непосредственно стремились к смещению Николая Романова.

Не будем делать себе иллюзий. Если революция победила так скоро и так—по внешности, на первый поверхностный взгляд—„радикально“, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе и замечательно дружно слились совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К^о к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны, в интересах еще более яркого и упорного ведения ее, в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирией... французами, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это—с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу.

„Революционные рабочие, солдаты, разрушили до основания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты на помощь им приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и компаний, желавших только смены одного монарха другим“...

Рядом с этим правительством в сущности простым приказчиком миллиардных „фирм“ Англии и Франции, с точки зрения данной войны,—возникло новое неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения, это—Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в Питере.

Единственной гарантией свободы и разрушения царизма есть вооружение пролетариата, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Все остальное—фраза, ложь, самообман политиканов либерального и радикального лагеря. Помогите вооружению рабочих или хотя-бы не мешайте этому делу

и свобода в России будет непобедима, монархия невосстановима, Республика обеспечена. Иначе народ будет обманут.

„Наша Революция буржуазная. Поэтому рабочие должны поддерживать буржуазию“, говорят никуда негодные политики из лагеря ликвидаторов. Наша революция буржуазная, говорим мы, марксисты. Поэтому рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на свою силу, на свою организацию, на свое объединение, на свое вооружение.

У пролетариата два союзника. Во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая, масса полупролетарского и частью мелко-крестьянского населения в России. Эту массу мы должны теперь, пользуясь свободой нового порядка и Советами Рабочих и Солдатских Депутатов, стараться просветить, организовать прежде всего и больше всего. Вторым союзником русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран. С этими двумя союзниками пролетариат России может пойти и пойдет, используя особенности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к социализму, который один даст измученным народам мир, хлеб и свободу.“

Таким образом, не удивительно, если Зензинов говорит, что с первого же появления Ленина в России партия социалистов-революционеров начала жестокую борьбу с ним и в первом же номере „Дело Народа“ подняла ожесточенную кампанию против него и его партии большевиков.

Таким образом, мы видим эту развернувшуюся между ними непримиримость. Партия сразу остановилась на точки зрения коалиции эсеровской, которая становится общероссийской. Тем она предрекает, что будет иметь большинство в Учредительном Собрании, что она будет пользоваться известной властью, в коалиционных министерствах, что она после этого фатально падает, что к ней будут примазываться все контр-революционные элементы до таких черных, союз с которыми этой партии априори является совершенно невозможным и что она потонет в этой пучине, сыграв контр-революционную роль в той революции, в которую она тогда вступила.

Мы стоим, таким образом, перед такой картиной: по существу говоря, подсудимые, поскольку они представляют собой партию мелко-буржуазную, и судьи и обвинители, поскольку они являются представителями класса, пролетарского, являются представителями двух враждующих классов, и настоящий процесс есть акт классового столкно-

вения. Совершенно непривычные, хотя люди взрослые и много читавшие, к какому-нибудь научно социологическому анализу, подсудимые хотят сыграть на этой струнке—но какой же это процесс, какой это суд? Это классовое столкновение, столкновение двух враждующих классов. Само собой разумеется, все эти ссылки должны быть беспощадно отведены. Вообще нынешний буржуазный суд, об этом даже смешно говорить, даже Толстой писал об этом, есть буржуазная организация, направленная против врагов класса и его привилегии. Никакого вне-классового суда нет. Смешно говорить, что где-нибудь, в Европе, или вообще можно найти какой-нибудь суд, который бы удовлетворил иллюзиям партии эсеров. Но они и сюда на процесс принесли эту спасительную иллюзию, апеллируя к внеклассовому суду; постольку, поскольку они сами явились вне границ двух борющихся классов; не был ли таким внеклассовым судом Лебедевский суд, который на основании офицерских приказаний, в течение 3—4 часов, расстреливал наших товарищей, это был, очевидно, внеклассовый суд и носил объективную справедливость и давал полную процессуальную гарантию с точки зрения принципов всех великих юристов мира. Но мы стоим на такой точке зрения, что классовая борьба, когда она разгорается до максимума, выражается в гражданской войне. Вообще гражданская война крайне жестокая и несправедливая (да и никто не взывает к чувству справедливости), она сводится к попыткам взаимного террора, в смысле уничтожения противника, и дезорганизации его, внушая ему ужас, заставляя бежать с поля битвы и дезорганизуя армию. Таковы действия военного террора.

Для того, чтобы террор был взаимным свержением классов и развился бы в форму войны, нужно известное равенство сил. Если этого равенства сил нет, то террор проявляется в своих формах со стороны более слабых партий, или более слабого класса. Он проявляется в виде террора в том смысле этого слова, в котором употребляли его эсеры, во время царизма. Отдельные индивидуальности, как единичные застрельщики, вооруженные храбростью и героизмом; стараются нанести противнику частичный вред при помощи разрушительных вещей в таком пункте, в котором они надеются вызвать наибольшую дезорганизацию в той партии или класса, которые одерживают верх, но имеют основание бояться, что поверженный противник встанет вновь и белым террором заплатит за временную победу противника. Но есть террор в том смысле, в каком употреблял его в свое время Робеспьер, он является орудием, продолжением борьбы гражданской, и орудием такого террора является Революционный Трибунал. Этот Революцион-

ный Трибунал имеет характер аляповатой действительности до тех пор, пока он происходит на поле битвы. Когда власть, так, как наша власть, может считать себя спокойной за свое будущее и упрочившейся, державной, она, несмотря на всю свору врагов, объективно взятых в мировом масштабе, более сильных, чем она, и поддерживающих подсудимых—она может позволить себе роскошь введения террора в рамки математически точно действующего инструмента.

Правилом для военного времени является то, что лучше пусть погибнет невинный, чем виноватый, каким бы то ни было образом избегнет своей кары, как генерал Краснов, или подсудимый Гоц, которые наделали нам величайшее зло. Когда мы переходим к настоящему времени, о котором я говорю, мы заинтересованы в том, чтобы карать виновных в меру их вины и сообразовать действие террора таким образом, чтобы не наносить социальному делу лишних поражений. Вот почему мы, в течении 30 дней с такой огромной объективностью и такой полнотой прав подсудимых, обсуждали это дело, и все такие пустынькие демонстрации, как уход Вандервельдов и Тагеров отсюда, уже перестали иметь даже в глазах мелко-буржуазной прессы свою особую пикантность. Но есть и другие причины, почему классовое государство заинтересовано более объективно в процессе, и почему мы столько времени с пользой употребляем на это дело. Это потому, товарищи судьи, что мы все, включая и сидящих на скамье подсудимых, находимся перед судом истории и общественного мнения, и хотя мы очень мало думаем о той счастливой эпохе, когда общественное мнение будет целостно и единогласно выносить приговор, тем более мы задумываемся о нынешнем времени. И, конечно, если об этом станут говорить подсудимые, то они будут говорить—общественное мнение, общечеловеческая совесть, как говорил Вандервельде и другие, это для нас не существующие вещи. Мы их не убедим, других убеждать не стоит, потому что они также, как и мы, знают цену партии социалистов-революционеров. Это рабочие коммунисты. Но существуют рабочие не коммунисты, беспартийные или также случайно попавшие в болото 2-го и 2½ Интернационала, как Усов и Зубков попали в свое время в п. с.-р. и вот их суд имеет для нас большое значение, а они свой суд не произнесут так слишком наобум, им нужны будут гарантии того, чтобы и противная сторона высказала достаточно свои соображения. Мы их в достаточной мере уже выслушали и еще будем слушать.

Перехожу теперь к самой характеристике, уже на основании фактов, позиции социалистов-революционеров. Я уже сказал, что позиция эта шатка, она идет к целому ряду разветвлений, она не может быть уложена ни в какие

единые рамки. Вы помните, например, как подсудимая Ратнер—это выписка из стенограммы—говорила следующее: „Мы никогда не пытались скрывать того, что в рядах нашей партии в течение трудного времени гражданской войны было чрезвычайно много оттенков и настроений, тем менее, когда мы теперь исторически хотим выяснить действительную физиономию и роль нашей партии, мы будем скрывать и затушевывать этот факт, конечно, так, в рядах нашей партии почти во всех организациях, быть может, особенно в таких, которые были более или менее отрезаны от центра и откуда мы не получали информации, и которые не давали директив, расхождения были чрезвычайно велики“. А когда член Центрального Комитета доезжал до такого места и когда он внезапно видел, что партия социалистов-революционеров, которая гордится тем, что она будто бы классовая партия, свой социализм жертвенно приносит для общенациональных задач, именно для участия представителей России в дележе добычи победившей Антанты, как тогда? Встал ли на эту точку зрения, член Центрального Комитета?

Нет, он не стоит на этой точке зрения, именно памятуя, что эта партия шатка, он делает такой вывод: „Я лично не имел права ни морального, ни юридического их от этой линии удерживать“.

Вот вы видите такую партию, которая говорит, что перед судом истории она не будет скрывать, что эти оттенки тянут так далеко, что даже приходится отказываться от социализма, но мы ни морально, ни политически не имеем никакого права их удерживать. Иллюстраций этому очень много в процессе: тут и Гр. Ильич Шрейдер, который по словам Чернова, а не нашим, кокетничал с генералом Деникиным, тут и члены партии, вступившие в директорию, о которых у меня будет особая глава, и которые доходят до прямых угроз самому Центральному Комитету, которые не только отходят от него, но буквально третируют свой Центральный Комитет и доходят до приказа расстреливать тех, кто исполняет приказы их Центрального Комитета. Такого рода замечательных перлов в организационной жизни партии социалистов-революционеров я в моей речи, которая не может быть безконечна, приведу много.

Пока я делаю вступление в анализ двух наиболее важных для меня оттенков и течений, так сказать, суммирование именно правого эсерства и левого эсерства. Разумеется, не в том смысле, как говорится о правых и левых социалистах-революционерах, я имею в виду тех левых социалистов-революционеров, из которых набирались, главным образом, боевики, и правых, которые характеризуются именами Ависентьев, Бунаков и других и центра, которые характеризуются именами Чернова и Гоца.

Здесь товарищ Усов обронил необычайно живописное выражение, что в партии два крыла, а в середине Вик. Мих. Чернов без крыльев. Я сначала буду характеризовать оба крыла, а потом В. М. Чернова и его политическую безкрылость. Правое течение—это то течение крупного слоя мелкой буржуазии, которое является кулацким. Когда я читаю у Асеева—поэта полукоммуниста—„Когда выяснилась близость японского переворота, забегали эсерики и их суетня и визг смешивались с нутряным хрипом жаждавших крови коммунистов, лавочников и домовладельцев“. Так вот этот густой хрип лавочников, домовладельцев, которые, как путник воды, жаждут крови коммунистов, переходит в эсеровский визг, здесь мы имеем диапазон соответствующий правому крылу партии социалистов-революционеров. Здесь либо непосредственные кулаки кооператоры, либо их идеологи. И благообразный и голубоглазый Авксентьев с его парламентским красноречием может оказаться приказчиком этого хрипящего и лающего домовладельца лавочника.

Важность этого эсеровского крыла заключается в том, что оно опирается на реальные силы—на кооператора-кулака. Мы сами, коммунисты, всегда учитываем, что это серьезный враг, мы сами говорим всегда, что если есть тяжелый камень, который придется сдвинуть на той борозде, которую мы пропахиваем, так это именно этот кряжистый кооператор, этот кряжистый кулак, его не объединишь, его не национализируешь, его не организуешь, он распылен, но его нельзя игнорировать, он не достаточно для этого мелок. С ним надо считаться, потому что он связан с другой реальной силой, с буржуазией, поскольку она является еще гегемоном в Европе, с войсками Антанты, он связан с той частью мелкой буржуазии, из которой берется кадровое офицерство. Эти люди представляют собою весьма реальную силу в бессильной эсеровской партии; поэтому никогда не решится эсеровская партия порвать с своим правым крылом, потому что это значило бы, что она будет бессильна, я выражусь так: если бы эсеровская партия не делала преступлений и ошибок, то ее существование было бы бесцельно, она должна была бы влиться в коммунистическую партию. Оправданием ее существования являются ошибки и постольку она может удерживаться в равновесии, поскольку она имеет это правое крыло. Она относится к нему с осторожностью, так, чтобы отчураться и не порвать связи. Когда, сидя в тюрьме или по каким-нибудь другим причинам, Центральный Комитет начал понимать компрометирующий характер правого фланга, то появлялся на сцену Чернов, который ежеминутно ходит по канату, держа в руках баланс, так что на одном конце баланса Авксентьев или Зензинов со своими связями с банками и его превосходитель-

ством, Бахметьевым, а на другой стороне левое крыло. Как, хотите вы вырвать из рук моих этот балансир? Боже сохрани! Правому крылу давались весьма широкие полномочия на совершение тех преступлений, которые были главными преступлениями партии социалистов-революционеров. Мы судим такие преступления, которые совершались либо, главным образом, правым крылом, либо, главным образом, левым крылом, а Центральный Комитет приходится судить, во-первых, судебно за то, что он пропускал, не запрещал и, как здесь заявляет, прямо берет на себя ответственность, а морально за то, что он никогда не имел мужества признать эту деятельность, деятельность правого крыла действительно входящей в его нормальную тактику. Я об этом попустительстве направо в своей речи должен буду говорить и не очень мало. Сейчас я обращаю внимание на характеристику левого крыла партии социалистов-революционеров и подробно остановлюсь, хотя это, главным образом, задача моего товарища по обвинению—тов. Крыленко, остановлюсь в общих чертах на ответственности подсудимых за преступления левого крыла.

Председатель. Разрешите на 3 минуты объявить перерыв.

Объявляется перерыв.

Председатель. Заседание возобновляется. Государственный обвинитель товарищ Луначарский продолжает.

Во всякой революции, а тем более в такой революции, которая является уже выражением столкновения классов, политически достаточно зрелых, можно разделить действующие в ней силы, между прочим, и так. Мы будем иметь в ней сознательные партии, как носительницы определенных программ, и мы будем иметь массовую стихию, выходящую, конечно, за пределы всякой партии, но тем не менее, отдельными своими элементами входящую и в партии. Выходя за пределы партии, они являются тем основным потоком, который, в-конце концов, заставляет работать весь революционный механизм. Это народные массы. Но нельзя сказать просто „народные массы“, не анализируя их. Бывают такие явления, когда действует масса, как таковая, в организованном виде, как армия и в дезорганизованном виде, как бушующая толпа. Но, главным образом, она выделяет из своей среды людей, которые от ясности программной могут быть далеки, но у которых есть колоссальная воинственная решимость. Это те носители народного гнева, народной мести, народных чаяний великого будущего, которые в крестьянстве, в рабочем классе, среди солдат зажигаются мгновенно от прикосновения к программе, и

которые с готовностью невероятной, во много раз превосходящей часто готовность многих и многих старых испытанных членов партии, бросают всю свою жизнь и всю свою судьбу в горнило революции. Но это страшно активная взрывчатая часть народных масс, которая поставляет людей в командный состав революционной армии, в боевые дружины различных борющихся партий: она отличается своими достоинствами и своими недостатками. Вы здесь видели на суде, сколько собралось мутной примеси в лице Германов, которых путь из революции может быть ведет в угодловщину. Бывают и такие, которым из эсеровского боевого отряда путь лежит к савинковщине. Есть и путь прямой, это путь к коммунизму. Эти боевые элементы могут в значительной мере, поскольку неясная концепция эсеровской партии кажется им более подходящей, более усваиваемой, могут в счастливые для эсеровской партии моменты, так сказать, налипнуть к этой партии. Они составляют всегда для всякой партии известную опасность тем более для эсеровской партии, которая не умеет ничего удержать в своих руках, и у которой левое крыло выбивается всегда из рук, которая его контролировать не может, как не может контролировать Авксентьев.

Казалось бы, если эсеровская партия не видит народного движения, которое заставило бы ее боевые отряды сейчас же пустить в действие, если она не верит, что индивидуальные выступления отрядов боевых могли бы быть для нее полезны, то, казалось бы, проще всего эти отряды распустить. Но ничего подобного: эсеровская партия будет же продолжать держать смычку с этой реальной силой, с этим революционным динамитом, который имеется в народных массах, как Скалозубов, держат в партии для связи с другой реальной силой—с Антантой и т. д. Она будет их, так сказать, держать про черный день, она будет стараться использовать их и, насколько это возможно, и так, по-черновски, чтобы они вам служили, но не ангажируя вас. Это не забудется и во всяком случае будут все меры приняты к тому, чтобы в решительный момент ангажемента этого не получилось. Получился или не получился ангажемент в настоящий момент, это зависело не от искусства Центрального Комитета, а от неразрешимости самой проблемы. Ибо нужно было со всей решительностью отмежеваться от чрезвычайной опасной взрывчатой формации или со всей боевой решимостью вооружаться. На самом деле мы не имели ни того, ни другого, и здесь, хотя вся, часть этой полосы обвинения ложится на плечи тов. Крыленко но несколько замечаний для полноты картины, которую я стараюсь начертить перед вами, я должен сделать.

Здесь я сделаю маленькое отступление вот по какому поводу. Я таким образом указываю на необходимость для эсеровской партии постоянного лавирования между левым и правым крылом. И мне сейчас вспомнилась одна чрезвычайно показательная фраза подсудимой Ратнер, которая сказала: „Именно наша способность лавировать привела нас к тому, что мы и сейчас можем себя считать в лагере пролетариата“. Именно не только способность, сколько необходимость так лавировать привела партию эсеров к тому абсолютному крушению, которое увидели люди, приехавшие их сюда защищать, ибо как иначе учесть, как не крушение корабля, который лавировал и не вылавировал, замечание Вандервельде, что по приезде в Москву он должен был уведомить бельгийских социалистов, что большевистская власть есть настоящая власть и долг каждого социалиста выступать за смычку и связь с Советской Россией. Если обратиться к партиям конкурирующим, то я не вижу ни одной, которая способна сопротивляться большевикам. Когда я ищу места эсерам, то я не могу их назвать иначе, как жирондистами. Как известно, жирондисты не были партией победоносной и сравнение с жирондистами во многом для них подходящее. Но думаю только, что надо уберечься, чтобы не употреблять это выражение слишком точно, потому что оно может быть для партии эсеров и чрезмерно лестно.

Так как жирондистскую партию может быть во время предпринятой хирургической операции можно было бы все таки предостеречь от такого глубокого падения, до которого эсеры докатились. Мы не можем сказать прямо относительно партии жирондистов, чтобы какой-нибудь заведомо монархический генерал на призыв того или другого жирондиста ответил ударом солдатского сапога, как пишет Чернов. Мы не можем сказать, чтобы та или другая авантюра жирондистов служила ступенью к возникновению колчаковщины. Так, что вся гибельность пути, на которой вступает подобная общественная формация, она чрезвычайно показательна для партии социалистов-революционеров. Среди этого лавирования между прочим занимает большое место лавирование налево. Вот, я позволю себе напомнить те места, которые здесь уже цитированы, но которые представляют собою, настолько важные цитаты, что их желательно было бы повторить. Я хотел бы процитировать речи Чернова и Гоца, которые были произнесены в свое время относительно решимости партии социалистов-революционеров, пустить в ход старое оружие в случае посягательства на Учредительное Собрание. Но, может быть, для этого не нужно даже цитаты, потому что она у всех в памяти, разумеется, стремление отвернуться от реального смысла этих призывов, является совер-

шенно жалким. В общем подсудимые редко попадали в такое положение, когда их оправдание было бы жалким. Памятуя, что они поддерживают здесь престиж своей партии, они остерегались подобных положений. Но само собой разумеется, когда с. р-ы угрожали, они отнюдь не имели в виду невооруженное возстание, а террор. Всякие попытки этот очевидный факт отрицать, ставят партию в смешное и жалкое положение, как бы этого ни старались избежать на суде члены Центрального Комитета. Они грозили (насколько они привели в исполнение угрозы, мы увидим), и угроза эта взволновала сердца левого крыла. Левое крыло—боевое, левое крыло болтать не любит, левое крыло хочет дела. И поэтому, когда вожди партии заявляют: вот Учредительное Собрание обидят и мы покажем, возьмемся за оружие. Боевики готовят оружие, готовят бомбы, кураре. Учредительное Собрание обижают, разогнали, казалось, надо приняться за дело, со всех сторон молчатся предложения. Эти предложения не встречают ни приветствия, ни отказа.

В отношении военных действий—защищать, или не защищать? Вооруженная демонстрация, не вооруженная демонстрация?—Так трудно было разобраться. Достаточно привести пример не вооруженной демонстрации в защиту Учредительного Собрания: вывести полки с оружием, подставить под знамя Учредительного Собрания и дать Учредительному Собранию возможность сделать из них опору в борьбе против большевиков. Но это все проглатывается, как само собой разумеющееся, потому что из показания, кажется, самого Гоца ясно, в чем тут дело: надо погодить, посмотреть, выйдет, стихия разбухнет, мы тут как тут, мы используем плоды этого движения. Не выйдет—как бы нам не ангажировать. Поэтому мы тут—наготове, нужно держать ключи, постараться во время вмешаться, но не обмануться, умыться, не сделавшись мокрым. Соответствующие директивы даются, иногда ночью накануне: „назад“, потому, что страшно. Разумеется, дело не в трусости эсеровской, я меньше всего способен заподозрить в трусости такого гражданина, как гражданин Гоц. Дело не в трусости, а в определенных условиях, в которые попала мелко-буржуазная масса. Просто нет настоящей поддержки, есть отрицательное отношение к большевикам, но нет активности масс. Они говорят: большевики сидят на трехногом стуле, их опрокинуть можно, это все свежо, шатко. И эсер ждет, пока обстоятельства до него созреют. Левый не может ждать, и тогда левый бросается в ту или другую борьбу. А центр ни в коем случае не остается к этому равнодушен и также ждет, не будет ли известных плодов, оказывает извест-

ную поддержку, контролирует, но сохраняя (любимое выражение эсеров) „партийные ризы в чистоте.“.

Я останавлиюсь только на явлениях, которые связаны с террором. И тут прежде всего 2 указания на стенограмму. Подсудимый Иванов говорит: так как со всех сторон в это время так в воздухе носились, как он говорит, террористические акты, то по этому самому Центральный Комитет не считал нужным сделать объявление об их воспрещении. Я специально тогда спросил Иванова, как же это он так думает, если это носилось в воздухе, и серьезно, то тогда-то надо это предупредить. Но подсудимый Иванов промолчал тогда, а через 4 дня подсудимый Донской сказал то же самое: „Мы не давали никаких партийных директив о допустимости эксов, чтобы не подавать к ним повода. То есть, партия так рассчитывает на свой авторитет, если она постановит что „не делайте эксов“ — сейчас же начнут грабить. Пужно молчать. Если партия промолчит, то левые догадуются, что грабить нельзя. Редко, кто с теорией Донского согласится и всякому ясно, что это значит промолчать, чтобы не ангажироваться, „ах, — как говорит дама у Толстого, — деньги, деньги взять“. Хотя она с презрением относится к мужику в „Плодах Просвещения“, считая его нечистью, но деньги решила взять, как взяла их партия эсеров, несмотря на запятнанность рук, которые ей протягивали эти деньги. Политика шекспировского короля. Очень не хочется, как это видно из позднейших после покушения на Ленина цитат, из самарских газет, очень не хочется, чтобы коммунистическая партия, как там сказано, была труслива и слепа, очень неприятно, что она храбра и умна, но найдется ли человек, который бы понял мое королевское сердце, если найдется, то не найдется ли такого, который бы выполнил так, чтобы никто не мог понять, что это по приказу короля. Вот такую картину мы видим в отношении подсудимых правой группы, к подсудимым левой группы.

Приходит к Гоцу Коноплева и говорит: „желаю совершить покушение как индивидуальный акт“. Разумеется, как индивидуальный акт, не ангажируя Центрального Комитета. Это первое условие. Даже здесь Гоц не считает нужным выставить такое положение. Было решено, чтобы их не было. И, как члену партии, я должен сказать: эсеры не делают покушения. Вы не должны этого делать. Нет, — он говорит совершенно другое мне показалось, она находилась в очень взвешенном состоянии, не такой человек, у которого это вытекает из монолитной воли, а просто истеричка. И когда он потом, в Москве, является к Коноплевой, он застаёт ее в таком положении, что говорит: ничего другого не смогу рекомендовать вам, как отправиться домой, отдохнуть.

Но вот Фанни Каплан из другого теста. С ней, правда, говорят не Гоц, а Донской на бульваре. Беседа эта начинается так: „Вы помните, в тот самый момент, как вы совершаете этот акт, вы перестаете быть членом партии эсеров. Вы можете не делать об этом никаких заявлений. Это совершенно не важно. Никаких формально юридических соображений не должно быть. Значит, другими словами, говоря это, Донской говорил (Фанни Каплан достаточно умна, чтобы понять это). Вы должны взять ответственность на себя, хотя мы вас не удерживаем и не запрещаем именем партийной дисциплины, но формально мы умываем руки, как самые настоящие Пилаты. Мы, конечно, воспользуемся, как говорится в статье, которая была напечатана в самарской газете, всеми выводами из вашего акта, но не смейте говорить, что это делается с нашего ведома.

Тут два печальных мужества. Первое печальное мужество, что Фанни Каплан сдержала слово. И трогательно держась за партию, заявила, — „я эсерка“. И трогательно лояльно заявила, — „и я вне партии“. Этими посмертными словами здесь заслоняются. В этом заключается их сущность. Второе печальное мужество это то, когда гр. Лихач сделал здесь попытку, по стенограмме могущую быть точно установленную попытку, эту трогательную Фанни Каплан объявить вне своего влияния, отречься от нее, заявить, что она была савинновка. Но, когда на следующий день гр. Тимофеев начал бить отбой, понятно было среди лиц, руководящих защитой, что тут хватчено через край, что, во-первых, этого не докажешь, во-вторых, это производит чрезвычайно тяжелое впечатление.

Еще один факт, когда был разговор в повышенном тоне. Действующие лица — Донской и Семенов. В повышенном тоне Семенов говорит: „Что же вы все отрываетесь?“ Донской не отвечает ему, потому отрывается, что принципиально не признаем для данного времени террора, не на веки вечные, а для данного времени не признаем принципиально террора, а Донской говорит, — это он не сам рассказывал, — а дальше будет фраза, которую он сам сказал, он говорит, по свидетельству Семенова, рационально вытекающему из всей ситуации: „как вы хотите, чтобы это мы признали? Ведь все остатки легальной организации социалистов-революционеров будут совершенно разгромлены. Ведь на наш террор они ответят террором. Мы террором типа Гершуни, а они террором типа Сен-Жюста. Это оружие не равное. Мы потеряем на этом и только в том отношении террор Гершунинского типа может быть пущен против

Сен-Жюстовского, если можно сделать так, чтобы партия осталась в своих чистых ризах“. Тогда Семенов предлагает Донскому, — это уже и Донской признал: — „Хорошо. Мы тогда будем представлять беспартийную автономную группу социалистов-революционеров“. — „Нет, — говорит Донской, — этого мало, вы делайте покушения, вы убивайте этих мерзавцев-коммунистов, но называйте себя черными воронами или соколами“. Прямой рецепт, как мы можем вас использовать, не ангажируя. Вот вам совершенно точный пример той тактики, которая применялась.

Затем припомните диалог здесь на суде между Гоцем и Дашевским. Дашевский спрашивает: „Почему вы не опубликовали резолюцию о том, что отказываетесь от террористических актов“? Тогда начинается чрезвычайное изобилие, целый ряд причин: 1) „нельзя было опубликовать по конспиративным причинам“. „Да почему же“? — удивляется Дашевский. — „Неужели нельзя было сказать, что вы отказываетесь от террора, вот если бы обратное, то другое дело?“ Гоц вычеркивает, стирает губкой, как ученик, который не может ответить учителю и чертит несколько более колеблющейся рукой другую фразу: „Нельзя было опубликовать некоторых подробностей“. Какие подробности? Отвечающий Гоц стирает и это, и вопрос остается без всякого объяснения. Наконец он приводит объяснение чрезвычайно курьезное: „Это было такое массовое явление, что бумажкой нельзя было защищаться против этого“. Это даже удивило председателя тов. Пятакова. Партийное решение это не бумажка. Правда, оно пишется на бумаге, может быть, на пергаменте или золотыми буквами на мраморной доске. Дело не в том. Это документ, постановление партии, опубликованное во всеобщее сведение. Это есть социальный акт. Самое курьезное это то, что на следующий день Тимофеев сказал, что это дело не серьезное, никакого движения террористического не было, не против кого было бороться. С одной стороны, не нужно было опубликовать, потому что все равно ничего не поборешь, бумажкой нельзя бороться со вспыхнувшей стихией, а с другой стороны, никакой стихии не было. Таковы блестящие аргументы, которые были приведены для защиты, к сожалению, их оказалось слишком много. В важнейшем политическом деле Центральный Комитет молчит, как воды в рот набрал. Если мы встанем на точку зрения Гоца и скажем — террористическая волна со всех сторон окружила большевиков, со всех сторон были попытки, даже реальные акты. Если мы присмотримся к этой мутной волне и установим различные физиономии, то вся стихия, вся стихийная волна сводится к Семенову. Как не крути, с какой стороны не подходи — все Семенов и Семенов, так что совершенно ясно, что это не была такая волна, которую

нельзя было бы парализовать, а это была волна, которая выливалась как из горлышка бутылки и которую небольшой пробкой можно было бы заткнуть. Совершенно достаточно было бы маленького усилия партийного авторитета и Семенов был бы парализован, но он не был парализован и всякому совершенно ясно, почему он не был парализован— и в то же время со всех сторон велось такое волнодвижение, которое можно было использовать при случае как попытку такого парализования.

Таким образом, эсеровская партия сделала все от нея зависящее, чтобы использовать левое крыло и при этом именно в виду характера левого крыла партия натыкалась на очень большие неприятности. Эсеровская партия стремится быть партией рабочей и борясь с партией по преимуществу рабочей, коммунистами, она весьма заинтересована была показать, что рабочая партия борется против рабочей партии, и поэтому покушение должен был совершить рабочий. При этом была применена лакмусова марксистская тонкость анализа, нужен был такой рабочий, в котором не было ни одной крупинки мелко-буржуазного элемента, химически-чистый пролетарий. Не знаю, Семенову ли принадлежит эта гениальная мысль или кому-нибудь выше стоящему, но это делает честь расчету „расчету на фурор“, как выразился здесь Усов. Но все дело в том, что лакмусовый химически-чистый рабочий не годится для такого рода эсеровских атентатов и само собой разумеется, если бы кому-нибудь пришла в голову печальная мысль здесь— этот морально потрясающий момент, который каждый из нас пережил при показаниях Усова, Зубкова и Козлова, истолковать как примазывание к власти, то это, как плевок против ветра, вернулось бы по адресу отправителя. Мы все почувствовали с ясностью здесь, что выглянуло из под слоя исторических случайностей, социалогическая коренная подоплека, гранитная основа социальных событий. Надо было взять героическое настроение интеллигентки Фанни Каллан, и нельзя было поручить Усову убить истинного вождя пролетариата, так как у настоящего рабочего не поднимается рука. Здесь делались попытки для дискредитации левого крыла и юридически с уликовой стороны опираясь на то, что представители этого левого крыла превратились в обвинителей или даже в известной пропорции сделались коммунистами. Это доказывает якобы полную непричастность социалистов-революционеров к фактам, которые были сделаны. Поскольку совершенно достаточно здесь был объявлен факт того, что Семенову удалось околпачить Савинкова, постольку меня страшно удивило биение в грудь, которое здесь произошло. Моральное возмущение людей, которые восхваляли поступок полковника Махина.

Если полковник поступает в Красную армию, произносит соответственные слова обмана, лжи, надувает с иезуитским лицемерием и заранее обдуманном намерением, остается в штабах, в среде Красной армии и предаёт их таким образом, что на этой почве проливаются целые фонтанты крови, то это героическая заслуга. Но если, параллельно с этим проникает в лагерь врагов Семенов, попадаетея и окопачивает Савинкова, принимая защитный цвет, то мы должны притти в негодование. Мицкевич в Конраде Валенроде запечатлел такого рода точку зрения, что шпион, изменник такого типа, провокатор для тех, кому он героически служит является всегда героем и может быть награжден какими угодно орденами. Но мы вашего Махина также точно уничтожили бы, как Савинков уничтожил бы Семенова. Однако Гоц, морально возмущенный, Махина называет героем, а про Семенова говорит, что он шкуру хотел спасти. Нет никаких решительно оснований говорить, что военный человек должен пренебрегать своей шкурой. Она есть государственное имущество, пускай окопачивает Савинкова, к которому мы относимся как к мерзавцу. Пускай нас обвиняют, что мы стараемся сохранить шкуру, когда мы перекрашиваем танки и пушки. Вы можете сказать, спасают шкуру, но если бы эти танки были определенного цвета, то это была бы цель, в которую можно прямо было бы бросать бомбы, а они перекрашиваются под цвет ящерицы или черепахи. Это военная хитрость, и ваше моральное возмущение это тоже военная хитрость и ни на одну минуту вы не можете заставить относиться к этому иначе, как к военной хитрости.

Я уже сказал, что террористические преступления эсеровской партии, главным образом, совершались левым крылом.

И надо сказать, что тактика отречения от компрометирующих работников, которые получили определенные поручения от партии социалистов-революционеров, эта тактика входила в традиции партии. Здесь приводился один случай, но я не знаю, почему упущен был другой, очень характерный случай, когда Центральный Комитет партии социалистов-революционеров постановил поручить Рутенбергу притвориться провокатором, и, таким образом, обмануть полицию, и когда Савинков по этому поводу говорит в своих воспоминаниях: „надо помнить, что революционер должен уметь быть не только героем, но и лгать“, то, что здесь сейчас отрицалось, то тогда входило в революционную этику, как и должно входить в военное время,—и вот, когда Рутенбергу было поручено убить Галона, то Центральный Комитет партии социалистов-революционеров отказался признать впоследствии этот акт, и Рутенберг в „Былом“, в номере от 1909 года в

статье „Дело Гапона“ писал: „Я обвиняю бывший Центральный Комитет партии социалистов-революционеров: а) в замалчивании смерти Гапона, совершенной членами партии на основании официально состоявшегося постановления партии, б) во введении в заблуждение публичного мнения, сделанным Центральным Комитетом заявлением в печати в мае 1906 года, где говорилось, что партия никаких сношений с Гапоном не имела, в) в том, что своим поведением Центральный Комитет поставил меня в морально-двусмысленное положение по поводу сношений с Рачковским, инициатива которых исходила от Центрального Комитета и фактически была одобрена всем его составом, исключая одного голоса“. Это относилось, конечно, к золотому веку партии социалистов-революционеров, а переживаемый ими сейчас железный век еще более уснащен подобными методами, от моральной характеристики которых я воздержусь, так как для меня важна только политическая характеристика. Я не буду больше останавливаться на отношении партии социалистов-революционеров к левому крылу, которое будет освещено в речи товарища Крыленко, и возвращусь к правому крылу, которое в большей мере касается моей задачи, чем чисто уликовый характер обвинения в делах террористических.

Какую роль сыграла партия социалистов-революционеров в отношении правых организаций. Она сыграла роль косметики. Реакционная морда не смела выставиться перед народом и поэтому подкрашивалась теми румянами, которые она заимствовала у ультра-красной палитры сидящих перед нами революционеров. Она носила физиономию, приемлемую для самих эсеров, им это нравилось, и для демократических чехов, и так далее. И когда маскарад больше был не нужен, моментально все снималось и бросалось в лоханку. Такого рода явления мы видим в уфимском, сибирском и архангельском правительствах: косметика, в конце концов, оказывалась не нужна. Само собою разумеется, что эта роль глубоко контр-революционная и жалкая. Говорят, смешное убивает, но комизм, который убивал партию социалистов-революционеров, ничуть ее не оправдывает. Смешное убивает, но убивая, оно отнюдь не оправдывает.

Кульминационным пунктом коалиции были счастливые времена Керенского. В эти времена партия социалистов-революционеров стояла до некоторой степени у власти и могла даже тешить себя иллюзией, что ведет за собою министров-капиталистов. „Du glaubst zu schieben und du wirst geschoben“. „Они думали, что поведут, но их повели“. В это время партия социалистов-революционеров была чрезвычайно довольна своей тактикой, она находила ее прелестной, и на третьем съезде партии социалистов-

революционеров была принята такая резолюция: „III Съезд партии социалистов-революционеров видит в создании коалиционного временного правительства, с одной стороны, свидетельство роста силы трудовой демократии городов и сел, а с другой стороны, неизбежный шаг для неотложной борьбы с грозной опасностью всероссийской разрухи — борьбы, необходимой для укрепления новой революционной России, этой первой цитадели, третьей силы (уже тогда третья сила) в современной Европе.

До тех пор, пока решением социалистической демократии группа министров-социалистов остается в составе временного правительства и через нее осуществляется воля этой демократии и ее контроль над всей внутренней и внешней политикой правительства, последнему обеспечивается самая энергическая поддержка и проведения его мероприятий против всех элементов распада и дезорганизации“.

Прошло немного времени, и мы на четвертом съезде. Послушайте, что говорит четвертый съезд об этой прекрасной тактике, которая выражала рост и силы демократии деревни и города, и которая должна была победить разруху, и в которой выражалась воля партии, вот какого рода резолюция: 1) Центральный Комитет в течение шести месяцев работы не всегда соответствовал своему назначению быть органом, руководящим деятельностью партии, не осуществлял в должной мере своей обязанности контроля над деятельностью членов партии“. Центральный Комитет научился впоследствии и потом великолепно контролировал Авксентьева. 2) Этим Центральный Комитет делал партию ответственной перед трудящимися массами за политику, ею не санкционированную, за события, о которых она не была осведомлена, за действия, не соответствующие ни партийной программе, ни ее коллективной воле. Этим Центральный Комитет способствовал подрыву доверия массы к партии“. А где же воля партии, где ее контроль, который третий съезд утвердил? „За события, о которых она не была осведомлена“. Это понятно, если принять во внимание, что говорил Гоц, а именно: мы были осведомлены о том, что делалось в Союзе Возрождения. А когда председатель спросил, откуда были осведомлены, вам делали доклады, он ответил, что были осведомлены так же, как были осведомлены о том, что делается в Центральном Комитете российской коммунистической партии. Но ведь мы знаем, что им многое, что делается в Центральном Комитете российской коммунистической партии неизвестно, значит, им неизвестно было также многое, что делалось в Союзе Возрождения. Члены партии туда входят и в правительство входят, но им известно столько, сколько о том, что делается в лагере врагов.

Нельзя удивляться, что четвертый съезд,—один из самых мудрых съездов (они мудры в периоде каценяммера, когда задним умом приходится думать) что этот мудрый съезд говорит следующее: „Не взяли во время своего руля и оставили его в руках ослабленного, обесцененного, потерявшего популярность правительства, сделавшегося легкой добычей первого же заговора“. Не думайте, что тут четвертый съезд учил Центральный Комитет, ученого учить только портить. Центральный Комитет все это давно знал и в своем циркулярном письме писал: „Во все время партия, согласно оценке IV съезда, к сожалению не смогла или не сумела во время ликвидировать отслужившую в свое время систему коалиции с буржуазными партиями, не давшую возможность трудовой демократии разрешить ряд неотложных задач, неразрешение которых развило брожение в массах, обрекало новый строй на неустойчивость и лишало правительство всякой силы и популярности. Частью вследствие несогласия и недостатка дисциплины в собственных рядах, частью вследствие отсутствия союзников, готовых вместе с партией ликвидировать коалиционный период революции и перейти к созданию однородной социалистической власти, частью вследствие трудности огромной задачи создания такой власти в период непосильной для России войны при упорстве затягивающих ее союзных правительств, частью, наконец, не без основания опасаясь ударов с тыла от крайнего левого демократического крыла русского социализма“. („Крайнее левое крыло социализма“. — лестный комплимент Центрального Комитета по отношению к нам марксистам; Центральный Комитет не приучил нас к этому). „Партия не встала во главе революции и была обречена на пассивное, скрепя сердце, поддерживание быстро сменяющихся друг друга и все более слабых и непопулярных коалиционных правительств, отбрасывающих тень своей непопулярности на нее до тех пор, пока это политическое топтание на месте не утомило большинства масс и не довело до белого каления активного меньшинства их. Октябрьский переворот пожал плоды создавшейся политической ситуации“.

George Dandin tu l'a voulu. Этого именно хотел эсеровский Жорж Данден. Сделали так, что октябрьская революция должна была во что бы то ни стало придти со своими „ошибками“. И так как эти ошибки, вы еще увидите, тянутся до сегодняшнего дня, то понятно, что эсеры так же, как и мы, пожинают плоды каждой своей тактики; вследствие чего эта сегодняшняя ситуация является исторически оправдываемой. Партия поэтому так колеблется, раскалывается и возвращается (извините за нехорошую цитату, но, все-таки, это цитата из апостола Павла, которая читается в церкви)

„возвращается, как пес в блевотину свою“, к тому, что натворила, потому что это партия половинчатая, и половинчатая партия не может не возвращаться, не может не колебаться вправо и влево. Я, впрочем, делаю большой комплимент партии социалистов-революционеров, когда говорю, что она партия половинчатая. Известно, что для половинчатых партий находится место в царствии небесном, которое называется двух с половиным Интернационалом, и, конечно, если-бы партия социалистов-революционеров была половинчатая, она в этом раю нашла бы свое место. Но она больше половинчатая, чем сама половинчатость. Нет, не нашла места. Мастер колебания Чернов старался установить такую позицию, которая не совпадала ни с какой мыслимой на свете позицией. Это видно из следующего (маленькая экскурсия в область интернациональной ориентации характеризуемой нами партии).

Я хочу предоставить вашему вниманию письмо Центрального Комитета партии социалистов-революционеров в бюро международного объединения социалистических партии в двух с половиной Интернационал. В этом письме, которое носит на себе всю печать гениальности в деле колебания, свойственном Чернову, написано так: „Международный пролетариат оказался бессильным в 1914 году предотвратить ход событий. Социалистическая партия всех захваченных военной грозой государств оказались не на высоте тех великих задач, которые поставила перед ними тогда жизнь. Крушение Интернационала, распад единого международного движения, раскол среди пролетариата одного и того же государства, вот та безмерно дорогая цена, которой поплатился рабочий класс за неподготовленность, своих руководящих социалистических партий, за отсутствие единой линии в пределах Интернационал“ . . . „Мировая война закончилась не под ударами восставшего класса, как о том мечтали мы, а в результате военного разгрома одной из борющихся коалиций. Версальский, Севрский, Сен-Жерменский, Трианокский мирные договоры — вот, что завещала окончившаяся война человечеству. Мировая война 1914 года не только не оказалась последней войной, но наоборот, грозит открыть эру новых войн, вооруженных столкновений отдельных народов, колониальных конфликтов. Какую же позицию занял перед лицом этой опасности новых войн второй Интернационал“, тот Интернационал, которого блестящий представитель Эмиль Вандервельде фигурировал здесь одно время на скамьях защиты. „Для него как будто бы ничего в мире не изменилось, начиная с роковых августовских дней 1914 года и, собравшись на первом конгрессе в Женеве, он готовился продолжать ту политику, которая оказалась бессильной предотвратить

мировую войну и потерпела полное банкротство в силу неспособности руководить пролетариатом в ответственные часы истории“ . . . „Все эти проблемы, властно выдвинутые ходом жизни, остались вне поля зрения второго Интернационала. Тогда Центральный Комитет партии социалистов-революционеров в резолюции от 1 марта 1920 года решил покинуть ряды второго Интернационала“.

Итак, совершенно ясно (я жалею, что гражданин Вандервельде не может выслушать этой отповеди своего союзника), что эта партия пришла к краху, что вне поля зрения остались важнейшие явления, вне поля зрения, поскольку она входила во второй Интернационал, что все это сулило в перспективе новые войны.

После этого совершенно понятно, что, выйдя из второго Интернационала, социалисты-революционеры попытались войти в Интернационал двух с половиной. Но тут сказались препятствия. Я еще извиняюсь, не прочел одного очень интересного пассажи. „Второй Интернационал мертвый, умер во время войны“, так что когда Вандервельде говорил, что он является здесь не адвокатом и не министром короля, а представителем миллионов, объединенных во втором Интернационале, то он являлся своего рода Чичиковым, который хотел причислить к себе мертвые души, давно уже признанные мертвыми Черновым. Но когда партия эсеров пожелала войти в двух с половиной Интернационал, то экспертом по этому делу явилась другая мелко-буржуазная партия меньшевиков, как русская отечественная партия, которой и книги в руки. И вот эти люди, взяв книги в руки, заявили следующее в „Социалистическом Вестнике“: „Партия эсеров вышла из второго Интернационала в 20 году и постаралась примкнуть к международному союзу социалистических партий. Решение это вызвало не мало недоумений среди революционно-социалистических партий, входивших в венское объединение, как раз перед официальным объявлением о своем желании примкнуть к последнему.

Заграничные представители партии социалистов-революционеров приняли участие в парижской попытке возрождения Учредительного Собрания, которую западно-европейские социалисты восприняли, как коалицию эсеров с русскими буржуазными партиями в целях, прямо противоположных тем, которыми руководится в отношении России партии венского объединения: признание Советской России и экономическое сближение с ней. Можно было на основании различных данных надеяться, что вмешательство Российского Центрального Комитета партии, покончив с этим разбродом среди заграничных кругов, устранил повод для таких недоумений. Этого, однако, не случилось. За то, когда международный союз социалистических партий осуществлял задачу,

намеченную им при самом своем образовании, и созвал первое совещание представителей всех течений в рабочем движении, то социалисты-революционеры заняли по отношению к этому предприятию резко враждебную позицию. Их газета „Голос России“ в течение всего совещания проводила ту мысль, что единый фронт возможен лишь без и против коммунистов—мысль, которая в настоящее время, более чем что-либо другое служит водоразделом между право-социалистическими и центровыми партиями“. Так что эсеры не могли остаться во втором Интернационале. Мертвые люди, все проблемы вне поля их зрения, они несут миру войну, а пролетариату—развал. В двух с половиной Интернационал тоже их нельзя взять, потому что двух с половиной Интернационал держался иной позиции. Правда, теперь и Мартов не мог усидеть на том краешке второго стула, на котором он сидел и осудил новую тактику двух с половиной Интернационала, которая может вылупиться в нечто черновское и, может быть, тогда партия эсеров займет в нем почетное место. В ответ на статью в „Социалистическом Вестнике“ Чернов разразился довольно пикантной статьей, которую я читать не буду и предоставляю наслаждаться каждому, кто захочет. Чрезвычайно интересен ответ меньшевиков. Несмотря на то, что это целая страница я попрошу внимания к этому замечательному ответу: „Тонем горькой обиды и угнетенной невинности товарищ Виктор Чернов на протяжении целого фельетона „Странный выпад“ жалуется на то, что „Социалистический Вестник“ счел благовременным сделать прямой полемический выпад против нас“. Выпад заключается в том, что „Голос России“ и официальные представители партии социалистов-революционеров заняли определенно враждебную позицию по отношению к деятельности венского Интернационала и созданному им берлинскому совещанию, а наша газета поставила им на вид, что при таком отношении к этой деятельности непонятно, почему они хотят вступить в этот Интернационал, а не возвращаются во второй, с которым по всем вопросам солидарны. В этом возражении товарищ Чернов усмотрел оспаривание нами формального права партии социалистов-революционеров быть принятыми в венское объединение и вопрошает, не раненко ли вы хотите записаться неприкосновенными догматами“. (Действительно,—меньшевики с неприкосновенными догматами).

Кто и когда объявлял их условиями допущения в состав венского объединения. Беспокойство напрасное, вопроса о формальных препятствиях к приему партии социалистов-революционеров мы не поднимали в печати. За всем тем остается однако вопрос, поднятый в нашей заметке: если вы, товарищи, считаете пагубной основную идею Вены—объединение всего расколотого социал-патриотами и большевиками

пролетариата, если вы в противоположность всей Вене считаете не нужной и даже вредной поддержку пролетариатом советской России в ее борьбе против попыток империализма удушить ее дипломатическим путем, то в силу каких причин вы добываетесь вступить в эту организацию“...

Я напомню еще мимоходом, что гражданин Гоц определенно заявил, что сейчас партия социалистов-революционеров в лице своего Центрального Комитета или тех авторитетных кругов, которые здесь представлены, считает необходимым выступить за признание Советской власти буржуазными правительствами, так, что Чернов занимает сейчас такую позицию, находящуюся вне позиций, что она находится вне позиции самого Центрального Комитета партии. И так, несмотря на то, четвертый съезд осудил весьма строго политику коалиций, признал ее ведущейся к полному омертвлению партии и к ее фактически контр-революционной роли, несмотря на это, после съезда сейчас же коалиция началась снова, сначала в виде Комитета Спасения Родины и Революции, затем в виде Союза Возрождения России.

Мы знаем, что существовал правый центр, совершенно уже примыкающий к монархическим организациям, что члены этого правого центра Астров и Щепкин входили в Союз Возрождения и что этот союз был узлом, который характеризуется этими словами Маркса: „Действительно, союз всей реакции против пролетарской революции“ и социалисты-революционеры, конечно, не преминули оказаться в числе этой кампании. Обратите внимание, например, на показание Верховского относительно тех реальных сил, которыми Союз Возрождения хотел воспользоваться. „Около сотни, говорит он, было офицеров, которые вообще, будучи аполитичны, тем не менее не могли поддерживать власть Учредительного Собрания, около тысячи связанных с Суворовым офицеров, которые, будучи аполитичны, могли бы воевать под управлением кого угодно, только бы воевать с немцами и которые согласны защищать родину, какое бы у них ни было правительство. Мы теперь чувствуем, что такое за силы и если эта первая сотня офицеров представляет собою элементы более или менее эсеровского типа, право-эсеровского типа, то эта тысяча офицеров заключала в своих недрах всех Чаплиных, Галкиных и Колчаков и мы знаем, что значит аполитичность этих, готовых защищать родину под эгидой какого угодно правительства персонажей. Мы знаем происхождение и развитие Союза Возрождения.

Я уже говорил, как хорошо устроили эсеры с Союзом Возрождения, хотя и говорили члены Союза Возрождения о партии социалистов-революционеров, что директив ни они нам не давали, ни мы им никаких отчетов не давали,

а что они действовали совершенно самостоятельно. Почему? Великолепно об этом говорит Гоц: они же были взрослыми людьми. Центральный Комитет дает свои директивы и требует отчетности от членов партии, работающих в других организациях, только в тех случаях, когда они являются детьми или, может быть это политические младенцы, а раз этот политический младенец стоит на своих собственных ногах, раз это взрослый человек, то ему предоставляется действовать как угодно. Вот почему я думаю, что партия социалистов-революционеров была лоз-организацией. Показания Дашевского не опровергаются, что было поставлено так: кто из членов входит в ряды Союза Возрождения с момента, когда он показал свои черносотенные зубы, кто был втянут, в этот союз, тот механически выбывает из партии. Такова своеобразная формула политического деятеля: он не входит, а бывает, втянут, не выходит из организации, а механически выбывает, совершенно так, как какой то автомат или камень, он не имея своей воли, может быть брошен в течение и может быть втянут или вытолкнут.

Гражданка Ратнер заявляет, конечно, всякий, кто к этому времени был в рядах Союза Возрождения, тем самым должен был считаться выкинутым из партии социалистов-революционеров, а между тем мы прекрасно знаем, что видный член партии социалистов-революционеров, Бунаков, был в Яссах именно сам представителем Союза Возрождения, и до сих пор партия социалистов-революционеров не считает его выброшенным. Это удивительно осторожное отношение к Союзу Возрождения.

Совершенно также устраивается партия социалистов-революционеров и в отношении ко всем другим союзам. Например, если я скажу, или мог бы сказать, что корни партии социалистов-революционеров протянулись от Семёнова, если взять его, как представителя крайней левизны, до Краснова, то совершенно напрасно будет теперь возмущение по этому поводу, которое раз уже имело место. Действительно, говорят, что уже с таким явно черносотенным типом, как Краснов, ничего общего партия социалистов-революционеров иметь не могла. Допустим, что тогда еще не была видна вся махровость его черносотенности, когда Гоц использовал Краснова и в победоносном походе на Петроград шел с ним вместе от Гатчины. Тогда это не было ясно и для Ленина, который Краснова выпустил. Но когда министр иностранных дел самарского правительства Веденяпин дает Сухомлину через Гуревича общую директиву о том, как представить порекламнее количество союзников эсеровской партии, то он говорит: „Мы находимся в сношениях с добрармией на севере Кавказа, организованной генералом Алексеевым, Краснов на Дону и Грузия может быть

против воли все еще держатся германской ориентации, но с изменением стратегического положения может измениться и их позиция“. Таким образом, вы видите, что диапазон партии устанавливается совершенно ясно. Имея такое левое и такое правое крыло каждый член партии социалистов-революционеров фактически действует сам за свой счет. Это есть общая черта истории и действий этой партии.

Я приведу один эпизод, на котором я не могу не остановиться. Вопреки смыслу решения четвертого съезда объединившись с буржуазией вплоть до черносотенных казаков, черносотенность которых впоследствии испугала самих эсеров, которые составили армию Краснова, но оказались впоследствии менее контр-революционными, чем сами эсеры тем, что покинули ряды этой армии, — устраивается знаменитое юнкерское восстание. Я останавлиюсь на нем очень коротко. Я должен констатировать со своей объективностью факты, которые установлены следствием. Здесь совершенно определенно установлено, что когда юнкерское восстание оказалось разбитым, во всеуслышание появилось напечатанное за подписями Авксентьева и Гоца заявление, что они никогда не подписывали определенного документа. Это был единственный, опубликованный во всеобщее сведение документ. Произошло совершенно явное отречение. На мой вопрос, тогда же заданный: думает ли гражданин Гоц или кто-либо другой, что такое отречение без упоминания о том, что мы юнкерское восстание в общем, принципиально хотя бы, признаем, но таких-то и таких-то документов не подписываем, — без таких оговорок могло ли оно быть принято за что-нибудь другое, как не за заявление, что Центральный Комитет партии в этом деле не принимал участие. Такое же впечатление это должно было произвести на публику и на тех, от кого отрекались, как и позднейшее отречение Центрального Комитета. Но, предчувствуя, что это явление такого же порядка, гражданин Гоц старается всемерно ослабить его. Он говорит: „всего шесть дней прошло, он поправил мою арифметическую ошибку, — только шесть дней, нельзя забывать, — сказал он, — арифметики“. Всего шесть дней прошло до того момента, как он горделиво заявил, что он участие принимал. Но не надо забывать, что за эти шесть дней он успел побывать в Смольном, и был оттуда выпущен, потому что никто не знал, что он организатор восстания, что за это время он был разоблачен и поставлен вне закона. Рисковать было нечем, и гражданин Гоц практически был вне черты досягаемости. Если он сказал, что он в то время находился в Петрограде, то это ничего не меняет: можно было в то время жить в Петрограде и чувствовать себя в безопасности от петроградской власти. Кроме того, риска не было никакого. Таким образом, это контр

признание, выдержанное в таких терминах, что по существу, не затрагивая Центрального Комитета в целом, оно было такого порядка, что можно сказать: если бы какие-нибудь обстоятельства дела дали возможность признать тот или другой акт, то возможно, что он и был бы признан. Важно только, чтобы говорящее против этого явления, чтобы то, что является угрожающим в случае отречения, отпало, а здесь оно отпало. Таким образом, здесь была попытка от того движения, которым руководила партия социалистов-революционеров, отмежеваться.

Дальше я хочу сделать обзор дальнейшего периода — защиты Учредительного Собрания. Здесь нужно остановиться на политическом анализе той теории, которую развивали здесь подсудимые. Прежде всего, Учредительное Собрание само не может защищаться и быть активным. Я понимал бы еще, что члены Учредительного Собрания, как лица дорогие для избравшего их народа, не должны рисковать своей шкурой, так называемой, драгоценной жизнью. Но нет, как члены эсеровской партии они рвались в бой, как львы. А это какая то своеобразная теория, Учредительное Собрание есть власть в стране, но оно не имеет права даже защищаться. Такой власти, которая существовала бы; и не имела бы права защищаться, я знаю только один пример: сенаторов, которые сидели в Риме при вторжении галлов, и то, когда их стали дергать за бороды, то один из них ударил кого то по башке, и неизвестно, не сделал ли бы кто-нибудь из эсеров-сенаторов в Учредительном Собрании тоже самое. Это новая формация политического и социологического мышления мелко-буржуазной партии. Но эсеры имели еще некоторые органы. Для них эти органы были тоже самое, что Бог Слово для господ бога — они через них действовали, как господь бог действует через Слово. Была фракция социалистов-революционеров, которая состояла из большинства членов Учредительного Собрания, естественно, что воля фракции как будто совпадает с волей Учредительного Собрания. Были еще совещания фракций за исключением одной коммунистической. Эти два органа, однако, тоже не имели права быть властью мы еще встретимся с ними и увидим, что они имели, однако, некоторое право, не будучи властью, быть все-таки яко власть, нечто вроде такой просфоры и вина, которые превращаются в тело и кровь господ, так, что все зависело от того, как к ним подходить. Но рыцарем хранителем Учредительного Собрания была партия социалистов-революционеров. Она взяла на себя роль рыцаря хранителя и выполнила ее с надлежащим блеском: она хранила Учредительное Собрание в день разгона его мужественно и с полным эффектом. И до вторичного разгона Учредитель-

ного Собрания. Первый разгон его, как известно, был произведен воинственным человеком матросом Железняком. Второй разгон был сделан начальницей женской гимназии города Екатеринбургa. Однако, и здесь рыцари эсеровской партии не смогли защищать Учредительного Собрания и оно покорно разошлось по слову этой „могучей“ представительницы екатеринбургской власти.

Как же представители непосредственной революционной стихии подымались, чтобы защищать Учредительное Собрание? Человек, который в других случаях не был Гамлетом, сейчас переживал гамлетовские настроения: „румянец сильной воли гас в экстазе размышления“. Иногда в поздний ночной час это размышление останавливало боевую защитительную деятельность партии социалистов-революционеров. Так жило и умерло Учредительное Собрание, при чем умерло оно от недостатка силы. Конечно, если бы мы имели тогда уже силу, мы тогда уже с вами покончили бы“, — говорил Гоц. И тут мне припоминается одна коренная русская пословица: бодливой корове бог рог не дает, бодливость была уже тогда у партии социалистов-революционеров, но рогов у нее не было. Те небольшие рожки в виде боевых дружин, которые с дьявольской любезностью предлагал использовать Семенов, были за недостаточностью величины отвергнуты, и начались поиски за рогами. Два рога впоследствии нашлись, а именно, Антанта и чехословаки с черносотенным офицерством. И когда от этих рогов пришлось отказаться, то вышло то, что здесь сказал гражданин Гендельман: партия уже не могла больше занимать активной позиции — ее деятельность сделалась идеологической и подготовительной к новым рогам. Здесь нам было заявлено: мы ведем непримиримую борьбу. Бодливость одна осталась, но желательно было достать рога коренные, отечественные, самодельные и, так сказать, доморощенные. Где же их было найти, как не в крестьянстве? Ведь эсеровская партия — „крестьянская“. Какой вздор! Эсеровская партия не партия крестьянства, когда гражданин Тимофеев еще в первой своей речи с горькой улыбкой сделал свое горькое признание, „наша беда в том, что мы не сумели организовать свои силы, которые бы противопоставили вам“, и когда потом все вновь и вновь делались заявления, что чуть ли не вся Россия против нас, то какая же вы партия крестьянская, когда вы не могли организовать крестьянства?

Крестьянство такой класс, который нуждается в организации внешней, который сам организовать не может, для которого больше, чем для другого класса нужен кристалл, который бы его связывал. А партию больш. крестьяне будто-то ненавидели, шли на нее с дрекольями и она осталась у власти.

Как крестьянство выступает в революции вообще?

Во-первых, как массовая жакерия, которая разливает тот пожар, который составляет базу революции в городах. Кому он пошел на пользу, этот пожар, эсерам, Чернову, Авксентьеву? Нет, он целиком пошел на пользу большевиков. При свете этих крестьянских пожаров было разогнано Учредительное Собрание. Во-вторых, выступление крестьянства, как армии. Но ведь армия ненавидела, якобы, нас, большевиков, а между тем, Красная армия у кого оказалась, эта Красная армия из дезертиров, из кадровых офицеров, которые были нашими врагами и про которых Троцкий говорил, что ни одна армия не была так предаваема и продаваема, как Красная, в пролетарской партии нашлись способы организовать миллионы крестьян, разбить своих врагов по всем фронтам, в том числе и эсеровскую партию, забрать это кадровое черносотенное офицерство и в конце концов одержать полную победу,—это значило суметь организовать крестьянство. И последняя задача — организовать экономическую поддержку крестьянства. Мы вели борьбу самым резким способом, именно таким путем, что действовали и убеждением, но еще в большей степени принуждением, ибо, если бы мы так не действовали, то не могли бы дать для революции той экономической базы, на которую она могла бы опереться, и мы изменили тактику, когда оказалось возможным и перешли к организации крестьянского труда в такой форме, в какой он ему, как социальному классу, свойственен. Вот почему можно сказать, что пролетариат является одновременно не только представителем своих классовых интересов, но и действительным представителем интересов всех трудящихся. И его организующая партия, которая черпает из сокровищницы организационного гения пролетариата свою организационную мощь, может организовать и черносотенное кадровое офицерство, и крестьянство, ненавидящее иногда советскую власть за продовольственную политику. А эсеровская партия этого не может и никакие крестьянские полки, на которые ссылался гражданин Раков, помочь ей не могли. Как только чехословацкие силы, как только антантовские силы, как только черносотенное офицерство оставили самарское правительство без поддержки, сейчас же эти самые крестьяне и рабочие, которые так ненавидели коммунистов, сломали тех эсеров, которые так любят рабочих и крестьян, при чем у них были, как они сами говорили, и хлеб, и деньги, и симпатия всего мира. У нас не было ни хлеба, ни денег, ни симпатии. Единственное объяснение, которое привел такому неожиданному обороту свидетель Филипповский, это то, что „у нас было много черносотенцев“. А у нас их не было? У нас также было очень много черносотенцев, но только у

нас против них действовала Чрезвычайная Комиссия, а у вас был генерал Галкин, который делал что хотел, в то время, как Комуч носился как дух святой над хаосом, нигде голубинными лапками не прикасаясь к действительности. Таким образом, эсеровская корова могла получить только такого сорта рога: Антанту и черносотенное офицерство, которые в отличие от обычных рогов не манипулировались коровой, а наоборот, вели за собой корову, как им желательно.

Перехожу к анализу свойств этих самых рогов. Я должен сказать, что с Антантой первоначальная связь формально создавалась во имя того же идеала, во имя которого эсеровская партия искала и контакта с крестьянством, именно во имя патриотизма. Брестский мир, немецкая опасность, субъективная или объективная, восточный фронт, знамен. вост. фронт, который нигде никогда не осуществился, солдаты которого убили не мало коммунистов, но ни одного немца, вся эта теория восточного фронта была выдвинута неискренно, и как тактика. Конечно, как Авксентьев говорит, умно было отречься от прямой интервенции, это было лицемерие, но лицемерие законное. Это играло известную роль в патриотизме. Но на скамьях подсудимых сидит не мало тех, которые были социал-патриотами в свое время. А тут подоплека надклассовая действовала: против немцев—ах, как хорошо, против буржуазии... живая сила страны, как то неудобно. А вот против немцев, с этим все могут быть согласны. К ужасу эсеров никакого патриотизма в массах не было. Самая активная часть масс шла за большевиками, была интернациональна. А пассивная часть хотела быть дома на печке с женой, ничего не хотела знать. Поэтому ничего не вышло. Вышло одно: эсеры заинтересовали собой Антанту. Антанта стала обращать благосклонное внимание на эсеров, и эсеровского, нелегитимированного еще вручением портфеля, министра иностранных дел гражданина Тимофеева.

Я должен сказать, у меня лично получилось впечатление, что у нас была одна ошибка в оценке партии социалистов-революционеров. Мы думали, что эсеровская партия получала много денег от Антанты. У меня получается впечатление (может быть, другие со мной не согласятся), что она получала чрезвычайно мало денег и ток освенно, через Союз Возрождения. Но гордиться тут нечего... Не давали—не стоило, нечего было покупать.

Какие то деньги передавались, тут гражданин Игнатьев все эти суммы пересчитывал, они присылались и при посылке пропадали. Но что же это за суммы. Это, можно сказать, на завтрак для боевой организации. Отсюда, мне ка-

жетоя, товарищ Крыленко не сможет никаких улик высосать. Мало денег получали, но даром, сколько могли, служили и служили с благородством на челе и с субъективной уверенностью, что служат Антанте против немцев, при чем соображения, что Антанта есть такая же империалистическая сила, как немцы, им не приходило в голову. И вот начинаются сношения с Антантой. Антанта хочет эсеров использовать. Какой был первый план использования? Провокаторский. Мы не знаем насколько далеко он зашел. Генерал Лаверн объявляет: Вот хорошо, если эсеры устроят террор снизу, большевики террор сверху, при этом пропадет кое-кто из большевиков, это пустяки, что эсеров при этом видимо-невидимо попадет тоже пустяки. Но оказавшаяся в итоге ненависть против большевиков—это для Антанты хорошо. Таков был сверх-азефовский план генерала Лаверна. Насколько этот романтический план удался—я не знаю. Но попытка была. Попытка подтолкнуть эсеровскую партию на самое бессмысленное восстание, которое заставило бы власть в эту страшную критическую эпоху выпустить из рук знамя мировой социальной революции, которая заставила бы со всей резкостью и революционной решимостью подавить этот удар. Тут эсеры действовали как взрослые люди, но такие взрослые люди, которые в Савинковской и Перхуровской аванюре приняли участие. И мы знаем, что Савинкову, был поставлен прямой вопрос: мы вам платим деньги, пожалуйста, где же ваша работа. Ну, что же, ответил Савинков, я могу в Калуге или в Ярославле. Ну хорошо, в Ярославле. Идет. Получается отвратительная бойня. Не нужная, жесткая страница в истории нашей революции, совершенно не подготовленная стихийно, прямо выскочившая из провокаторского плана Антанты. Я упоминаю об этом здесь для характеристики Антанты, а не для характеристики эсеров. За то для характеристики эсеров можно сказать, что министр иностранных дел без портфеля, гражданин Тимофеев, разговаривал с представителями Антанты на счет золота, которое вывозилось в Германию.

Тут на вопрос обвинителя Покровского давались ответы такие, что действительно мне хотелось сказать—хорошо, что этому младенцу политическому все таки не дано большой способности вредить. Ведь человек совершенно с ясным лбом говорил нам, что я понимал, что если бы мы взорвали с Вертамоном поезда, которые везли контрибуцию в Германию, фактически имевшую возможность раздавить революцию в России, и если бы в результате этого на вас набросились германские полчища, мы были бы очень довольны. Антанта вас спасла бы, та самая Антанта, которая хорошо спасла социалистов-революционеров в другом случае. По счастью, здесь, кроме некоторой авантюры,

не произошло ничего рокового и наша дипломатия смогла, несмотря на детскую игру с политикой левых социалистов-революционеров и правых социалистов-революционеров, выйти победительницей в дипломатической игре. Этот Брест явился гениальным политическим шагом. Он фактически дал громадный толчек революционным событиям в Германии и сохранил и Советскую Россию и независимость России вообще. В остальном дипломатические сношения с.-р.-ов с антантой представляются довольно комическими. Тимофеев в кафе Филиппова разговаривает с Эрлишем. Эрлиш охарактеризован здесь свидетельскими показаниями, как человек в высокой степени не заслуживающий доверия. Самый подлинный карьерист, который временно назвал себя социалистом, чего совершенно достаточно было для того, чтобы была ясна его антантовская шпионская физиономия. И этого достаточно было для Тимофеева, чтобы он вел с ним переговоры, как представитель России некоторым образом, с представителем прекрасной Франции. Но это не долго продолжалось, потому что мы читаем в „Деле Народа“ в статье, которую огласила подсудимая Ратнер, следующее: „Другой политический представитель Держав Согласия действует на Кубани в Екатеринодаре. Его имя не безизвестно в социалистических кругах Москвы“. В особенности в кругах Тимофеева оно хорошо было известно. „Это товарищ Эрлиш, теперь лейтенант . . . в России он выступал, как член социалистической партии, служивший случайно при посольстве, вращаясь в социалистической среде, оказывая услуги, стараясь информироваться. «Шпионил». В Екатеринодаре он был официальным дипломатом, произносил пламенные речи о высокой Миссии добровольческой армии. К товарищам социалистам Эрлиш не обращался, он сделал на них политическую карьеру и они ему не были больше нужны“. На министре иностранных дел Тимофееве Эрлиш сделал свою карьеру, но был другой еще дипломат Дюма.

Тут один штрих интересный. Когда гражданин Тимофеев заявил, что не очень ладилась разговоры с Дюма,— „я по-французски не говорю, а он глухой“, получалась замечательная картина разговора немого дипломата с глухим. Эта картина вызывает в нас не отвращение, а довольно добродушный смех, даже тогда, когда он говорил, что Дюма решил взорвать наш флот, кроме добродушной улыбки в нас это ничего не вызывало. Но Дюма кроме того, что играет политическую роль, пытался получать еще порядочное жалованье. Главный его политический акт, который мы знаем, следующий.

Как я уже говорил, кроме Учредительного Собрания, которое само ничего не могло, а есть как бы чистая абстракция, есть у него, кроме того, эманация. Первая эманация—

это именно совещание франций Учредительного Собрания. Я теперь раскрою скобки, почему по юридической теории эсеров оно не могло быть властью, если бы оно попыталось быть властью, то настоящая власть посадила бы эту мнимую власть в кутузку, поэтому ему нужно было не выступать, дондеже не раздастся труба Страшного Суда. Что касается эсеровской фракции, то она пыталась поступить еще хитрее и тут Дюма оказался достаточно сообразителен, несмотря на свою глухоту, и заявил, что эсеры говорят так, что с Антантой для интервенции может союз заключит только власть, а мы не власть. „Вот тут“—говорит Дюма, „и завыка“. Что же тут делать? Интервенция без власти невозможна, а власть без интервенции невозможна. Но тем не менее Дюма нашел выход, вероятно, при помощи Тимофеева.

Выход заключался в следующем, что не власть должна была согласиться, а Россия должна согласиться и по толкованию Дюма, хотя совещание фракций не представляет собою власть, но Россию представляет. И вот при помощи такого расчленения, которое любому богослову сделало бы честь, и партия социалистов-революционеров, сама, по крайней мере, могла попытаться через союзников добиться благоприятных результатов. Однако, на самом деле, благоприятных результатов она не добилась. Дюма стали платить мало денег, он обиделся, Дюма поехал в Париж и, кажется, примкнул к оппозиции против правительства, ибо такие люди, как Дюма, не могут поддерживать правительство, которое им плохо платит. Но за то мы имеем перед собой другой документ, характеризующий отношение к Антанте (не напрасно все таки старался Дюма). И когда, наконец, уже среди социалистов-революционеров появился министр иностранных дел с портфелем, гражданин Веденяпин, то он поддерживал полностью традиции гр. Тимофеева.

Веденяпин в пространном письме к Пишону, которое, чтобы не тратить времени, я не буду перечитывать, говорит обо всех имеющихся в руках партии социалистов-революционеров средствах борьбы. Он говорит, взывая к интервенции: „Только ради бога не чисто японская интервенция, замените американцами или вообще культурными людьми“.

Тут та же самая жалчайшая иллюзия,—японец скверный империалист, а американец лучше, может быть даже не империалист, а демократ, может быть вообще Вильсон святой человек, это не совсем ясно. Но ясно, что их настроение, внутреннее переживание с точки зрения той мешанены, на которую они опираются, для них эта иллюзия не может быть ясна.

Итак, американцы. И вот на это Пишон отвечает письмом: считаю нужным процитировать, напомнить еще раз его,

потому что оно в высшей степени характерно, в высшей степени оправдывает подсудимых от всякого подозрения в том, чтобы считать их серьезными политиками, но не оправдывает в том, что они по мере сил старались служить Антанте и Антанта пренебрегала на практике их услугами, а настоящих своих союзников видела в Колчаке, соглашаясь социалистов-революционеров принять только как косметику.—„Как косметика на роже Колчака—пожалуйста, пока настоящий человек не придет, вами не гнушаемся, а сами по себе вы слишком слабы, вы нам не нужны“.

Позволю себе привести цитату из телеграммы Пишона Веденяпину, начинающуюся словами: „Был счастлив узнать от Маклакова о создании правительства, имеющего целью.... Ключ к вашей значительности за границей лежит скорее в реальной силе, чем в ваших легальных правах, тем более, что последние отнюдь не несомненны. Все здесь полагают, что только Учредительное Собрание может реорганизовать Российское государство, но невозможно отождествить Учредительное Собрание с его комитетом, из которого исключены две политические партии, что колеблет самый принцип легальности, ибо 250 членов представляют собой слишком узкую легальную базу. Вот почему ваше происхождение от Учредительного Собрания не имеет большого веса в глазах Европы, это скорее моральная, чем законная сила. Таким образом, необходимо дать нам доказательства вашей реальной устойчивости и вашего признания страной“. Вот ключ к тому, почему Антанта никогда, как говорит Вандервельде—жаме, гранд жаме,—не принимала всерьез партии социалистов-революционеров, которая не импонирует как неимеющая своих собственных сил, а когда она их имела, они были за счет Антанты, либо тех реальных реакционных величин, с которыми Антанта считалась. С этой „третьей силой“ она считалась, но не с ними.

Я не хочу затягивать речи и не буду цитировать замечательного документа, как архангельское правительство при участии гражданина Лихача относилось к иностранным интервентам. Это чрезвычайно глубоко показательный документ и он показывает такую степень бессилия, такой страх, такое подобоострашие по отношению к интервентам, дальше которого некуда идти. Помните, когда Лихач заявил здесь, что была попытка самостоятельности, со стороны архангельского правительства, как его третировали и как потом нашкодившие архангельские социалисты-революционеры ушли, унесли ноги и предоставили действовать союзникам по их усмотрению с Чайковским. Столь невыигрышную для партии позицию мы может увидеть в этом документе, который приобщен к делу. Он показывает, до какой широкой самостоятельности было доведено это правитель-

ство. Оно не могло даже добиться того, чтобы распоряжения проходили через него, а не давались прямо населению Архангельска. Вот смысл этого самого документа. Но, конечно, эта связь с Антантой далеко не была невинной. И именно преступления, хотя незначительные по глубине, но чрезвычайно злостные, вроде взрывания поездов, они оказались почвой для колоссальных преступлений, ибо, конечно, архангельская авантюра, чехо-словацкая авантюра есть колоссальное преступление.

Я не буду сейчас анализировать отношения к чехо-словакам, это должен будет сделать государственный обвинитель, товарищ Муна, так как он взял специально эту сторону для изучения и выяснения всех обстоятельств этого эпизода, но я могу только сказать, что здесь несомненно с антантовскими силами появились и силы черносотенного офицерства и что в результате объединения этих двух сил, эсерам удалось добиться власти, а как выглядела эта истинно-демократическая власть, об этом уже расскажет вам Николай Михайлович Покровский.

Сам Центральный Комитет Партии социалистов-революционеров пришел к выводу, что результаты вмешательства Антанты крайне неутешительны, так что ко времени 9 съезда, это достаточно здесь цитировалось и приводилось, отказался от этой политики, и мало того, что он отказался от этой политики, но в одном из окружных посланий ко всем организациям партии Центральный Комитет с чрезвычайной резкостью осудил эту политику и указывал с громадной горечью на то, к чему привела интервенция и на крепость заднего ума, который констатировал 4-й съезд, со столь же неприятными результатами.

Уже после того, как это было констатировано, фактически политика интервенции продолжалась правым крылом. Но эту часть истории интервенции и роль правого крыла в этих обстоятельствах я отнесу к более позднему периоду моей речи, а сейчас мне придется поговорить о другом роге, о черносотенном офицерстве, о том, в какой степени это черносотенное офицерство использовало эсеров и в какой степени оно было ими использовано.

Председатель. Объявляется перерыв на 10 минут.

Председатель. Заседание возобновляется. Товарищ Луначарский продолжает.

Луначарский. Итак, т. т. судьи, другая сила, которая появилась в распоряжении партии социалистов-революционеров и дала ей возможность проявить себя, как активную боевую социальную величину, это было черносотенное или получерносотенное офицерство. Уже в самом начале орга-

низации этого офицерства, когда гражданин Ратнер спрашивал гражданина Тимофеева—чем объясняется, что эсеры посылают на восток и север, туда, где им нужно было создать реальную военную базу, чем объясняется, что туда посылают офицеров с высокими чинами и низким политическим уровнем, которые могут впоследствии оказаться врагами, ответ на это был такой: нам нужны не хорошие социалисты, а хорошие специалисты. Накопление этих специалистов потом и дало соответственные результаты. Теория, которой представителем здесь являлся свидетель Верховский, теория аполитического офицерства, которое только и жаждет, чтобы защищать свою родину, какое бы правительство или какой бы класс ни был во главе этой родины, это есть совершенный и абсолютный абсурд.

Армия, как таковая, при прочих равных условиях, в обычное время есть сверху до низу орудие своего правительства, по общему правилу буржуазного, и это правительство создает армию по своему образу и подобию. И если оно черпает материал из других классов, то переделывает его по своему в казармах, которые являются соответственным аппаратом для одурачивания солдат, взятых из другого класса для целей господствующего класса. Так была создана царская армия. Вот по мере того, как в революции народ пробуждается, это пробуждение проникает в казармы и возвращает отторгнутых от своего класса крестьян и рабочих в солдатских шинелях на лоно своего класса. Такой случай мы имели в России при войне. Но офицерские кадры которые должны сплочивать эту армию и которые должны ею руководить, они являются проводниками воли того класса, который господствует. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что каждый раз, когда совершается революция, генералитет в большей мере и несколько ослабевая и бледнея по мере продвижения к низшим слоям офицерства, будет всегда заражен реакцией и будет устремляться к реакции. Это мы видим в современной Германии и всюду будем видеть, где будет революция.

Грандиозной опасностью реакции всегда будет офицерство. Составлять себе иллюзию, что будто офицерство, прапорщики и юнкера, взятые из мелкобуржуазной среды, могут серьезно противоборствовать тенденциям, более или менее черносотенным всей офицерской среды,—это совершенный абсурд.

Конечно, мне могут возразить: позвольте, а вы кадровое офицерство не использовали? Да, использовали, но как? Тут то и зарыта собака. Можно пользоваться специалистами из другого, чужого класса, если крепок и прочен, если не тратишь слов по пустому там, где можно власть употреблять. Кадровый офицер сыграл положительную роль даже

тогда, когда он был может быть монархистом внутри, потому, что мы взяли его под контроль, взяли в железно, мы его использовали, но использовали под контролем и не дали использовать себя.

Рыхлая эсеровская партия тоже попыталась ездить на кадровом офицере, но он понес ее туда, куда ему было угодно. Ибо сравните отношение нашего политического управления армии ко всяким попыткам со стороны кадрового офицерства проявить свои черносотенные тенденции, и то, что проделали безнаказанно Галкин и Колчак, пока они этих реверансирующих перед ним эсеров окончательно не прогнали. У них не было той силы, которая могла офицерство использовать принудительно, а была только косметика, которую офицерство могло использовать, чтобы создать под видом демократии переходный перешеек, перешагнув через который, можно бы было произвести реставрацию. Ведь ясно, что это офицерство желало определенного восстановления старого режима в армии, а следовательно, и в обществе, при котором оно было привилегировано. И армия в лице офицерства, поскольку она использовалась эсерами, действительно сыграла, как здесь свидетель Филипповский говорил, разрушительнейшую роль не потому, что не могла быть орудием в руках революционного правительства, а потому, что она могла быть орудием только в руках сильного революционного правительства; в руках слабого революционного правительства армия есть колоссальнейшая опасность, и очень может быть что такое же рыхлое и слабое германское правительство испытает, что значит беречь своих генералов и обходиться со всей обходительностью и вежливостью со своим офицерским составом. На севере, где действовали подобные силы, они, разумеется, моментально, целиком сговорились и подчинились Антанте, и мы знаем результат авантюры тамошней, не тот окончательный, за который как будто бы эсеры не ответственны, или ответственны косвенно, который выразился в возмутительнейшей записке — стоне к Антанте не покидать бедных северян, впавших в контрреволюцию, потому что очень уж страшны приближающиеся большевики, а вот тот финал, или полуфинал, при котором исчезает сам Лихач, который был проводником там эсеровской политики. Этот финал сам по себе показателен. Офицерские силы, может быть, те самые, которых Тимофеев посылал из Москвы, наверное, там были такие, сослали правительство в Соловецкий монастырь. Затем правительство возвращается не столько потому, что рабочие возмутились, а потому что Антанта сочла, что еще рано смывать косметику. Но почувствовав, что интервенция полная, что дальше существовать невозможно, нет никакой тени самостоятельности, эсеры убираются во-свояси, оставляя все, что наде-

ляли: заварили кашу, но расхлебать ее не желают. Им за то пришлось расхлебать ее в других местах: в Сибири и в Самаре.

О Самарском и вообще поволжских проявлениях истинной демократии я говорить совсем не буду. М. Н. Покровский достаточно времени посвятит для того, чтобы проанализировать эту страницу истории эсеровской партии. Я только повторю то, что уже сказал — об этой картине абсолютного бессилия тогдашнего Учредительного правительства. Было смешно слышать, как очевидно честнейший Раков серьезно говорил, как издавал законы, как он волновался, что если раньше известного срока пили вино, то это без его разрешения, как ему нравилось, что он что-то такое разрешал, что там раковки были. Были раковки, да, но политика была не раковская, а Галкинская, политика, которая проводилась жестоким образом, последовательно, и перед которой по всем свидетельствам учредиловцы пассовали в виду того, что не на кого было опереться. Никакие николаевские полки и ижевские ополчения, которые, конечно, представляли известную силу, по малочисленности и малоубежденности, по стремлению при малейшем колебании перейти на нашу сторону, не могли ни капельки спасти ваш режим против кучки наступавших колчаковцев, вторгавшихся в Уфу, и против наступления той голодной, холодной армии, которая на вас наступала с запада.

Самара, казалось, должна была поставить воочию вопрос, который может стоять сейчас перед подсудимыми даже, если они хотят быть политически честными. Ведь, они утверждали, что нет сил, на которые большевики опирались: рабочие ненавидят, крестьянство ненавидит, западная Европа ненавидит, интеллигенция ненавидит, церковь ненавидит, большевиков около 400.000, членов партии, и это, как гражданин Гендельман пытался даже из Маркса цитировать, проходимцы какие то, 400.000 проходимцев против великой эсеровской партии в течении пяти лет укрепляют власть и достигают той прочности и уверенности, которую сейчас можно демонстрировать. Как, каким чудом? Выходит только так, что или дьявол какой то вмешался, который сделал совершенно неприятное, причины никакой, а следствие налицо, или коммунисты, это необыкновенный гений, может быть, злой гений, но необыкновенный гений. Иначе понять этой картины невозможно. Она особенно рельефно выступала в показаниях свидетеля Филипповского. Мы в хлебе не нуждались, хлеба было достаточно. В деньгах не нуждались, деньги были, симпатии были полные. Рабочие были удовлетворены. Крестьянство жило как в раю, как у бога за пазухой, даже капиталистов боготворили, они тоже деньги давали.

Словом всякая штука. Филипповский говорит, что это доказано. Словом, прекрасная прочная база, и однако она тает, как лед весной. А кто наступают, наступают, оказывается, эти самые холодные, голодные большевики и бьют, бьют. Непонятное чудо, или необыкновенная гениальность коммунистической партии. Не сумели, видите-ли, организовать протест честные эсеры, но сумели организовать народные силы большевики. Конечно, причина совершенно ясна: в одном случае мы, имели партию с классовым базисом, совершенно отчетливыми целями, черпающую из определенных слоев людей. С другой стороны была, та рыхлая формация, которая все время перед нами фигурирует.

Что касается Колчака, то я здесь еще меньше буду тратить слов, ибо мы не особенно обследовали эту сторону дела: она до такой степени ясна, и выводы, сделанные самими эсерами, особенно левой разновидностью, так определены и так явны, что подсудимые не стараются распинаться за деятельность Авксентьева и Зензинова; тут не нужно было бы останавливаться. Но если эсеры не станут распинаться за деятельность Авксентьева и Зензинова в качестве проводников их роли в директории, то я должен остановиться на некоторых чертах их поведения там.

Нам нужно будет более или менее углубленно представить вам в настоящее время, в нынешний момент портрет этого самого правого крыла, от которого, как вы увидите из дальнейшей моей речи, очень охотно полукрещиваются или недооткрещиваются подсудимые. Надо с полной ясностью установить, что представляют из себя эти господа и вместе с тем, рядом с этим мы еще одну вещь установим, до какой степени рыхла, до какой степени бездольна, до какой степени дезорганизована партия эсеров. С этой целью только продемонстрирую перед судом не оглашавшиеся здесь цитаты из брошюры Зензинова. О колчаковском перевороте, которая приобщена к делу. Она настолько сама по себе красноречива, что вряд ли будет нуждаться хотя в каких-нибудь комментариях. Во время процесса, который был устроен Колчаком, якобы, для суда над теми черносотенными офицерами, которые арестовали Авксентьева и Зензинова и умчали в какой то амбар около Томска, — во время этого суда было поставлено в виду Авксентьеву и Зензинову, что они совершили одно чрезвычайно страшное преступление, именно, будучи эсерами и в то же время правительством, они осмелились сноситься со своим собственным Центральным Комитетом. Что это обвинение казалось очень тяжелым судьям колчаковским, это не удивительно. Но оказывается, оно показалось страшно оскорбительным и тяжелым Зензинову, который сейчас же постарался подозрение в таком политическом падении

всячески отстранить. В официальной записке, подписанной Авксентьевым, Аргуновым, Зензиновым и Роговским говорится: допустим, хотя бы на минуту (только на минуту можно это допустить) „что переговоры с Центральным Комитетом были. Спрашивается, разве сношения сами по себе представляют преступление“. Сношения даже с собственным ЦК. Со всеми, — говорят, — сносились, даже сказано: „а между тем члены директории, как политические деятели, сносились с самыми разнообразными кругами всего мира, в том числе и со своими партийными единомышленниками“. Иногда и с собственными единомышленниками; в самом деле можно ли корить Авксентьева и Зензинова за то, что они, сносаясь со всем мирозданием, сносились от времени до времени и с Центральным Комитетом собственной партии. Затем к представителю правительства Авксентьеву явился английский генерал Нокс, один из сторонников абсолютного невмешательства во внутренние дела России, „который заявил протест против прокламаций ЦК, сказал, что при таком условии, правительство не может рассчитывать на помощь союзников и на всякий случай (так сказано) посоветовал расстрелять Чернова“. На всякий случай расстреляем-ка его. „На все это непрошенное вмешательство английского генерала в нашу внутреннюю политику, он получил от Авксентьева должный отпор“. „В виду этого по собственному почину я вызвал по прямому проводу членов Центрального Комитета Гендельмана и Федоровича и просил передать мое мнение и Авксентьева о совершенной недопустимости подобного рода обращения“. Приструнил ЦК. „При этом само обращение было подвергнуто очень резкой критике, с указанием на те чрезвычайно печальные последствия, которые подобные акты ЦК могут иметь. Я имел в виду визит генерала Нокса к Авксентьеву“. Вы, мол, потише, вы знаете, о чем говорил Нокс. Вот какие могут быть последствия. Это член заграничной делегации партии социалистов-революционеров Зензинов пишет в своей брошюре, как относились к ЦК неисключенные до сих пор члены этой партии. „Волгодский и ген. Болдырев высказались за немедленный арест ЦК, кроме того, так как было известно, что до вхождения моего в правительство я был членом ЦК, меня спрашивали, брал ли у вас Центральный Комитет разрешение на выпуск подобного рода обращения и, что вы имеете в виду сказать... Я ответил, что в этом должна разобраться судебная власть“. Вот как ответил член Центрального Комитета. И, конечно, это была объективная судебная власть тогдашней директории, а не то, что классовый пристрастный суд. Это были те премудрые, над классами стоявшие, председатели и члены суда, которые потом служили Колчаку, которые могли вынести беспристрастные суждения.

„Добавлю последний штрих, — говорит Зензинов“. И действительно так, это последний штрих. „Когда генерал Болдырев накануне самого переворота выезжал на фронт, он задал Авксентьеву вопрос, в праве ли он будет принимать на фронте суровые меры до расстрела включительно против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри каких либо партийных вооруженных организаций. Авксентьев ответил на это весьма утвердительно. Таким образом, если не был расстрелян „на всякий случай“ Чернов, то на всякий случай решено было расстреливать тех, кто согласно Чернову, будет поступать.

В дальнейшем учредилловская авантюра, которая ни на что другое, кроме сомнительных чехо-словаков и несомненно черносотенного офицерства опираться не могла, эта авантюра изложена в книге Светицкого и тут очень много таких страниц, которые могли бы быть привлечены к следствию и которые могли бы полностью доказать, прав ли я, когда я говорю, что Учредительное Собрание эсерами втащено было в такую грязь унижения, невольно, конечно, что действительно, Франкфуртское Учредительное Собрание перед нашим это нечто недосыгаемое. Если начать со стр. 100, то там говорится, как один полк черносотенных негодяев, арестовал Учредительное Собрание, третировал, хотел куда то вывести, как чехо-словацкое командование этому потворствовало, как потом попался офицер, который спас и как тем не менее их вывели и посадили на длинный цуг извозчиков и как учредилловцы ехали и каждый из учредилловцев сидел с двумя чешскими солдатами, ехали неведомо куда — несет меня лиса за темные леса. „От кого мы бежали? — От своих солдат. Под защитой кого? — Чужих солдат. Куда везут? — Неизвестно. Будущее темно и не ясно“. Это хаотическое совершенно настроение, это такое бессилие, такое разложение, когда каждый может делать, что угодно. Это есть такой разгон Учредительного Собрания, такое втаптывание в грязь, перед которым то, что мы учинили над демократией — детская игра. Она сама после того, как ее разогнали большевики показала, чего она стоит и в дальнейшем своем разложении отбила раз навсегда вкус у каких бы то ни было народностей трудовых масс России для того, чтобы вернуться к подобной формации и к подобной форме правительства.

Не смотря на это надругательство над социалистами-революционерами их собственного офицерства, они все еще продолжали стремиться обволукнуть в том или другом мепте офицерстве. Это делалось в отношении к деникинскому правительству. Чернов говорил, что Деникин ответил на кокетничание Шрейдера пинком солдатского сапога. По существу Антанта также ответила, правда, не пинком сол-

датского сапога, Пишон не носит солдатских сапог, а пинком лакированного дипломатического штиблета, может быть, не столь чувствительным и не столь сильным, но важно то, что он доказал, этот пинок, что права вашего происхождения для Антанты нуль. И после этого овладело центральным комитетом раскаяние, которое иллюстрируется тем покаянным гимном, в отношении ко всей политике, вызванной к жизни 8 советом. Это приобщенное к делу обращение центрального комитета ко всем членам партии. „Первой попыткой перейти от обороны к контр-наступлению было Самарское восстание. Эта попытка однако была запечатлена робостью и неуверенностью. Образовавши тогда однородную социалистическую власть на части освобожденной от большевиков территории, на других частях этой территории эсеры или пассивно терпели образование чужой власти, или даже сами передавали в ее руки судьбу населения и повсюду без исключения они представляли организацию вооруженных сил освобожденной территории сплоченной военной клике, довольствуясь с ее стороны формальным и неискренним заявлением лояльности, под которым крылось желание беспрепятственно окрепнуть и сорганизоваться под защитой флага Учредительного Собрания, чтобы затем его сбросить. Усилиями деятелей правого крыла все слабые стороны этой тактики были доведены до максимума и первоначальная задача борьбы на два фронта была заменена системой последовательной капитуляции перед правыми, капитуляцией, облегчившей правым медленное, прочное и незаметное, почти безболезненное овладение властью“. Буквально те самые слова о роли косметики, о которой я говорил. Центральный комитет сам констатирует, что под флагом Учредительного Собрания организовалась Колчаковщина. Нас одурачили, нас использовали, усилиями деятелей правого крыла вся слабая сторона этой тактики была доведена до максимума.

Что же было бы, если бы эти подсудимые завладели всей Россией? Они потом тоже, живя в Ницце или Женеве, писали бы: скажите пожалуйста, безболезненно овладели всем черносотенцы. Ошибка. К счастью для русской революции не на долго и не на большой территории проделана была эта ошибка.

Как вели себя союзники, прежде всего английское правительство, в этом столкновении, как вела себя, так называемая, честная буржуазия, которую по словам Евгении Ратнер, искали днем с фонарем?

По моему, когда не находили этой честной буржуазии, то братались с бесчестной вплоть до Бахметьева, но искали „честную буржуазию“, считали англичан, просвещенных мореплавателей, за честную буржуазию:

„Тщетно правительство Учредительного Собрания пыталось завязать связи с союзными державами. Все его обращения оставались без ответа. За то достаточно было контрреволюции свить себе место в глубоком тылу, за надежным барьером армии Учредительного Собрания, „надежный барьер для реакционного гнезда в тылу устроила партия социалистов-революционеров“, чтобы там в безопасной Сибири оттачивать кинжал, который должен был предательски поразить борющуюся против большевиков трудовую демократию в спину, чтобы на сцене появились союзные миссии во главе с Ноксом афишируя самую интимную связь с этими заговорщиками, подготавливающими политическую и социальную реставрацию. Их влияние внесло разложение в чехословацкие войска, первоначальный национально-революционный энтузиазм которых был быстро угашен навязанной им политикой двухсмысленного полунейтралитета в борьбе реакционных заговорщиков против народного представительства. Их поддержка реакционеров заставила в рядах самой демократии отступить и стушеваться более решительные элементы, уступив место слабым, дряблым, готовым на все компромиссы и сделки с поднимающей голову реакцией.

Вот как Центральный Комитет характеризует свою партию.

Решительные люди спрятались, выступили на первый план дряблые, которые с кем угодно заключат соглашение. „При прямом соучастии и худо скрываемой, а иногда и откровенной поддержке агентов союзников, после ряда унижительных капитуляций, последние остатки демократии были ликвидированы русскими бонапартистами и диктатор Колчак немедленно получил то, в чем отказывали правительству Учредительного Собрания—почти полное, почти официальное признание и всяческую поддержку. Дело борьбы за восстановление в России демократии—ыло задушено. Но вместе с тем лыли погублены и лучшие шансы на победу.

Деморализация и разложение народно-революционной армии, превращенной в преторианскую армию диктатора, и восстание рабочих и крестьян в тылу дали большевизму в руки победу, за которую он может быть благодарен в немалой мере союзникам“. Да, и не только, повидимому, мы должны благодарить союзников, но я думаю, всякий революционер, потому что если Центральный Комитет рисует такую картину, что партия наделала ошибок, построила барьер, за которым могла спрятаться реакция, реакция съела партию, скрушила все надежды России, то куда же годна эта партия и как смеет она требовать себе поддержки. Но все таки большевики сломали в конце концов эту реакцию. Казалось бы, можно было порадоваться. Не знаю, может

быть, и были такие эсеры, которые радовались, хотя бы из этой самой группы „Народ“. Но характерно, что тот самый Зензинов, который получил такую персональную оплеуху то Колчака, писал позднее, что если бы Колчак по крайней мере выполнил то, что он обещал, то-есть сверг бы большевиков, то он бы ему все простил.

Вот еще последний штрих для характеристики официального члена заграничной делегации партии социалистов-революционеров. Несмотря на такое осуждение Антанты и связь с черносотенцами, эта политика продолжалась помимо того изворота политики, той извилины политики, которую проводил IX-й Совет и окружающие его конференции, анализу которых я должен буду посвятить некоторое время. Сейчас же я перейду к характеристике того, как правое крыло партии продолжало ту же самую политику, которую в таких клеймящих выражениях охарактеризовал сам Центральный Комитет.

Эта политика продолжалась, и надо сказать правду, что и Чернов ее продолжал, но весьма своеобразно, в каких то фантастических формах, которые здесь однако должны быть официально констатированы, подчеркнуты и комментированы. Во время одного из допросов гражданин Гоц буквально сказал следующее, это стенограмма заседания 7-го числа утром, стр. 60: „Центральный Комитет вынужден был поставить не только вопрос о борьбе с блокадой, но и вопрос о фактическом признании Советского Правительства со стороны империалистических и капиталистических кругов Европы. Английская декларация“ здесь он имел в виду декларацию, сделанную английской делегацией, „приехавшей в Россию, которая имеется здесь в деле совершенно определенно, впервые это было в мае 20 года, поставила одну из основных задач перед нашими товарищами, которые были официально уполномочены представлять партию за границей, задачу борьбы за фактическое признание Советского правительства империалистическими и капиталистическими правительствами Европы“..... Дальше следуют всякие оговорки: не то, что они теперь влюбились бы в нас и считали бы нас великолепным правительством, но все таки... Я это констатирую потому, что хотя это основная задача для „товарищей“, живущих за границей, но ни один из этих товарищей, не исключая руководителя иностранной делегации Чернова, эту тактику не вел, Авксентьев вместе с представителями буржуазной Европы в Гааге интриговал против нас, Чернов занял позицию ни за, ни против. Чернов всегда перехитрит и его позиция окажется вне всякой позиции, но кроме того, в его позиции оказался момент, который в устах человека, от которого не отрекаются, который в виду заявления гр. Ракова

что неизвестно, кто руководит сейчас партией, является фигурой весьма обязывающей партию, в устах и под пером такого человека слова представляют политический акт, на который должно обратить внимание и правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Коминтерн, чтобы выяснить, имел ли право Чернов от лица каких-либо других социалистических партий делать такие заявления и обещания. Это в его статье „Вокруг признания“, в „Голосе России“. „Но Авксентьев находит другую постановку вопроса, при этом полагая, будто бы прижимает нас к стене. Я не знаю,—пишет он в своей статье,—как поступили бы они, если бы были поставлены в положение буржуазных правительств.

Я не знаю, как поступил бы Авксентьев, если бы попал в положение микадо или негуса абиссинского, ибо ему стать в такое положение так же невозможно, как для автора „Голоса России“ невозможно преобразовывать буржуазные правительства в Англии и Италии. Если бы мы могли переродиться в буржуазных деятелей, то в основном вели бы себя также, как те, кого мы призваны были заменить. Авксентьев имеет в виду нечто иное и мог бы спросить, что делали бы мы, если бы вместо буржуазных правительств в Европе были бы правительства из людей наших взглядов и социально политических устремлений. Это вопрос иного порядка и ответить на него не трудно. Тогда мы бы о признании или о непризнании не торговались бы, потому что нам не с кем было бы торговаться, ибо в революционном порядке мы подали бы руку Кронштадту, Грузии, Армении и всем разрозненным сопротивляющимся большевистской власти народам, ибо наша борьба против иностранной интервенции есть борьба против грубого вмешательства, а вовсе не провозглашение формулы „каждому народу нет дела до того, что делается в другой стране, что моя хата с краю“. Потому что, когда в любой стране совершаются всякие преступления, мировая совесть не должна молчать и должна вмешаться. И если имеет эту возможность, то, при отсутствии иных путей, вооруженной рукой“.

Совершенно ясно, что перед нами мечты о новой интервенции. О какой? В случае рабочего правительства, которое не является такой большой невозможностью, в случае, если власть перейдет в руки Вандервельде и Гендерсона, чрезвычайно жалко, что именно Вандервельде здесь не присутствует, что он не может прямо ответить на вопрос, что когда он пишет, что долг каждого социалиста сейчас выступать за признание Советской власти, значит ли это, что если бы он сам был у власти, то он был бы за немедленную интервенцию, за внесение новой международной и гражданской войны в Россию. Об этом говорит Чер-

нов и дает, по существу говоря, обязательство за тех своих друзей из 2-го и 2¹/₂ Интернационала, которые сейчас так трогательно заботятся об эсерах. Но желательно, чтобы это было доведено до сведения широких масс, что бы эти массы, которые отнюдь не являются большевистскими, но которые дают на буржуазию за признание Советской власти, поняли, что их думают повести в кровавую борьбу с русским правительством, с русским народом, как только достигнут власти. Конечно, не так страшен чорт, как его малюет Чернов. Никто никаких обещаний ему не давал. Это только Черновская болтовня, к которой мы приучились в достаточной мере. Но все таки, нужно иметь в виду, что в партии социалистов-революционеров мы имеем не такую партию даже, как Гендерсона, как самых умеренных социалистов, ни даже таких, как Модильяни, который говорит, что когда мы будем у власти, мы немедленно заключим торговые и всякие договоры с Советской Россией, нет, мы имеем такую партию, которая, как, по крайней мере, внутренне мечтает вождь Чернов, желает спровоцировать рабочее правительство, если таковое возникает в Европе, на прямую распрю с Советской Россией. Чтобы он ни говорил об ужасах, у нас творимых (мы знаем цену всей этой клевете и рекламе контр-революции), мы должны констатировать, что такая интервенция, по крайней мере Чернову, рисуется в его снах, которым не суждено сбыться, но от чего они не являются менее характерными.

Что касается Авксентьева и его друзей, эти, конечно, не питаются воздушными мечтами об интервенции вместе с Гендерсоном и Вандервельде. Они ищут честную или бесчестную буржуазию, ищут ее действительно для продолжения интервенционистской политики. Когда на 9-м Совете партии она очень нерешительно сделала шаг к удалению от тактики 8-го Совета, то, как вы знаете, сама правомочность 9-го Совета была оспорена правым крылом социалистов-революционеров. В деле имеется письмо Вишняка и других, которое, кажется, оглашалось и поэтому может быть еще раз не оглашаемо, где это правомочие оспаривается и где тактике партии противопоставляется другая—вплоть до признания, что нельзя рвать с Деникиным, ибо добрая армия вовсе не такая сплошь реакционная сила и т. д. Я не стану цитировать слова Авксентьева, что это было мудролицемерие, когда мы говорили, что мы против интервенции. Мы всегда были за интервенцию и сейчас остаемся за интервенцию. Соответственно этому действовал Авксентьев, которому нельзя отказать в последовательном получерносотенстве. Он ездил в Вашингтон, подал заявление в Гаагу, являлся одним из инициаторов и главных персонажей всех учредительских соглашений, и мы в праве были поставить поэтому перед

партией социалистов-революционеров вопрос: что же правое крыло—Авксентьев, Роговский, Керенский, Зензинов и проч., которые в этом принимали прямое участие, что же, являются ли они, наконец, отрезанными от партии? Мы очень хорошо знаем, что были попытки со стороны эсеров, в виду крайне компрометирующего характера правого крыла, как-нибудь от него отделаться и мы знаем цену этим попыткам. Вы помните, что подсудимый Раков говорил об Авксентьеве и Бунакове: „Еще давно мы их уже исключили и недо-разумение произошло, что они об этом не знали, потому что полтора года лежало под спудом решение Центрального Комитета у вашей же Чрезвычайной Комиссии.

Но вот эти полтора года прошли и это постановление вышло из-под спуда, высунулось кончиком. Петроградская эсеровская газета опубликовала его и оно становится известным Авксентьеву. Авксентьев и его друзья пишут возмущенное письмо. Представитель заграничной делегации и редактор Центрального органа Чернов заявляет, что это опубликование было сделано вопреки воли Центрального бюро, что это большая нелюбезность, извиняется перед Авксентьевым за то, что бюро так было сделано и все остается по-старому. В совершенном согласии с тем знаменитым письмом, которое я не цитирую, несмотря на его душистость и цветистость, потому что оно целиком было прочитано и кажется мы уже достаточно насыщены этой атмосферой мелкого политиканства, почти плутовства политического, которое в каждой строчке этого письма сквозит, и которое делает это письмо великолепным материалом для опубликования к сведению каждого честного пролетария, для того, чтобы он видел, как делается политика мелко-буржуазными вождями.

В духе этого Черновского письма, заграничная делегация старается всячески отклонить от себя и от партии эту горькую чашу расстаться с правым крылом, справедливо полагая, что равновесие нарушится и бог знает, что будет с эсеровской партией, которая потеряет всякий резон-детр. Инстинкт подсказывает ей правильное поведение. И вот, когда мы разбираемся в этих фактах, со скамьи подсудимых раздалось горделивое заявление: „Перед лицом процесса, здесь, перед вашим лицом, перед вашим мнимым судом, мы ни от кого не отрекаемся, мы за всех берем ответственность“. Это было печальное и в то же время приятное заявление, печальное потому, что все-таки жаль даже политического преступника и контр-революционера, когда он пачкает остатки своей политической репутации союзом с людьми, которые идут против его же принципа и совершают те преступления, от которых он на скамье подсудимых всячески старается отмежеваться. Но, с другой стороны, теперь все ясно. Можно

брать партию в целом и иметь дело с каким-то отвечающим за себя конгломератом. Но когда здесь были получены известные документы, которые еще раз показали, в чем заключается тактика этих людей, за которых хотели так гордо и мужественно отвечать подсудимые, то произошло некоторое замешательство и заявление, что это надо понимать с некоторым ограничением, именно они отвечают за всех эсеров, живущих в пределах Российской Федеративной Социалистической Советской Республики. Что же касается тех, которые попали за границу, то подсудимые отвечают только за свою делегацию, которая была неудачно перечислена, и фамилии членов делегации оказались совпадающими с фамилиями виднейших участников Административного Центра, с авторами преступлений, от которых они старались отмежеваться. Получилась попытка отмежеваться. Мы знаем, что заграничная делегация перед лицом процесса решила ни в каком случае не исключать Авксентьева, держась в этом отношении единства. Это было тактическое решение партии. От него пришлось отказаться, так как „могий вместити, да вместе“, но этих документов подсудимые не могли вместить. Подсудимые оказались в безвыходном положении. Есть два единства: единство с буржуазией, которая поддерживает травлю нашей РСФСР, и если перерубить канат, который соединяет подсудимых с Авксентьевым, то компрометируешь это единство. Ибо буржуазия готова признать в эсерах чрезвычайно подходящее орудие для дальнейшей борьбы. Есть другое единство, от которого не могут субъективно отказаться социалисты-революционеры, единство с пролетариатом. Можно разрушить его совершенно навсегда, если дать возможность коммунистам сказать: „вот вам, за кого они отвечают, и вот вам те, что делают на самом деле политику, не краснобай, а дельцы, которые ведут фактическую политику.“

Тут, действительно, довольно трудно выбрать и вот почему мы так настоятельно ставили вопрос — что вы выбираете, граждане подсудимые, желаете ли вы удержать тот революционный облик, который вы старались так себе придать. Желаете перед лицом пролетариата показать, что, действительно, тактика 9-го Совета партии имеет за собой что то, что она характерна для эсеровской партии, или вы предпочитаете связь с вашим правым крылом, связь через него с буржуазией и окончательное, полное моральное политическое крушение всего того революционного эшефодажа, который вы старались здесь возвести, и ответ на это как будто бы показался довольно невразумительным, так как они за границей, то мы за них не отвечаем. Ни одного слова прямо против них, но вместе с тем отгораживанье, если бы не звено. Но тут вмешалось звено, как именуется

себя в письме Чернов. Это звено всеми мерами старается добиться того, чтобы цепь не распалась и приходится рубить эту цепь не за звеном, а перед звеном. Если действительно желаете нести ответственность, то-есть документы, которые в сфотографированном виде с совершенной точностью могут быть воспроизведены в опровержение всех глупейших сказок, и которые могут быть перед всем миром представлены. Так что всем станет ясно, какую цену имеет опровержение Авксентьева. А если вы не хотите брать на себя политическую и нести криминальную и историческую ответственность за них, скажите прямо и откровенно. Заявите, что это звено, что этот роковой для партии косоглазый человек больше не является таким вашим полномоченным представителем, который фактически вершит всю вашу политику. На это был дан недвусмысленный ответ: от Чернова ни в коем случае не отрекаемся, за Чернова мы ответственность несем, хотя у нас свои мысли, свои разногласия, но не перед вами мы будем их раскрывать и т. д. Поскольку суд, долженствующий вынести определенный авторитетный в глазах миллионов пролетариев приговор и осуждение, стоит перед этой картиной, отмежевания здесь нет. Гр. Гоц на вопрос обвинителя Крыленко,—когда документы еще не были на столе, о том, как он думает при его утверждении, что эсеры в Кронштадте старались быть посредниками между кронштадцами и Советской властью, как он думает, о таком социалисте-революционере, который постарался бы быть посредником между кронштадцами и буржуазными правительствами, гражданин Гоц сказал, что такого человека я считал бы политическим преступником.

Гоц.—Ничего подобного.

Луначарский.— Да, ответил это, и это можно прочесть здесь по стенограмме. Прочтем. Это отвечено было. Правда, отвечено немного рано, потому что оказалось, что именно такую роль эсеры играли, и что если теперь гражданин Гоц утверждает, что этого он не говорил, то это значит, что все сладкие речи о том, что эсеры в кронштадском восстании хотели быть посредниками с большевиками, что они не играли роли посредников между кронштадцами и буржуазией, обман, значит и от этого Гоц отрекается? Чтонибудь одно—или они стояли на той точке зрения, что считали опасным для Советской власти бунт после решения 9-го совета, после характеристики Антанты и, если тем не менее допускали для эсеров эту связь, тогда пожалуйста прямо в кузов.

Гоц.—Успокойтесь, прочтите стенограмму!

Луначарский.—Или гражданин Гоц от этих действий отмежевывается, поскольку он прямо утверждал, что социалисты-

революционеры такой тактики не вели, что она 9-м Советом была совершенно осуждена и в таком случае нечего ему теперь отк азываться. Во всяком случае самый факт этих цвишенруфов свидетельствует о том, в какой мере в замешательство пришли подсудимые перед лицом необходимости нести на себе политическую ответственность за свое правое крыло и это не случайный факт, это не какая нибудь мелкая улика, это не анекдот, это сущность роли партии социалистов-революционеров в настоящем и в будущем.

Я процитирую здесь один документ, касающийся моего утверждения о том, что прямую связь между Кронштадтом и черносотенными буржуазными кругами стремились установить члены партии Авксентьев, Роговский и друг. Вот что пишет нынешний член заграничной делегации Зензинов. Заголовок: Редакция газеты „Воля России“. Париж, Роговскому. Собственноручная подпись: „Обнимаю, Зензинов“. В распоряжении Центрокомиссии сейчас в Амстердаме имеется 50 вагонов муки. По простой телеграмме весь этот груз может быть направлен немедленно в Ревель и уже через 2 недели он бы мог быть в Кронштадте. Одна беда—нужны деньги, нужны гарантии. Нам здесь кажется, что за это дело должен вплотную взяться Олег в Париже с официальными кругами и русскими толстосумами и в Лондоне с русской кооперацией“.

Так Зензинов, член нынешней заграничной делегации, стремится оказаться посредником между Советской властью и Кронштадтом.

„Я вам телеграфировал, чтобы вы постарались такие гарантии обеспечить. Вам в Париже виднее, где нужно такие гарантии найти. Быть может, у русских банков и промышленников. От Бахметьева по телеграфу получил 25.000 долларов, он надеется в ближайшем будущем послать еще. Все эти суммы пересылались в Ревель, где ими должны были распоряжаться четыре лица, названные по имени, отчеству, среди них Виктор Михайлович.

„Мной был послан протест против наименования Бахметьева исполнительной комиссией „превосходительством“. Такие ошибки, описки могут быть использованы нашими врагами. Мы должны быть особенно щепетильны во всех делах, касающихся комиссии, хотя бы чтобы не дразнить гусей“. Если бы не было гусей, Зензинов сказал бы даже „Его высокопревосходительство“. Но так как были гуси, надо быть осторожными. Может быть эти гуси даже не большевики, даже не рабочие, а подсудимые, которых не хотел огорчить Зензинов, называя превосходительством Бахметьева.

Таким образом, хлеб для Кронштадта — чрезвычайно знаменательное явление. Но этим не ограничивалось дело. Если придерживались связи с капиталистами, то кроме того и с официальными кругами, даже черносотенными и даже офицерскими. Вот, например, выдержка из изданного в Ревеле такого манифеста так называемых офицеров-мартовцев „Борьба с ненавистными для нас большевиками не кончена, есть лишь только передышка, перегруппировка сил, искание новых и на этот раз верных способов, могущих привести, наконец, к полной победе. Ядро будущей армии есть. Дальше есть достойный руководитель Врангель. Наша святая обязанность помочь ему, помочь армии“. Дальше: „Когда весь русский народ был охвачен безумной большевистской болезнью — (однако, весь русский народ . . .), — когда город и деревня покорно склонили свои головы под ярмо, навязанное им озверелой чернью во главе с международными ворами и убийцами—только офицерство выдвинуло из своей среди группы храбрейших из храбрых, которые повели борьбу за религию, семью, свободу“. Кажется, определенный довольно душок и действительно Русаков из Ревеля, корреспондент административного центра, туда входивший, сообщал: „В Париже образовалось Организационное Отделение „Всероссийского Союза Офицеров-Мартовцев.“ Я интересовался этим начинанием, вошел в переписку с председателем Союза полковником Зеленовым, проживающим в Париже и получил от него проект устава и экземпляр письма „к русским офицерам“. Устав особых возражений не вызывает, но письмо так тянет в сторону Врангеля, что „мартовское“ название к „защитной окраске“.

Теперь выписка из протокола заседания членов административного центра 18 апреля 1921 г. „§ 3. Слушали: о письме офицера, о союзе офицеров-мартовцев в Париже под председательством Зеленова. Постановили: Содействовать образованию демократического офицерского союза. § 4. Предложение изучить вопрос о создании демократического офицерского союза. Постановили: Встретиться и установить регулярный обмен мнений с французскими специалистами“. Так что и французское офицерство тут со всеми своими Эрлишами и защитным образом окрашенные в мартовский цвет врангелевцы тут, и та же канитель идет. При этом деньги получают из административного центра и посылаются Чернову, а Чернов пишет телеграмму, что все, что угодно, вам будет предоставлено за счет толстосумов, а здесь подсудимые распинаются, что считают преступником того, кто старался бы влить в кронштадтский мятеж волну буржуазного характера. Нет, тут нужна решительность в выборе позиций и это уже предоставляется на усмотрение

подсудимых, какой из этих путей они выберут. Но теперь о собственной тактике центра, все таки, хотя центр и без крыльев, как выразился Усов, но тем не менее у него была тактика, которая характеризуется 9 и 10 советами и рядом конференций.

Несмотря на то, что было бы чрезвычайно любопытно вникнуть во все эти постановления, я не буду утомлять суд и публику большим количеством новых цитат и укажу только, что настроение февральской конференции и 9 совета было разношерстное: часть эсеров, более революционно настроенных и менее политиканствующая, ужаснулась тех перспектив, которые были в прежней тактике, для них было ясно, что дальше вести эту политику действительно нельзя, но это значило отказаться от Антантовских и офицерских рогов, оказаться без рогов и фатально и неизбежно оказаться в положении может быть еще организованной мелко-буржуазной партии, но привязывающейся к ладье большевистского парохода, значило фактически признать гегмонию пролетариата. Единственное спасение, которое было у партии, это распустить свою организацию и оказаться поддержкой единственной действительно революционной силы, каковой является пролетарская партия. И к этому, несомненно шла группа „Народ“, но, как вы знаете, над авторами уфимского соглашения было назначено специальное следствие и начались всевозможные шатания, по существу говоря, центральный комитет занимал такую позицию: весьма шатко определив позицию партии социалистов-революционеров, он сказал так: мы теперь против Антанты, против черносотенного офицерства, но за вооруженную борьбу против большевистской власти, только не сейчас, сейчас мы за подготовку к этой вооруженной борьбе. Вы помните препирательства, которые были по этому поводу: готовить и восставать, или готовить и не восставать. Центральный комитет говорил: если готовить и не восставать, то и готовить не нужно, а раз готовить, значит нужно восставать. Но с другой стороны он находил это несвоевременным.

Таким образом центральный комитет нашел лезвие ножа, которое лежало между этими двумя положениями. Мы знаем позицию Ракитникова, Вольского и других. Я думаю, полезно напомнить характеристику, которую эти тогдашние эсеры и видные эсеры давали вообще партийным шатаниям в то время. Вот это письмо, подписанное Буревым, Вольским, Дашевским, Светицким, Либерманом... „Вооруженная борьба приостановлена, временные вспышки, восстания и забастовки осуждаются и предусматривается момент народного движения, свергающего обс диктатуры и восстанавливающего демократию во всей чистоте. В мае прошлого года было понятно такое решение партии... В то время мо-

жно было обольщаться надеждой, что трудовой демократии вполне достаточно, чтобы свергнуть это новое иго. Но теперь то мы видели, к чему привел этот пункт, к чему он не мог не привести. Не случайностью было то, что власть членов учредительного собрания была номинальной, а реальная власть была в руках чехов и затем русского командного состава... Не случайность, что революционная демократия с партией социалистов-революционеров во главе оказалась не в состоянии воспрепятствовать губительной эволюции красной Самары в сторону господства разнузданной военщины. Не случайность, что сначала только деловое соглашение с буржуазными организациями скоро в Уфе превратилось в формальное соглашение, а еще позже в диктатуру Колчака. Сулить в близко будущем какое-то новое организационное движение, которое сметет в одно время и большевиков и реакцию—значит опять взять курс на Самару в условиях, неизмеримо менее благоприятных, чем в первый раз.

Мне хочется подчеркнуть еще один факт, письмо подсудимого Веденяпина. Веденяпин здесь отрекается от своего письма и конечно всякий может отречься от своего письма. Передумал, стал на другую позицию, но объяснения, которые дает подсудимый Веденяпин, никуда не годны. Он говорит, что не знал § 16, потом прочел его и оказался более осведомленным. Это совершенные пустяки. Письмо Веденяпина весьма зрелое политически, очень сильно написанное, явно с полным знанием критикуемого документа. Это показывает, что и Веденяпина уговорили отречься за компанию от своей правильной политической линии. Это его дело. Мы однако можем констатировать, что у Веденяпина был момент политического просветления, когда он мог говорить вещи, от которых улыбка не открещиваются, так как они бьют политическую тактику эсеров в глазах мало-мальски беспристрастного человека. Вот что писал Веденяпин: „Поднять массы не трудно и равно возможно распространить это движение даже на большой район, но к этому движению сразу примкнут все правые группировки и повторится в лучшем случае заволжская история, так как за спиной правых будет непременно стоять Антанта со своей политикой. В результате в данное время, при данном соотношении сил, политика активной открытой вооруженной борьбы может или только питать начинающий разлагаться большевизм, или проложить дорогу реакционным силам с империализмом Антанты в тылу. Это теперь до очевидности ясно, и, конечно, товарищи, бывшие на конференции, не могли всего этого не видеть“.

В чем же дело? Почему конференция вступила на этот путь, противоречащий всей линии поведения партии, которую она усвоила за последнее время?

„Появление 16 параграфа резолюции не случайность, а попытка наметить новый курс поведения партии. Многие из наших товарищей рассматривают совершающуюся революцию, как революцию чисто буржуазную и роль партии социалистов-революционеров намечается ими просто способствовать достижению того правопорядка, когда во главе государства будет буржуазия. И вот теперь, после столь „славных“ побед этой тенденции, как это было в Уфе, — эта тенденция опять заняла определенную позицию и выявлена в 16 п. резолюции конференции. Этим идет на смарку вся работа Центрального Комитета“. Вот как член Центрального Комитета Веденяпин характеризует официальную позицию партии социалистов-революционеров и именно ее сентябрьской конференции 1920 года. Таким образом, не было недостатка не только в предостережении со стороны группы „Народ“, но и со стороны членов самого Центрального Комитета, которые доказывают то, что позиция, занятая в совокупности всеми объяснениями Центрального Комитета на процессе ко всем этим резолюциям различных советов вплоть до 10-го, что все это создает фактически почву для такой же самой политики, которую партия социалистов-революционеров вела раньше. И когда в начале процесса здесь раздавались заявления „Мы с вами боролись, боремся и будем бороться и не отказываемся принципиально ни от каких методов борьбы“, то это было согласно вполне с этой политикой, отнюдь не политикой примирения, которая была положена в основу уфимского соглашения, а политикой сеяния раздора, приготовления взрывчатых материалов для дальнейшей вооруженной борьбы. Тем не менее здесь сделана была попытка со стороны гражданина Гоца придать этой линии эсеровской партии, которую мы вынуждены сейчас считать официальной, хотя весьма возможно, что по своему влиянию на остатки эсеровской партии, поскольку они имеют, тактика Чернова и Авксентьева более определена и более авторитетна, это трудно сказать при нынешнем состоянии эсеровской партии. Во всяком случае, здесь была попытка придать официальной позиции почти приемлемый, я бы сказал — уфимский, характер. И хотя здесь гражданин Гоц произносил от времени до времени такие ничего не значащие фразы, как „мы ни от чего не отрекаемся“ и так далее, и так далее, но самый текст, который мною выписан из стенограммы, очень характерен.

Первое — отношение эсеровской партии ко всевозможным смутам в стране. Естественно, что Советская власть в годину голода, разрухи и окруженная со всех сторон врагами в высшей степени может опасаться всякой внутренней смуты, которая нарушает план хозяйственного восстановления жизни страны. И одним из самых главных обвинений, кото-

рое выдвигается здесь против социалистов-революционеров в последней формации их политического существования, является, конечно, это обвинение: вы сеете постоянную смуту, где только можете. Поскольку рабочий устал или голоден или недоволен чем-нибудь, сейчас же является эсер и кладет сюда свои яйца, как отравленная муха. Как каждая рана, каждая царапина, которая на здоровом теле излечивается очень скоро, превращается в зловредный гнойник, если есть микроб в окружающей атмосфере, так и эсеры в Советской России являются отравителями всякого пустякового по существу недоразумения, которое в тканях Советской России оказывается имеющим место. Стараясь отвести это обвинение от себя, они говорили: что же это значит. Это значит тратить силы. Мы не хотим тратить силы. И тут мы стоим перед астрономической туманностью: подготовленность, собирать силы, не пуская их в ход, готовить крестьян, чтобы протестовали, не протестуя. Вообще, совершенно ясная тактика сеять всевозможные недоразумения, что сказано в словах Ленина и Энгельса по отношению к буржуазному правительству: ставьте их в трудное положение, беспощадно компрометируйте, устраивайте всяческие трудности. Это есть, конечно, борьба, не вооруженная сразу, но это есть борьба, отравляющая атмосферу и действительно подготовляющая свержение. Но теперь опасно признать, что именно эта тактика есть тактика 9-го совета. И гражданин Гоц пытается сделать такую же версию. Я читаю ответ Гоца на вопрос председателя: „Прежде всего, если глубоко и серьезно подойти к вопросу“ (о том, как эсеры должны были относиться к вспыхнувшему восстанию), „я должен вновь подчеркнуть, что здесь в нашем положении возможен целый ряд определенных коллизий, чрезвычайно тяжелых, иногда коллизий трагических“. Люди сложной тактики всегда оказываются жертвами трагических коллизий. „Их надо понимать и не спутывать с теми общими линиями, которые ведет партия. Партия ставит перед собой задачу вызывать отдельные разрозненные выступления вооруженных масс, ибо она великолепно знает, что такие вооруженные выступления сейчас при той атмосфере, при том настроении трудящихся масс, при том отсутствии спайки, при той организации и при тех объективных условиях, которые имеются сейчас налицо в России, это движение не имеет шансов перейти в стихийно-народное движение. Оно может вылиться только во вспышку, которая будет задана железом и кровью“.

К этому нужно прибавить, что по отношению к стачкам, и по отношению ко всякого рода формам более мирным, чем вооруженное восстание, здесь Тимофеевым, Гендельманом и другими разъяснялось, что тактика 9-го Совета.

ни в каком случае не сводится к сеянию раздоров, недоразумений, стачек, хозяйственных срывов и всевозможного саботажа Советской власти.

Что тогда остается?

Допустим на минуту, что это так, что наша уверенность, что наш опыт, который здесь будет подтвержден другими обвинителями, потому что на самом деле эс-эры играют роль микробов, что не было случаев в нашем опыте, чтобы где-нибудь мы, встретясь с трудностью, не обнаружили бы там эс-эра; допустим, что это правда. Допустим, что эс-эры сделались сейчас такими, чуть-чуть не советскими, что никакой неприятности не делают, тогда что же они делают?

Где-то вдали собирают силы на свободе, не выпуская, не манипулируя их, сушат грибы на осень, выжидая, когда события созреют для их тактики. Когда эта тактика будет применена, Гоц и об этом говорит. Председатель спрашивает: „Политический вопрос концентрируется в вопрос о власти“. Вопрос достаточно прямо поставлен: Вы за власть боретесь, или не за власть. И что же—„основные свободы“— вот что сейчас является центральным вопросом и стоит в центре того спора, который завязался между эс-эровской партией, с одной стороны, большевиками—с другой. Основные свободы, а не власть—можно и так сказать. Если бы основные свободы были осуществлены коммунистической властью, то отпала бы всякая необходимость борьбы у эс-эров с этой властью. Председатель задает вопрос: я не устанавливаю, что для вас более существенно, вопрос об этих, так называемых, гражданских свободах, или вопрос о власти? Гоц отвечает: „Для нас является сейчас основным центральным вопросом не захват власти, ибо мы реальные политики, которые твердо учитывают реальные соотношения сил, мы берем за основное—демократические свободы, без которых и вне которых не может быть и речи, при действительно социалистическом рабоче-крестьянском государстве. Это вопрос, который до настоящего времени стоит в центре. Это позволяет указать, что мы об этом заявляли в 1919 году, когда согласны были передать наш спор и вопрос об Учредительном Собрании на решение свободно выбранных советов. В декларации, которая приобщена к делу (том 2-й) ясно, черным по белому сказано, что если коммунистическая власть пойдет на свободное переизбрание советов, при гарантии свободы слова, свободы собраний и прочее, то мы готовы весь наш спор передать на решение этих свободно выбранных Советов и этим мы достаточно резко подчеркиваем, что в данный момент вопрос не о захвате власти, а об организации широких народных трудовых масс“. К этому надо присмотреться со всем вниманием, дать себе отчет в подоцлеке этой легальной позиции, этой позиции легальной борьбы.

Обоими этими заявлениями фактически гражданин Гоц устанавливает: мы легальная партия, которая борется легальным путем. Но мы, во-первых, отрицаем правильность того, что говорил Гоц в первом случае, когда он говорит, что эсеры не сеют никаких смут. Этого будут касаться другие обвинители, которые будут говорить об антоновщине и о дальнейших в самое последнее время имевших место явлениях, в том числе и о Кронштадте, на который я в некоторой степени бросил свет, что он из себя представлял и насколько правильно эсеры проводили ту позицию о которой говорил Гоц. Но вторая позиция, что она означает? Она означает вот что. Внешний вид ее чрезвычайно легальный, собирайте советы, и на основании советской конституции. Как знать может быть эсеры опять окажутся в большинстве. В чем заключается в сущности смысл тактики эсэровской партии, не принадлежащей к голове, страны: принадлежа к ее туловищу, ее хвосту, к той отсталой массе России, которая еще не прошла капиталистический строй, к той России, которая еще не организована, вы стараетесь отделить голову от туловища, вы стараетесь посеять рознь своей агитацией, которую вы вели бы, если бы пользовались свободой стать между народом и пролетарским авангардом. Если бы вам, по словам Ленина, гденибудь удалось эту шестерню раздвинуть, эту смычку между крестьянином и пролетарским авангардом уничтожить, это было бы опасно и, хотя мы глубоко убеждены, что у вас не хватило бы сил на это, но мы не из тех людей, которые позволяют безболезненно подходить к власти всем, кто хочет, мы не похожи на Самарское правительство. И мы никаким контр-революционерам, будь то Галкин или Гоц, не позволим безболезненно подходить к своей власти, хотя вероятность этого чрезвычайно ничтожно, но ведь на что же рассчитывать эсэровской партии, она попала в положение безвыходное и, по характеристике гражданина Тимофеева, имеет идеологическую позицию Претворить эту идеологическую позицию в практическую, значит посеять рознь между массами отсталой России и массами передовой России. Это последний шанс контр-революции. И эту контр-революционную работу скорее всех всетаки могли сделать социалисты-революционеры, ни помещики, ни кулаки, ни попы, в их чистом виде. Здесь опять последняя, хотя и с негодными средствами, попытка разложить связь между пролетариатом и Советской Россией путем использования своей свободы во зло. Она, само собой разумеется, не может быть допущена, у нас нет никаких свобод печати и никаких прочих великолепных иллюзий демократии и они не могут быть пока осуществлены, потому что еще нет такого положения, при котором пролетарита

мог бы сказать, что мы в руководительстве русского народа достигли такого момента, когда и для слепых стало ясно, что это полная победа и еще скажу, ни на одну секунду не допускаем мы мысли о том, чтобы на этом пути социалистов-революционеров ждал реальный успех. Они показали, насколько они партия крестьянская, они показали, насколько они способны организовать какие нибудь силы. Но ведь они могут организовать их частично, они могут внести беспорядок во все государственные функции. Этого Гоц и желает: мы хотим только свободы, только дайте нам свободу агитации, пропаганды и больше ничего. Из этого, конечно, не вышла бы победа, гражданин Гоц, но из этого вышло бы большое разрушение, и большой тормоз в нашей очень трудной работе, весьма ответственной, далекой еще от окончательно гарантирующей победы, потому что такая придет только из победы социальной революции. Вот почему легальный политический подход не мог быть принят никем во внимание. Эта мнимо-легальная внешность может быть только в таком случае принята во внимание, если бы за нею не стояли постоянные непримиримые возгласы раздававшиеся 29 дней для того, чтобы на 30 день уступить и сказать — объявите нас легальными, но мы боремся и будем бороться беспощадно, не складывая оружия ни на один момент.

Когда участники партии группировались вокруг группы „Народ“, то раздавались слова: легализуйте нас, мы будем защищать частные пожелания, мы будем вносить отдельные коррективы, которые мы считаем нужным ввести в вашу систему, но не говорили так—„мы воспользуемся нашей свободой, чтобы фактически уничтожить эту власть“. В этом отношении никаких иллюзий быть не может. Это весьма прозрачная маска легальности, которая ни на одну секунду не должна скрывать настоящей действительности, которую не желают скрывать и сами подсудимые сейчас разоблаченные. Это будет также определенное орудие борьбы. Выбито из рук всякое оружие, а они хотят получить из наших рук дополнительно по крайней мере свободу разговоров разговаривать. Эта свобода дана быть не может, но кроме того, мы должны во что бы то ни стало позаботиться о том, чтобы эсеровская партия, как она ни слаба, как она ни ничтожна в настоящее время, не могла на почве какой нибудь неудачи, катастрофы, или осложнения хотя бы в некоторой степени возродиться. Надо понимать, что эсеровская партия все-таки не существует сама по себе, к ней все-таки льнет кулачество, буржуазия, Антанта и реакционные силы, все они собираются вокруг этого кристалла. Разве мы не видели во время Кронштадта

то, что заявлял Милюков: „надо пустить эсеров вперед“. Милюков знал, что черносотенцы не пройдут, кадетов освищут, надо посылать эсеров, они могут, если выразаться стратегическим термином средневековья, свиным рылом врезаться в гущу советского строя, они там могут иметь такое острие, которым сумеют прорвать этот сплошной фронт. Этот план, конечно, далеко не оставлен и до сих пор. Наше общее положение, конечно, настолько прочно, что когда здесь же на процессе продолжая свою тактику подсудимые пытаются дискредитировать власть различными заявлениями вроде даже заявления гражданина Тимофеева:

„Вы провалитесь, даже провалились“,—то пускай утешается, если он говорит искренно, но это не серьезно. Это рисуется для других. Я приведу здесь маленький пример, не обязательный ни для кого, но очень характерный. Во времени Генуэзской конференции ультрабуржуазная и в общем анти-советская газета „Берзен-Цейтунг“ прислала редактора в Москву, чтобы осведомиться, что делается на самом деле в России, надо было понюхать. Вот маленькая цитата из корреспонденции или вернее отчета „Берзен-Цейтунг“ после возвращения корреспондента.

Председатель.—Эта газета к делу приложена.

Луначарский.—Не приложена; но это не характеристика партии эсеров, а отчет о положении Советской России.

Председатель.—Вы можете ссылаться на научные труды, но на газету, которая Трибуналу неизвестна, ссылаться не надо.

Луначарский.—Это не существенный момент, но по моему вряд ли правильно такое толкование. Если бы это могло представлять собою какие-нибудь аргументы, разоблачающие партию эсеров, но я хотел привести слова из буржуазной газеты.

Председатель.—Трибуналу эта газета неизвестна.

Луначарский.—Я могу не цитировать. В этих словах заключается известное суждение, мы не нуждаемся в рекомендации „Берзен-Цейтунг“, но едва ли верят и подсудимые и их сторонники, которые еще имеются, в миф о непрочности Советской власти. Но в сущности говоря, заключение моей речи вовсе не построено на том, чтобы, так сказать, свидетельствовать об абсолютном презрении, которое упрочившаяся Советская власть может чувствовать ко всяким попыткам, исходящим хотя бы от эсеровской партии, попыткам эту власть низвергнуть. Нет, положение остается достаточно опасным, а поэтому остаются опасными и эсеры.

С Антантой отношения такие, которые не только могут принять военный характер, но мало того, новая экономическая политика, которую так печально не понимают подсудимые и которую не место мне здесь им разъяснять, создаст возможность для мещанства для этих самих средних слоев, которые так родственны эсерам и, поднять голову. Мы вызываем к жизни этот мещанский дух частной инициативы для того, чтобы поработить его и заставить его служить как кадровых офицеров. С буржуазными спецами мы организуем нашу промышленную армию точно так же, как с кадровым офицерством мы организовали нашу военную армию. И тогда была опасность от полковников Махиных и сейчас от подобных махинаций можно терпеть тот или другой урон. Желая использовать эти легальные возможности под видом непосредственного примирения с Советской властью, которая как-то дает жить, потому что ей нужно увеличение товаров, они откуда то с какой то стороны протянут лапу к власти. Непонимающий нэпа Тимофеев не понимает совсем этой существенной разницы, что сущность заключается в том, чтобы по возможности использовать буржуазию, даже по выражению Маркса уплатив определенный куртаж и премию, он не понимает, что это несколько не колеблет характера политического режима, если власть останется в руках пролетариата. Но они попытаются разжижить диктатуру пролетариата, под республиканским флагом все хорошо—они и советы признают, лишь бы проникнуть к этой власти. Эту задачу мещанин, Антантовский буржуа будет себе ставить. Это рисуется им, как великое благо, что бы коммунисты, проделав свой термидор, сделались приличными демократами, распустив крепкое вино тепленькой водицей кооперативов. И тут первым коммивояжером являются эс-эры. Они имеют на это претензии. Эсер есть начало, первая ступень отхода к реакции, но это не сразу бросается в глаза, это не большой шаг назад.

И он готов, как видно из речи-гражданина Гоца здесь на суде, признать советы. Потом, он будет тонким образом отравлять атмосферу, пользуясь и нэпом и соглашением с заграничным капиталом, на которое вынуждена идти Советская власть, поскольку он пока существует. Это означает, что начиная с таких, якобы мирных действий, но отнюдь не отказываясь, как горделиво подчеркивали здесь подсудимые, от борьбы за свою власть, эс-эры играют сейчас чисто контр-революционную роль, стремятся использовать в духе гармонии с капиталистами и восстановления прав собственников положение так, чтобы повернуть колесо истории назад, а будучи повернутым, оно может покатиться до безболезненного овладения властью через партию социалистов-

революционеров — монархистами. И тогда оказавшись, приятно или неприятно им будет это, эмиграцией, они будут говорить: ох, опять совершили ошибку, как в Самаре — безболезненно передали власть монархистам, а мы думали, третья сила и так далее. Мы этого допустить конечно, ни коим образом не можем.

Эсеровская партия по существу не может не быть контр-революционной партией, как та крыловская змея, которая как бы ни меняла свои шкуры, всегда останется смертоносной и вредоносной для революции.

Я уже сказал, что для мелкой буржуазии имеется вообще один только исход. Это — в ее трудовых слоях группироваться вокруг Интернационала. Надо, чтобы она пошла дальше по пути разрушения старого, чтобы окончательно отмерло старое народническое фразерство и игра в беспочвенность, этика, вся эта разного рода фразеология, которая пока для более или менее политических младенцев, которых, к сожалению, в России еще много, может служить приманкой. И надо, чтобы выяснились обе эсеровские физиономии, чтобы выяснилось, что есть на самом деле эсеровская партия. С одной стороны, пусть делают скорее то, что задумали люди, подобные Авксентьеву, авксентьевцы, пусть откровенно ведут свою буржуазную линию, пусть откровенно скорее уходят в стан контр-революции и пусть те люди, которые могут сгруппироваться вокруг пустого центра, ни туда, ни сюда, вокруг бескрылого Чернова — они по существу своему подлежат политическому исчезновению — и политически должны исчезнуть. И независимо от того, какие меры для обезвреживания русской революции от этого центра посчитает необходимым применить к ним правосудие Революционного Трибунала, независимо от этого, партия, как таковая, не только заслужила политическую смерть, но она решительно без всякого вмешательства какой бы то ни было посторонней воли не может не умереть и надо в данном случае падающего толкнуть, ибо постепенное разложение этой партии отравляет политическую атмосферу, и без того богатую всякими неприятными примесями, и без того чреватую всякими бурями и болезнями, поскольку российский пролетариат, как член Коминтерна, преодолевает гигантские трудности и ведет в неизмеримо тяжелых условиях революционную работу. Эту работу надо обезвредить с тыла и с флангов, рисковать нельзя ничем и не преувеличивая несколько этой опасности (ни переряживания в легальных людей, о чем говорит Гоц, и никакие другие маневры не сделают эсеровскую партию силой, могущей нас победить),

тем не менее мы перед лицом пролетариата обязаны гарантировать ему максимум безопасности перед его врагом. И Революционный Трибунал, как орган пролетариата, обязан выполнить в этом отношении свой революционный долг.

Речь Государственного Обвинителя М. Покровского.

Товарищи судьи!

По нашему плану, разделения труда, на мою долю приходится охарактеризовать партию социалистов-революционеров, так сказать, в действии, как правительственную партию,—что делали социалисты-революционеры, когда и где они стояли у власти. Вот как можно охарактеризовать до-ставшуюся на мою долю тему, причем я, как и товарищ Луначарский, буду говорить о партии вообще, индивидуально же роль каждого из обвиняемых установит товарищ Крыленко.

Для того, чтобы правильно подойти к роли партии социалистов-революционеров, как правящей силы, как власти, необходимо опять-таки подойти к этой партии социологически, как подходил товарищ Луначарский, причем я могу сделать это очень коротко, не загромождая свою речь, но мне кажется в размерах, достаточных для того, чтобы дальнейшее не являлось обрывком, а было связано более или менее со всей физиономией партии социалистов-революционеров, как она проявлялась за последнюю революцию, или, если хотите, за последние две революции, начиная с февральской. Дело в том, что относительно этой партии, в данной зале, я бы сказал, в пределах данной претории, высказывались две разных точки зрения. Не только члены Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, для которых эта точка зрения является официально обязательной, но и некоторые бывшие социалисты-революционеры, очевидно, все-таки еще не окончательно отрешившиеся от старой идеологии, стояли на точке зрения, позволявшей правой и левой группе обвиняемых странным образом связаться между собой, позволявшей обвиняемому Гоцу ссылаться на обвиняемого Семенова. Я записал такую фразу: „Да, гра-

жданин Семенов прав, когда он говорил, что массы были с нами“. С этой точки зрения партия социалистов-революционеров в октябрьские дни (о них была речь) была партией, выражавшей интересы, волю и мнение массы, может быть не той массы, которая шла за большевиками, какой-нибудь другой массы, но все-таки это была массовая партия.

Другое мнение было высказано свидетелем Краковецким. В ответ на вопрос Бухарина, чем он объясняет такое презрительное отношение эсеров к пролетариату, Краковецкий ответил: „Я объясняю это тем, что партия социалистов-революционеров всегда была слишком оторвана от рабочих масс. Она была скорее партией интеллигентской. Мы варились в собственном соку и всякое соприкосновение с действительностью нас неприятно поражало, как белоручек“. Я осмеливаюсь утверждать, что из этих двух взглядов, взгляд, высказанный свидетелем Краковецким, есть единственно правильный и выражающий действительное положение вещей. Никогда до октябрьской революции, я употребляю слово „никогда“ в пределах революции 1917 года вообще, я не хочу пускаться в анализ событий 1905—1907 годов и т. д., это не входит в мою задачу и совершенно лишнее, пусть тогда партия социалистов-революционеров была массовой партией, это нас не касается, но в пределах, охватываемых нашим анализом, т.-е. в пределах революции 1917 года, партия социалистов-революционеров не была массовой партией в том смысле, что она не выражала собой интересов масс и не только рабочей массы в нашем марксистском понимании этого слова, о чем говорил свидетель Краковецкий, т.-е. пролетариата, но и рабочей массы в старом эсеровском смысле слова, т.-е. массы трудящихся.

Это всею рельефней выразилось на земельной политике партии социалистов-революционеров именно в дооктябрьский период. Я позволю себе это иллюстрировать только двумя фактами, двумя цитатами, которые заимствованы мною из органа социалистов-революционеров, из Черновского органа, из „Дела Народа“ и, таким образом, являются источником, мне кажется, и в глазах самих обвиняемых не подозрительными. Более или менее известно, в каком положении был земельный вопрос во все продолжение деятельности правительства Керенского. Одна корреспонденция в „Деле Народа“, напечатанная там в сентябре, 27-го числа, так определяет это положение: „Нет ничего проще привлечения к суду земельных комитетов „за превышение власти“. Народились комитеты законно, но в революционное время. Старые классовые отношения фактически резко изменились, но юридически остались неизменными. И вся новая деятельность комитетов в оценке старых юридических понятий является незаконной, как незаконна в их оценке и самая революция. Власть ру-

ководится не столько юридическими нормами, сколько соотношением общественных сил в стране. Но организованные в союзы помещики, вступив в борьбу за свои права, толкают власть на путь признания отживших юридических норм. И преуспевают“. Перед этим приведен целый ряд случаев, которых я не буду вычитывать из этой статьи, арестов членов земельного комитета, предания суду целых земельных комитетов и т. д. правительством Керенского. Опираясь на все эти данные и сделав такой вывод, автор кончает: „Репрессии по отношению к комитетам поднимают их авторитет и роняют авторитет центральной власти. Народ, по заявлениям членов делегатов в последней сессии главного земельного комитета, приходит к мысли, что от обороны необходимо перейти к наступлению, от моральной поддержки комитетов к активной. Такова логика вещей“. Очевидно, уже в сентябре месяце 1917 года логика вещей вела к наступлению народной массы на эсеровское правительство Керенского, которое Центральный Комитет партии социалистов-революционеров в октябрьские дни защищал с оружием в руках. Народные массы уже в сентябре 1917 года собирались наступать на это правительство по мнению самих эсеровских публицистов, и для того, чтобы как-нибудь парировать это наступление и чтобы как-нибудь закрепить свои позиции перед лицом народной массы в самые последние дни перед октябрём—правительство Керенского вынуждено было выработать некоторые проекты земельной реформы, проекты чрезвычайно достопримечательные. Я позволю себе прочесть из этих проектов очень немногое, то, что безусловно необходимо для их понимания. Суть проектов заключалась в том, что до решения Учредительного Собрания,—почему-то предполагалось, что Учредительное Собрание, которое, в России, должно было представлять, главным образом, крестьянство, как будто бы может еще решить дело и в пользу помещика—поэтому просто отдать землю крестьянам до Учредительного Собрания нельзя,—(поэтому предполагалась такая мера—организовать временный арендный фонд, из которого временно должны были наделяться крестьяне, располагающие слишком недостаточным количеством земли. И вот как составлялся этот временный арендный фонд (читает): „Во-первых, частновладельческие земли, обычно находившиеся (не менее 3-х лет в течение последнего пятилетия) в арендном пользовании, а равно казенные и бывшие удельные. Во-вторых, частновладельческие земли, обрабатываемые за последние пять лет всецело наймом крестьянского инвентаря. В третьих, земли, изъятые из распоряжения владельцев или арендаторов, в виду угрожающего обесценения их или оставления без обработки (отд. 6-й и 5-й). В четвертых, находящиеся ныне в арендном содержании,—по прекращении аренд-

ных договоров на основании статьи 38-й настоящих правил. В пятых, земли, добровольно передаваемые в арендный фонд их владельцами“. Последний пункт пятый является само собой риторическим украшением потому, что едва ли нашлось бы много помещиков, которые бы добровольно передали свою землю крестьянам, что они могли великолепно сделать и до революции и без всякой революции. Казалось, перечень земель довольно обширный. Возьмите следующую 26-ю статью (читает): „К землям арендного фонда могут быть причислены также части сельско-хозяйственных имений, обрабатываемых средствами владельца, если земельным комитетом будут предварительно установлены посредством местного обследования: а) крайняя земельная нужда при наличных рабочих силах в существующих трудовых хозяйствах, ведущихся без наемного труда, и б) возможность изъятия означенных частей имения в определенном размере из владельческой обработки без значительного ущерба для производительности хозяйства“. Говоря по-просту, барскую запашку можно затронуть только в самом исключительном случае и притом в самых гомеопатических размерах, как гласит статья 28: „При зачислении земель в арендный фонд (ст. 25), в распоряжении владельца должно быть, во всяком случае, оставлено то количество пахотных, сенокосных и других угодий, какое необходимо для удовлетворения потребностей самого владельца, его семьи, служащих и рабочих, а также для обеспечения содержания наличного скота“. Когда мы потом в Самаре под властью Учредительного Собрания встретим частные экономии, в сущности говоря, это совершенно не должно удивлять нас, потому что по проекту самих эсеров, накануне октябрьского переворота, частные экономии предполагались на местах неприкосновенными и предполагалось даже, что им должны быть оставлены земли, которые необходимы и для семьи, и для бабушек, и для внушек, и для племянников, и для рабочих, приблизительно, все то количество земли, которое имеется при данной экономии. Эсеры не любят вспоминать этого проекта, они предпочитают ссылаться на закон Учредительного Собрания, забывая ту маленькую вещь, что закон Учредительного Собрания издан после декрета Совнаркома о земле. После открытия Америки Колумбом съездить туда было не трудно, а открыть Америку было труднее. Это не удавалось партии эсеров до тех пор, пока не показала путь октябрьская революция.

Само собою разумеется, что при таком отношении правящей партии к интересам той массы, которую она претендовала представлять в первую голову, к массе крестьянства, не могло быть речи о том, что в октябрьские дни народная масса в каком бы то ни было виде стояла на стороне

правления Керенского и поддерживавшей это правительство вооруженной рукой партии эсеров. Это само собой подразумевалось, и то, что здесь дали показания целого ряда свидетелей и объяснения обвиняемых—это только, так сказать, логически развило, наполнило известными красками и рельефными образами эту логическую схему, само собой подразумевавшуюся. Это в сущности прекрасно понимали и сами эсеровские правители накануне октябрьских дней. В самом деле, они знали, что готовится выступление масс. Они знали, что большевики организуют свои силы. Представьте себе соотношение сил в действительно начинающейся междуусобной войне, при столкновении двух частей общества: большевики мобилизуют свои силы, поднимают на ноги своих рабочих и верные им воинские части. Что делают эсеры? Эсеры мобилизуют свою силу, поднимают на ноги своих рабочих, а ватем мобилизуют крестьян. Возьмите поведение буржуазной реакции в июньские дни в Париже 48-го года. Что делала буржуазная реакция: она мобилизовала все, что могла, все вокруг-парижское мужичье, и его двинула на помощь мобилиям, которые боролись в то время с рабочими. Что делают эсеры в эти минуты: они посылают на фронт искать „неразложившиеся“, нереволюционизированные воинские части, то есть применяют к борьбе прием, который оказал им большую услугу в июльские дни. Но, увы. Октябрь не июль и мы знаем из чрезвычайно яркого показания свидетеля Фейта, как было с этими частями. Приезжал Фейт, в одно место, обращался, очевидно, с речью к солдатам и солдаты говорили: пойдём. Но, очевидно, не очень решительно говорили. Фейт уезжал, через несколько часов возвращался, и солдаты уже говорили: не пойдём. И так повторялось во всех местах. Я не буду затруднять Трибунал и вычитывать из показаний Фейта. Они уже достаточно известны. Таким образом, даже не „разложенные“, нереволюционизированные воинские части за эсерами уже не шли. Что касается Петрограда, то тут обращаться к местным воинским частям, к гарнизону, который окончательно „разложился“ и погряз в большевизме, не пришлось совсем, и Керенскому пришлось, в последней агонии, ухватиться, как за самую последнюю опору, за самые реакционные части Петроградского гарнизона—за донских казаков, да и те целую ночь седлали коней, но в конце концов на них не сели, так что Керенскому, за отсутствием конной тяги у казаков, пришлось обратиться к автомобильной тракции и, развив максимальную скорость, исчезнуть из пределов города Петрограда.

Пришлось уже в качестве самого последнего средства, добывать казаков хотя бы с фронта. Красновский поход я не буду описывать, он привел к тому, что эти казаки коней

оседлали и сели на этих коней, доехали до Пулковских высот, но дальше ехать отказались. Тут повторилось тоже самое: их сил было слишком мало и чтобы им помочь, пришлось мобилизовать воинские силы внутри Петрограда: и вот фатальным образом партия, которая не имела за собой масс, которая действовала, вопреки интересам народной массы, вынуждена была связаться со слоями реакционными, вынуждена была связаться с буржуазными юнкерскими училищами. Я опять таки не буду здесь, чтобы не затруднять Трибунал, вычитывать чрезвычайно выразительный диалог председателя Трибунала с свидетелем Кашиным. Вы помните, как Кашин шаг за шагом отстаивал позицию демократизма Петроградских юнкерских училищ и в конце-концов мог указать, что весь демократизм их заключался исключительно в том, что в этих юнкерских училищах было некоторое количество молодежи из интеллигентных еврейских семейств, которых не пускали туда во время царского режима, и никакого другого демократизма он указать там не мог.

Тожe самое было и в Москве и наиболее демократическая часть московских юнкеров—школы прапорщиков, которые состояли, действительно, отчасти из бывших солдат, как раз держали нейтралитет во время Октября и за эту позицию подверглись в октябре всяческим поношениям от настоящих юнкеров Александровского и Алексеевского юнкерских училищ, состав которых был такой же буржуазный, как и состав петроградских юнкеров. И чрезвычайно любопытно, что и на эту буржуазную часть молодежи надежды эсеров были, повидимому, не очень тверды. Только этим я могу объяснить чрезвычайно оригинальный вольт, который был предпринят во время петербургского восстания и выразился в том, что вместо старого эсера, каторжанина Краковецкого, который, казалось, мог бы поднять энтузиазм буржуазной молодежи видом старого революционера, который ее ведет,—вместо него ЦК поставил Полковникова, человека с точки зрения самих эсеров, крайне сомнительного политически, поставил его потому, что у Полковникова была связь с донскими казаками.

Но донские казаки на этот раз даже не седлали коней, а пешком приходили к Полковникову, о чем-то говорили и на этом юнкерское восстание провалилось. Если у Центрального Комитета партии социалистов-революционеров могли быть какие-нибудь сомнения, в том, на чьей стороне народные массы до Октября, то после Октября никакого сомнения быть не могло; всякому разумному человеку это было ясно, как ясно это теперь кадетам, об этом пишушим. Так как председатель разрешает ссылаться на научные сочинения, хотя бы и не приобщенные к делу, я полагаю, что могу сослаться на статьи правого кадета, проф. Тимашева, который писал в „Руле“, что в октябре массы были на стороне больше-

виков. Так что это последнее,—более или менее „научно-установленный“—факт. И тактика Центрального Комитета партии социалистов-революционеров 5-го января, свидетельствует, по моему мнению, неопровержимо, что Центральный Комитет партии эсеров учел это соотношение сил и, действительно, на массы не рассчитывал. Здесь я должен немного разойтись с товарищем Луначарским. Он как будто бы разделяет то мнение, что 5-го января Центральный Комитет партии социалистов-революционеров не выступил на улицу по трусости. Он, правда, оговорился, что имеет ввиду не трусость личную, и я в настоящий момент говорю не об этом, а о трусости политической, свойственной мелко-буржуазным партиям: они могли сбросить с „трехногого стула“ едва усевшуюся большевистскую власть, но решимости не хватило. Я с этим не согласен. По моему, Центральный Комитет обнаружил большую политическую мудрость, в том, что он 5-го января не вышел на улицу, потому что у него не было сил. После всего бывшего, он имел основание сомневаться, что какие-бы то ни было массы выступят на его защиту. И совершенно правильно,—никакие массы не выступили. Здесь он был прав. Так и нужно было вести себя, так, как он себя вел. После 5-го января, когда была произведена своего рода „контрольная прививка“, было уже ясно, что массы за большевиков, что за эсерами они не пойдут. Что оставалось тогда предпринять. И здесь, казалось бы, что для партии, которая не является массовой в настоящий момент, но которая сознает себя массовой в потенции, которая сознает возможным для себя стать массовой при известных, более благоприятных обстоятельствах остается один выход: нужно терпеливо заняться пропагандой, организацией и готовить массы для себя, пуская в ход все легальные средства, которые тогда в распоряжении партии социалистов-революционеров находились. Она имела тогда свою фракцию в Советах, она имела свою печать, словом, если бы она представляла собой партию, которая в потенции рассматривает себя, как партию массовую, она должна была пойти по этому пути. Но мы знаем, что партия со времени 8-го Совета пошла иным путем и, не имея массы за собой, предприняла вооруженную борьбу с Советской властью. Если они не имели за собой массу, то на кого же они могли опереться? Логически ясно, что они могли опереться только на буржуазную реакцию. Другой точки опоры не было, они не могли висеть в воздухе, они должны были на кого-нибудь опереться, чтобы бороться с Советской властью и вот мы видим, воочию, на Союзе Возрождения, как постепенно зарождается, растет и крепнет этот союз социалистов-революционеров с настоящей буржуазной реакцией, уже не сомнительной демократией юнкерских училищ, а с настоящими

капиталистами, толстосумами, только что экспропрированными Октябрьской революцией и, конечно, жаждающими возвращения тех богатств, которые у них были отняты. Я позволяю себе утверждать, что в этом, в связи с крупным капиталом, была сущность Союза Возрождения, и что сношения с союзниками, которые изображались здесь самими обвиняемыми страшным криминалом, страшнее чего придумать нельзя, это был фиговый листок, наклеенный на фактический союз с русской буржуазией.

Здесь товарищ Луначарский уже упоминал об этом, но все-таки необходимо упомянуть это еще раз и возможно чаще повторять: Союз Возрождения являлся одною из долей двухдольного плода. Одна доля была Союз Возрождения, другая—Национальный Центр. Относительно Союза Возрождения мы имеем здесь три версии. Первая версия, это версия, которую дал свидетель Кондратьев. Она гласит, что Союз Возрождения это был невинный дискуссионный клуб, где люди занимались решением исключительно идеологических вопросов. И тут надо опять-таки отдать справедливость политической мудрости Ц. К. партии социалистов-революционеров. Гражданин Гоц заметил всю смехотворность позиции, занятой свидетелем Кондратьевым и сразу признал, что Союз Возрождения был для с.-р., во-первых, резервом, откуда они черпали военные силы, преимущественно крупных специалистов и, во-вторых, резервом, откуда они черпали денежные средства на переброску этих крупных специалистов и военных специалистов не столь крупных на предполагаемый новый анти-германский фронт. Об этом анти-германском фронте я поговорю дальше, а пока зафиксируем это признание Гоца. Я полагаю, что он не будет возражать, так как оно взято из стенограммы его показаний, но я могу, если ему это будет угодно, соответственную страницу стенограммы огласить,—итак, гражданин Гоц признал, что это был не просто дискуссионный клуб, где велись разговоры, а резервный фонд, но дал понять, что это было случайное средство, к которому прибегла партия социалистов-революционеров, так-сказать, мимоходом.

Гражданин Игнатьев раскрыл все скобки, объяснив, что Союз Возрождения и создан был специально для того, чтобы получить людские и денежные средства, при чем последние получались преимущественно от союзников — и только для этой цели был создан. Я опять не буду оглашать показания, чтобы не задерживать вашего внимания слишком долго, но скажу, что суть его сводится к тому, что людей не было, денег тоже не было, чтобы достать людей нужны деньги, решено было обратиться к союзникам, но организовав объединение более широкое, чем какая-либо партия, с обязательным вхождением в это объединение бур-

жуазной демократии, то-есть кадетов. Гражданин Игнатъев не упомянул одного факта, который для меня является несомненным, что буржуазная демократия в лице кадетов и была той силой, которая организовала обе доли—и Национальный Центр и Союз Возрождения. Но так или иначе уже совершенно вне сомнения, что связующим звеном между двумя долями этого плода, некоторой перепонкой являлись кадеты. Был фронт народных социалистов вместе с социалистами-революционерами и другой, где были кадеты вместе с торговопромышленниками, с представителями крупного капитала. Это представляет главный интерес. Таким образом уже весной 1918 года устанавливается определенный контакт—с одной стороны эсеры и энесы, с другой стороны определенная буржуазная капиталистическая реакция. И в этом суть дела. Что касается средств из союзных источников, то уже совершенно правильно отметил тов. Луначарский, что эти средства были совершенно ничтожны и походили некоторым образом на подачки на чай и, повторяю, с моей точки зрения они были просто фиговым листом, наклеенным на всей этой истории. Казалось бы, что этот фиговый лист сам кобой представляет большую опасность, это в конце-концов измена. Понятно, чем в данном случае можно объяснить измену. Мы были верны старому знамени, знамени Антанты, мы боролись с германским империализмом, это все-таки красивая позиция; за это можно спрятаться, а за союз с доморощенным империализмом, с Рябушинским и компанией не спрячешься— тут никакого фигового листа не наклеишь. Поэтому естественно, что это совершалось в тени. В первом, в том, что были сношения с Антантой и союзниками, более или менее признавались. Но в основании этого союза, повторяю, гораздо больше союз с доморощенной буржуазией, чем с международной, которая вообще с порядочным презрением относилась ко всей этой возне.

Начинается организация „антигерманского фронта“. Я понимаю, что в таком серьезном, трагическом, я бы сказал, процессе, как наш, нет места каким-бы то ни было шуткам, и какому бы то ни было юмору. Но мне все-таки изображение неотразимо представляет физиономии французских и английских генштабистов, когда мы говорили об антигерманском фронте на Волге, между Саратовым и Казанью, обращенном лицом к Москве, то-есть в таком направлении, где на протяжении двух тысяч верст по воздушной линии нельзя было найти ни одного германского солдата. Я не могу не представлять себе улыбающиеся лица французских и английских генштабистов и мне самому хочется смеяться. Это очень комично, можно только детям рассказывать такую сказку, что на Волге устраивается анти-германский фронт, или же можно было рассказывать совсем темным крестья-

нам, которых можно уверить, что у большевиков никакой Красной Армии нет, что, так называемая, Красная Армия есть просто германские войска, которые переодеты иначе и изображают Красную Армию. И не мудрено, что Антанта, которая на белые фронты, где действительно был какой-нибудь шанс нанести удар германскому империализму, на Мурман, в Архангельск, Крым и Одессу, посылала своих солдат, на Волгу не посылала ни одного солдата, несмотря на все призывные вопли членов Учредительного Собрания, директории и других правительств, которые там существовали, и просто, по моему, издевалась над ними. Иначе как издевкой я не могу назвать известие об итальянской горной батарее, идущей на Волгу из Сиамы, о которой серьезно докладывалось на одном из заседаний Директории, это слишком, согласитесь, экзотический способ доставки вооруженных сил на Волгу. В конце-концов мы знаем наверное, что ни одного солдата на Волгу, кроме находившихся там чехословаков, не было послано, а чехословаки не были посланы туда, а имелись на месте.

Таким образом, с этой точки зрения с созданием антигерманского фронта на Волге, дело совершенно не ладилось. Но нужно отдать дань известной мудрости противника Советской власти в то время и здесь. Я должен констатировать, что со стратегической точки зрения фронт был весьма недурен, если смотреть на него не как на антигерманский фронт, а как на анти-большевистский: одним крылом, правым, он опирался на уральское казачество, с которым, как мы знаем из телеграммы Веденяпина, у Волжского Комитета эсеров был определенный формальный договор, другим крылом, левым, этот фронт упирался в добровольческую армию Алексеева и Деникина, с которой также была совершенно определенная связь. Мы это знаем из той же телеграммы Веденяпина, где Веденяпин говорит, что завязана связь с армией „покойного Алексеева“. Мы знаем это из переговоров того же Веденяпина с Зензиновым по прямому проводу от 5 января, где Веденяпин сообщает даже условный пароль для вызова добровольческой армии по радио, сообщает о числе штыков и о том, что необходимо выслать представителя. Мы знаем это и из сообщения Дашевского, который рассказал, как приезжал в Саратов Хреновский, передававший о впечатлении, полученном им из разговора с Деникиным и Алексеевым, который был тогда еще жив, ибо это было еще в начале лета. Опираясь одним флангом на уральское казачество, другим флангом на добрармию, конечно можно было построить весьма не дурной, приличный антибольшевистский фронт. Не хватало только одной маленькой вещи для этого на первое время, не хватало солдат. Казалось бы партии, которая говорит от имени народа, нет ни-

чего легче, как при материальной помощи буржуазии Аптанты и другой буржуазии создать этот фронт около тех кадровых частей, которые были предусмотрительно переведены туда из Петрограда заблаговременно: туда были переведены электротехнический батальон, батальон связи, подрывная рота. Ядро было. Кроме того, туда систематически перебрасывалось на деньги Союза Возрождения белогвардейское офицерство из Москвы и Петрограда. Поэтому можно было создать кадр, — и из этого однако ничего не получилось, ничего не получилось по той же вечной причине.

Но так как этот момент слишком существенен, то разрешите мне прочесть целиком рассказ, правда оглашавшийся уже здесь однажды, но все-таки слишком важный, чтобы можно было его пропустить, рассказ гражданина Климушкина, который показывает, что особенно драгоценно, не будучи вызванным в качестве свидетеля, а просто делает доклад в Челябинске или в Екатеринбурге перед публикой, к которой он относился с полным доверием. Рассказ этот напечатан в „Вестнике Комитета Членов Учредительного Собрания“, источнике неподозрительном: „Самарский переворот не явился стихийно. Он имеет свою надуманную историю... Начало этого события относится ко времени прибытия нашего в Самару после разгона Учредительного Собрания. С того именно момента и начинается подготовка. Вскоре же после нашего возвращения мы поставили себе задачей — подготовить условия для ниспровержения большевистской власти... Нужно было создать обстановку, при которой можно было совершить переворот. И мы занялись этой работой. В начале она была очень трудна. Армия была развращена, рабочий класс тоже“... Мы уже привыкли переводить с эсеровского языка на общечеловеческий, и знаем, что это значит, что армия была пропитана революционным духом и рабочий класс тоже. „Мы устроили ряд лекций среди солдат. Настроение их стало подниматься. Подтягивание большевиками армии также создало благоприятную обстановку...“ и так далее. И так партия „государственная“, которая так известна этою „государственностью“ всему земному шару, спекулировала на то, что большевики создают дисциплину... До чего нужно было низко пасть, чтобы на это спекулировать! „Мы начали усиленную агитацию. Мы убедились, однако, что среди рабочих таких сил создать нельзя. Рабочие дошли до значительной степени разложения, распались на несколько лагерей и вели борьбу внутри себя. Мы обратили внимание на солдатскую, главным образом офицерскую массу“. Столь великолепного места я не читал ни в какой литературе мира. Солдатская и „главным образом офицерская масса“, это написано в 1918 году, после опыта Октябрьской революции, после опыта Февральской револю-

ции, когда солдаты истребляли офицеров, когда ясно было, что это два противоположных класса, лучше этого нельзя было написать. Но и офицерская масса оказалась тоже неподатливой, сил было мало, ибо никто не верил в возможность свержения большевистской власти, все были убеждены, что она будет царствовать долго. „И когда я обратился по этому поводу к одному генералу, он ответил, что считает большевистскую власть прочной и свержение ее считает авантюрой“. К сожалению Климушкин не сообщает, не был ли этот генерал перевезен на средства из „резервного фонда“ Союза Возрождения и не оказалось ли это напрасной тратой денег. „И так на город надежды было мало. Наше внимание все больше и больше стало переноситься на деревню... Мы послали своих друзей в деревню для организации крестьянства. Работа была медленная, но неуклонная. В то же время, однако, мы видели, что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя...“ „И вот в этот момент мы узнаем о выступлении чехов. К чехам поехал Брушвит. В то же время здесь мы занялись тем, чтобы воскресить наши маленькие силы и подготовить правительственный аппарат. Работать приходилось при очень тяжелых условиях“. Другими словами и в деревне никакой массы, которой можно было бы обволочнуть те кадры, которые были припасены, не оказалось точно также. В конце концов пришлось обратиться опять таки к силе внешней и случайной. При чем это нужно дополнить и соответствующими воспоминаниями из телеграммы гражданина Веденяпина, откуда мы знаем, что и чехи выступили не случайно, что они были спровоцированы на выступление именно эсерами. Так или иначе это была сила внешняя и случайная. Это не были народные массы, это не был даже какой-нибудь осколок русских народных масс. И Климушкин понимал великолепно ту психологию, которая на этой почве создавалась. „Я должен сказать, что в первые дни мы встретились с величайшими трудностями. Несмотря на всеобщее ликование и радость, реальная поддержка была ничтожна. К нам приходили не сотни, а только десятки граждан. Рабочие нас совершенно не поддерживали. И когда мы ехали в городскую думу для открытия Комитета под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехо-словаков, граждане считали нас чуть-ли не безумцами“. Этот рассказ такой ясный и выпуклый, он собственно не нуждается ни в каких комментариях и совершенно ясно, что все разговоры, которые велись обвиняемыми на ту тему, что они выбрали Поволжье не потому, что это стратегически удобное место, а потому что там было наиболее интенсивное народное движение, — все эти разговоры совершенно упраздняются этим простым бесхитростным рассказом Климушкина, который не

подозревал как будет использован этот рассказ через 4 года в совершенно иной обстановке, и потому ничего не скрывал. Совершенно ясно, что если было какое-нибудь анти-большевистское движение среди крестьян, — с этим можно согласиться, что оно было, потому что анти-большевистское движение было всюду среди того класса крестьянства, которое мы называем кулачеством оно было и гораздо ближе — вокруг самой Москвы кольцом вилась эти кулацкие восстания, то не нужно было идти на Волгу, чтобы найти этот материал, этот анти-большевистский элемент. Но на Волгу пошли, повторяю, только потому, что в силу известного стечения обстоятельств там оказались не местные, в конечном счете даже и не русские силы, которые могли быть использованы, чтобы утвердить власть Всероссийского Учредительного Собрания.

Я не буду останавливаться на юридической природе этого правительства, хотя после телеграммы Пишона, это является довольно интересным моментом. Совершенно ясно, что тут даже буржуазное правосознание понимало, что не могут несколько членов Учредительного Собрания, хотя бы и назвавши себя Комитетом или как угодно, заменить это выражение всенародной воли, с буржуазной точки зрения. Но я на этом останавливаться не буду. Меня, как всякого марксиста, интересуют не столько юридические формулы, сколько грубые экономические и политические факты, и на этой фактической стороне я и позволю себе остановиться. Итак, при помощи чехо-словацких штыков утвердилась в Самаре власть Комитета Членов Учредительного Собрания. Спрашивается, в ком нашла поддержку эта власть. В первые же дни после ее утверждения 12 июня (30 мая) 1918 года состоялось совещание представителей Самарского Общества Фабрикантов и Заводчиков, Самарской Торгово-Промышленной Палаты, Самарского Биржевого Комитета, Самарского Торгово-Промышленного Общества и Самарских Банков, где обсуждался вопрос, как финансовым образом прийти на помощь вновь сложившемуся правительству. И вот, в Самаре собрались представители Банков и других учреждений для обсуждения этого вопроса. Они решили немедленно образовать при Комитете Членов Учредительного Собрания — Финансовый Комитет и „придать названному органу характер совещательный“. Вы помните, „считали безумцами“: „что мы будем рисковать, что мы будем юридически зря ангажироваться“. Но ангажироваться умеет не только центральный комитет П. С.-Р., но умеет и буржуазия при случае. Дальше тут сказано: „включить в пределы компетенции названного органа все вопросы, касающиеся: 1) денежного обращения, 2) упорядочения кредита, 3) содействия торговле и промышленности, 4) податной политики и 5) бюджета“.

II, наконец, в четвертых: „установить нижеследующий состав предполагающегося к образованию Финансового Совета: от Самарского Земского Самоуправления—1 представитель, от Самарского Городского Самоуправления—1 представитель, от Союза Союзов и Кооперативного Банка—1 представитель, от Самарской Торгово-Промышленной Палаты — 3 представителя, от Управления Банков — 2 представителя, всего в составе 8-ми лиц с правом кооптации в случае надобности сведующих лиц“. Итак, пять представителей чистейшей капиталистической буржуазии и только три представителя, которых с огромной натяжкой можно зачислить в демократию: кооперативы, Городское и Земское Самоуправление, давали определенное капиталистическое большинство, которое имеет право кооптировать и приглашать еще других лиц и эти сведующие лица несомненно другие Самарские капиталисты. Тут нет никакого фигового листка германского фронта, союзнических денег мы не находим, тут дело идет наголо: союз с торгово-промышленными группами совершенно ясный и определенный, и само собою разумеется, что этот союз немедленно же, в течение 48-ми часов, дает определенные последствия.

Позвольте вам прочесть еще одну выдержку, уже совсем коротенькую. 12-го июня образовался Финансовый Комитет, а 14-го июня 1918 года в протоколе „заседания Комитета Членов Всероссийского Учредительного Собрания“ мы читаем постановление: 3) поручить члену комитета Вольскому созвать совещание представителей рабочих и предпринимателей, с участием представителей соответствующих органов самоуправления по вопросу восстановления прав владельцев“. Само собою разумеется, что никакой связи между образованием Финансового Комитета 12 июня и этим постановлением 14 июня нет, это случайное хронологическое совпадение, совершенно случайное совпадение, но дьявольски выгодное для тех, кто только что обещал финансовую помощь эсерам и если начать фантазировать в духе Уэльса, то можно нарисовать такую картину: „Ну, вы—не знаю какое дальше идет обращение, товарищи, друзья или менее почетное,—„мы вам поможем, а вы нам фабрики наши назад“. „Да уж конечно“. „Ну, ну, конечно“.

Так или иначе было бесповоротно решено фабрики вернуть владельцам. Это опять-таки факт, до такой степени ясный, что центральный комитет партии социалистов-революционеров с характеризующей его мудростью не стал отказываться от него в лице гражданина Лихача, который определенно заявил, что так и было; фабрики были возвращены владельцам, потому что ваша национализация ни к чему другому, в то время, как к разорению не приводила. Но, ведь у фабриканта может быть усадьба, он может быть владельцем имения, у

него жена из дворянской семьи, дочь замужем в семье помещика, наконец, он может быть дружен с владельцем имения. Нельзя этого разделить. И вот тут начинаются мучения Комитета Членов Учредительного Собрания. Я готов признать, что их положение здесь было более тяжелое, чем в вопросе с фабриками. Что рабочие не на их стороне это они великолепно знали еще с октябрьских боев. Мы имели здесь великолепный рассказ обвиняемого Усова, который здесь признал, что никакой рабочий не пойдет драться за правительство Керенского, ведущего за собой казаков. Нельзя себе представить такого рабочего. Мы видели из рассказов Климушкина, который прямо говорит, что на рабочего полагаться нельзя было и хотели только, чтобы он, по крайней мере, не мешал, не помогал открыто большевикам. Потом и на этой позиции удержаться было нельзя. Относительно крестьян было иначе. Тут я согласен, — хотя объективно эсеры не обслуживали интересы крестьян, хотя объективно крестьяне относились отрицательно к эсерам еще до октябрьской революции, все-таки здесь надежда могла шевелиться и расставаться с этой надеждой и отдавать крестьян помещикам, было чрезвычайно тяжело для членов Комитета Учредительного Собрания. Я готов с этим согласиться. Но что же поделаешь. Жестокая необходимость заставила и это сделать. И вот мы имеем целый ряд распоряжений, касающихся земли, которые своим нерешительным тоном, ясно дают понятие о той внутренней драме, какую переживали авторы этих документов. Прежде всего 16 июля был издан оглашавшийся здесь и памятный декрет — Комуча, постановление о предоставлении озимых посевов, — то-есть, по-просту говоря, половины урожая 18 года — „нетрудовым посевицам“. Кроме того об этих нетрудовых посевицах говорится в другой редакции того же декрета, который напечатан в Казанских газетах, где та же мысль изложена более детально. Там были прямо упомянуты еще и „частные экономии“. Душевная драма, которую переживали тогда члены Комуча, нашла себе выражение и в настоящем судебном следствии, настоящем процессе. Мы видели, как гражданин Гендельман и гражданин Раков старались доказать, что нетрудовой посевиц — отнюдь не помещик. Но через две недели тот же самый Комуч ставит под большое сомнение этот вопрос: по поводу разрешения Земствам занимать частновладельческие усадьбы под школы, — постановлено: „впредь до разрешения вопроса Учредительным Собранием (такой важный вопрос могло решать только Учредительное Собрание) предоставить Уездным Земствам занимать частновладельческие усадьбы, пустующие, — под школы и иные культурно-просветительные учреждения, за определенное вознаграждение“. Кому? И так как я боюсь, что мне

начнут доказывать, что это определенное вознаграждение уплачивалось органам Всероссийской власти, то позвольте сразу рассеять сомнение на этот счет. В Уфимском органе партии эсер „Народное дело“, от воскресенья 24 ноября имеется статья „Стерлитамакские ужасы“. Ужасов я изображать не буду, а перейду к другому месту, — ужасы производились казаками: „Когда казаки приближались к Стерлитамаку с юга, то до граждан начали доходить слухи, что они творят расправу над крестьянами. Слухи оказались действительностью. С их помощью помещики собрали обратно в свои экономии весь взятый крестьянами живой и мертвый инвентарь. То, чего в экономиях помещики не досчитывали — взыскивалось с крестьян деньгами. Начальники отдельных карательных отрядов отдавали волостным управкам приказы — к определенному сроку собрать имущество помещиков, а чего не окажется налицо, взыскать деньгами. Разгул страстей проявился во всю. В данный момент крестьяне снесли в экономии помещиков почти все“. Итак, я очень не хочу огорчать граждан, которые потратили так много усилий, чтобы доказать, что помещиков не было, что с февральской революции они совершенно исчезли, но их собственная Уфимская столичная газета свидетельствует, что помещики были, и было кому платить за совершенно пустующие усадьбы, взятые под школы, было кому платить за урожай на местах и так далее. Я готов согласиться, что действительно это распоряжение стоило членам Учредительного Собрания порядочно внутренних мучений, но как никак распоряжение было издано, и крестьянин был выдан с головой помещику. Как видно из той же статьи „Стерлитамакские ужасы“ в противоположность тому, что иногда бывало на советской территории, на территории Учредительного Собрания действительность шла гораздо далее декретов.

Мне остается прибавить только маленький штрих. По моей просьбе здесь на суде были оглашены две выдержки из литературы социалистов-революционеров — одна из брошюры Лебедева, которого Комитет Членов Учредительного Собрания произвел сначала из поручика в подполковники, а затем из подполковника в полковника в одном и том же заседании, затем другая — из статьи порядочного человека, заслуживающего морального уважения — покойного Коган-Бернштейна, о том, что происходило на совещании членов Учредительного Собрания. Это была, так сказать, живописная сторона, но помимо живописной стороны, тут была и деловая. И с этой деловой стороной я хотел бы познакомить, вернее напомнить ее Трибуналу и обвиняемым. Как, вероятно, уже догадались слушатели из тех цитат, на которые я намекнул, я имею ввиду положение, какое занимало духовенство в

эсеровском царстве. Прежде всего позвольте из той же Уфимской газеты „Народное Дело“ прочесть маленькую жанровую сценку—статью под заглавием „Собрание всех церковно-приходских советов“, в № 7 от 25 ноября. Тут рассказывается, что 3-го ноября в помещении 3-го церковно-приходского училища было собрание всех приходских советов. Довольно живо описывается увертюра к этому собранию, говорится о том, как выступает епископ Андрей, поют „Царю Небесный“ и так далее. „Первым выступил г. Морочко—лидер партии Уфимских приходских советов, как его отрекомендовал председатель собрания, заявив при этом, что Морочко сделает доклад о том, что было сделано партией приходских советов. На этом докладе мы не стали бы останавливать подробно внимание наших читателей, если бы приходские советы не вмешивались в политическую жизнь и не стали бы именовать себя „партией“, но именно потому, что они—партия, проведшая в городскую думу 30 своих гласных и сумевшая поставить на ответственные посты—городского головы и двух членов управы, мы и находим не лишним ознакомить уфимцев, какова эта партия, заправляющая теперь городскими делами и с нестерпимым самохвальством заявляющая устами г. Морочко, что с ее мнением в Уфе все теперь считаются“...

Дальше он рассказывает, как они пришли в Думу: „Пройдя в думу в таком числе, говорил г. Морочко, мы стали обсуждать вопрос, с кем нам в ней объединиться. Списки №№ 2 и 3 социал-демократов и социалистов-революционеров для нас были не подходящими, так как у этих социалистов Бог совсем в программах не существует; не объединились мы также и с трудовой интеллигенцией, так как она шатается из стороны в сторону и до сих пор не имеет своего лица. Некоторое доверие внушал нам кадетский список № 4, но после того, кадеты, стали метаться из стороны в сторону, мы увидели, что и с ними нам не по пути, и объединились со списком мусульман, так как мусульмане свято чтут Бога“. Вот какова была партия, заправлявшая всеми городскими делами в эсеровской столице в ноябре месяце 18 года.

Итак, мы видим, все решительно реакционные общественные классы постепенно выступали под флагом Комуча. Я должен оговориться, что выступая под флагом Комуча, как партия муниципальная, православное духовенство под флагом одного учреждения близкого к Комучу, вышедшего из его недр, под флагом директории, сделалось государственным объединением. Иначе я сказать не могу. Я позволю себе для иллюстрации этого привести еще две выписки. Я констатирую, что здесь в процессе судебного следствия было заявлено самими обвиняемыми, не помню кем,

кажется гражданином Гендельманом, что ответственность за директорию, конечно не за отдельные поступки, но за общую политику, несет всецело Центральный Комитет П. С.-Р. Вот почему я решаюсь привести цитаты из делопроизводства директории. Первая цитата из журнала заседания Всероссийского Временного Правительства от 4 октября 18 года. Она гласит: „По докладу Управляющего Делами Министерства А. Н. Кругликова о ходатайстве Митрополита Казанского и Свияжского Якова и Епископа Уфимского Андрея об оказании материальной помощи беженцам из духовенства, постановлено: выдать названным Митрополиту и Епископу из средств Временного Правительства двадцать пять тысяч рублей и предложить им представить точные статистические данные о беженцах из духовного класса“. Но скажут, это просто доброта душевная и больше ничего. Отчего не оказать помощи и беженцам из духовного класса. Но здесь дело не в доброте душевной. Я оглашаю эту цитату в связи с фактом, еще более любопытным: эта единственная из демократических республик мира, республика возглавлявшаяся членом П. С.-Р. Авксентьевым, вместе с членом Центрального Комитета П. С.-Р. Зензиновым, имела господствующую религию, и таковой господствовавшей религией было православие. Это факт. Разрешите мне огласить один документ, имеющийся у меня. Это клятвенное обещание для гражданских лиц, дававшееся в республике возглавляемой директорией, утвержденное директорией. Оно гласит: Клятвенное обещание для гражданских лиц. „Клянусь честью гражданина и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству, как своему отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Российского Государства. Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, ныне возглавляющему Российское Государство. Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в мыслях исключительно пользу Государства и не щадя жизни ради блага Отечества. Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда этого требует мой долг гражданина перед Отечеством. Клянусь быть честным, добросовестным гражданином и не нарушать своей клятвы из за корысти, родства, дружбы и вражды. В заключение данной мною клятвы осеняю себя крестным знамением и ниже подписуюсь. Утверждается 19 сентября/2 октября 1918 года. Временный председатель Временного Российского правительства Н. Авксентьев. Члены Правительства: В. Сапожников, Вл. Виноградов, В. Зензинов, В. Болдырев. Управляю-

ший Делами А. Кругликов“. Я прошу отнестись к этому серьезно. Я не знаю, чтобы в тех демократиях, которые существуют на глобусе—во Франции, Америке, Швейцарии существовала господствующая религия, но здесь несомненно существует, ибо осенить себя крестным знаменем может или православный, или католик и так как нет никаких оснований думать, что господствующая там религия была католической, то остается предполагать, что это была православная религия. Это факт, не подлежащий никакому спору—это ясно, при чем особую пикантность придает этому делу то, что как раз территория, занятая Комучем и занятая директорией, содержит большое количество населения нехристианского исповедывания. Там территория теперешней Татарской Республики, теперешней Башкирской Республики, теперешней Киргизской Республики и вот, все они должны были осенять себя крестным знаменем только потому, что эсеровская партия не могла завладеть властью без помощи крупной буржуазии, а крупная буржуазия потянула за собой и помещиков, и духовенство.

Итак, социальная база Комуча для нас совершенно ясна, на этом я останавливаться более не буду. Картина его управления—это была картина форменной буржуазной, даже с черносотенным налетом, реакции. За полами, как мы знаем, из статьи Когана-Бернштейна, на горизонте подозрительным людям рисовался и царь. До царя не доходило дело, но все-таки картина получилась достаточно таки выпуклая. Реакционность Французской Республики после коммуны несколько не уменьшается от того, что в это время французская реакция никак не могла найти себе государя и колесбалась между Шамборами, Орлеанами и Бонапартами и оставалась благополучно пять лет Республикой. Так как найти государя, мыслившегося тогда в лице Михаила Романова, было трудно, ибо он был на том свете, то поэтому ближе было к Магони, чем к формальной монархии; но за исключением этой формальности, полная картина реставрации старого порядка перед нами обрисовывается достаточно полно, и если приходится ее устанавливать по отдельным признакам, то только потому, что власть эта держалась слишком короткое время и, кстати для эсеров, скоро явился на их место открытый уже монархист—Колчак, который прикрыл их своим адмиральским плащом, после чего можно было на Колчака валить, особенно с некоторым нарушением хронологии, все, что фактически происходило на территории эсеровского правительства. Совершенно ясно, что власть, опиравшаяся на имущие классы, что власть, опиравшаяся на капитал, на класс землевладельцев и на попов, что эта власть к народным массам могла стать только во враждебные отношения. Если

В первую минуту недовольство большевистской властью в деревне и оказывало еще поддержку провозглашавшему все свободы Комитету Членов Учредительного Собрания, то миф этот чрезвычайно быстро рассеялся и подлинный лик буржуазной реакции начал вырисовываться перед массами, с быстротой, которая, правду сказать, поражает, когда изучаешь это дело. Думаешь, что все-таки для того, чтобы массы начали сознавать, нужно время. Но реакция была так груба, так нахальна, а сознание массы, в особенности рабоче-крестьянской массы, было так обострено революцией, что масса приходила к сознанию того, что совершалось, с быстротой, поистине изумительной. У нас есть источник, для того, чтобы оценить настроение народной, рабочей массы, безусловно не подозрительный,—это данные, сообщавшиеся дружественной Комитету Учредительного Собрания меньшевистской Казанской газетой „Рабочее Дело“, которая приветствовала появление народной армии чрезвычайным восторгом и в своих передовых статьях писала о большевиках все самое скверное, что только она могла придумать, вполне в этом отношении идя в униссон с органами самих эсеров. И в этой обстановке, что приходилось констатировать меньшевистской газете? Уже 9-го августа, то-есть, буквально через несколько дней после взятия Казани народной армией, „Рабочее Дело“ писало: „Переход власти вызвал в рабочих массах растерянность. Рабочий класс с тревогой смотрит, что будет дальше. И, главным образом, его беспокоит вопрос—сохранятся ли его организации. Они должны сохраниться, и они сохраняются, но только при одном непременном условии. Рабочий класс должен сбросить со своих очей повязку, он должен понять, что никакие усилия сверху не дадут и не создадут прочных рабочих организаций, если сам рабочий класс не будет снизу сильной организованной волей их поддерживать. До сих пор он именно мало их поддерживал, он все надеялся, что кто-то де за него все сделает. Поэтому-то так слабы, так бессильны были организации, именно, классовые организации пролетариата“. Дальше следует любопытнейшее признание: „Профессиональные союзы. Они были пока сильны только поддержкой власти, а сами по себе они почти ничто. Это не голословно. Это констатировал, как съезд профессиональных союзов, так и бывшее совсем недавно совещание профессиональных союзов Поволжья в Саратове. Но пока была поддержка власти, профессиональные союзы, верившие в наступивший социализм, кое-как жили и без поддержки организованных низов“. Я не могу не обратить внимание на это исключительное по своей ценности признание меньшевиков, что именно большевистская власть, „подавлявшая“ рабочие организации, являлась на-

стоящей опорой профессиональных союзов, а когда эта власть временно была устранена несущей все свободы властью Комитета Членов Учредительного Собрания, вот что начало происходить. „Теперь жестокая действительность разбивает у рабочего класса веру в социализм, она показывает ему, что в борьбе своей, в недрах капиталистического общества сильнее тот класс, который лучше организован. Более организованной, естественно, в условиях капитализма, является буржуазия и она начинает побеждать“. Это мы читаем в газете от 9-го августа. Ровно через два дня, 11-го августа, мы читаем в этой же газете, в статье „Поход предпринимателей“ . „Предприниматели все время говорят о забвении классовой борьбы, и о воссоединении всех в одних общих интересах защиты отечества, а между тем, сами льют масло на огонь классовой борьбы. Со сменой власти начались расчеты рабочих и применяется старая система эксплуатации. Придираются и говорят, что им не нужно состоящих в союзах и требующих страховки в кассах больничных и от безработицы. Владельцы портновских мастерских снова переходят к штучной работе, раздаваемой на дома и распускают мастерские. Необходимо, чтобы профессиональные союзы выступили на защиту интересов рабочих“. Еще два дня проходят и мы читаем в статье „Среди рабочих“ — в этой же газете: „В рабочих кварталах настроение подавленное. Ловля большевистских деятелей и комиссаров продолжается и усиливается, и самое главное, страдают не те кто руководит, а просто сознательные рабочие, члены социалистических партий, профсоюзов и кооперативов. Шпионаж, предательство цветет пышным цветом. Всякий, так или иначе пострадавший при большевиках, считает своим долгом донести, наклеветать, ловить, лишь бы излить свою месть. Сводят личные счёты. Своих личных врагов выдают за важных преступников, за большевистских комиссаров. А там оправдывайся. Жажда крови омрачила умы. Особенно стараются отдельные члены квартальных комитетов. Эти господа ссылаются на какие-то распоряжения своего начальства, дающие им право обысков и арестов, и действуют во всю. Впрочем, очень мало юнц изловили большевиков, а много пострадало людей, совершенно невинных.... Пора этому положить конец. Рабочие должны потребовать перевыборов этих комитетов и, таким образом, освободиться от этих добровольцев-полицейских. Сильно тревожит рабочих и неизвестная участь арестованных их товарищей. Распространяются самые вздорные слухи о поголовном, будто бы, их расстреле и прочее. Здесь не мешало бы больше ясности и откровенности со стороны местных властей. Ведь всем известно, что произведены расстрелы по суду и без суда. Но кто,

почему расстрелян—об этом молчат. Думается, что это не есть военная тайна. Если раньше человеческая жизнь была такая мелочь, о которой и распространяться нечего, то хочется верить, что теперь это не так. Есть еще одно отвратительное явление последнего времени. Это погромная агитация. Разные темные субъекты продолжают сеять вражду против инородцев, несмотря на приказ власти о привлечении к суду таких агитаторов. Особенно травят на латышей. Раз уже латыш, значит—большевик, значит—бить латышей. Преследуют всеми способами. Предприниматели увольняют латышей со службы, квартирохозяева и домовладельцы стараются выжить из квартир. И самое печальное—от таких взглядов не свободны и некоторые официальные представители власти. Забывают, что среди латышей есть все те же политические течения, как и среди других наций. Латыши точно также сражаются и в Народной Армии, и работают в пользу этой Армии“.

Рабочие решили воспользоваться теми демократическими свободами, которые были провозглашены Комитетом членов Учредительного Собрания. Собралась рабочая конференция, где тоже было установлено, что ведется определенный поход против рабочих организаций, что распущена коллегия водного транспорта. Значит, легально выступили перед властью, уполномоченными которой были Фортунатов и Лебедев. И вот какую отповедь получила эта конференция от представителей власти. „В номере газеты „Рабочее Дело“ от 3-го сентября № 173 помещено сообщение, что исходящая под вашим председательством конференция постановила затребовать от представителей власти объяснение по поводу арестов членов конференции. В виду этого доводится до вашего сведения, что власть, исходящая от всенародного голосования, никаких требований от частных групп населения не принимает и впредь отнюдь не допустит, не останавливаясь для того перед мерами строгости. Что касается арестов членов конференции, то члены совещания частных групп населения подлежат аресту на общем основании и дела о них рассматриваются в обычном порядке. Чрезвычайные уполномоченные Фортунатов, Вл. Лебедев. 2 сентября 1918 года“. Вчера, должны были подумать казанские рабочие, была в Казани диктатура пролетариата, большевики поддерживали профессиональные союзы, а теперь пролетариат—„частная группа населения“: извольте наблюдать „порядок“. Совершенно ясно, что на этой почве среди казанских рабочих распространяется большевистское настроение и, естественно, что в результате этого уполномоченный Комитета Учредительного Собрания, полковник Сте-

панов, объявляет военное положение. Так что в один день на стенах города Казани красовались объявления за подписью Фортунатова и Лебедева, что в городе устанавливается власть Учредительного Собрания, а командующего войсками Степанова, что в городе вводится военное положение. Этот Степанов стал целые рабочие кварталы обстреливать артиллерией. Я не буду цитировать соответствующего документа, но сколько мне помнится, он, кажется, оглашался здесь на судебном следствии, и думаю, что споров здесь быть не может, тем более, что этот факт обстрела рабочих кварталов был зафиксирован Казанской эсеровской газетой, официальным органом партии соц.-рев.

Итак, правительство Комитета Членов Учредительного Собрания было правительством буржуазной реакции и, как Правительство буржуазной реакции, оно было Правительством буржуазной диктатуры. Совершенно ясно, что на смену диктатуры пролетариата могла прийти только диктатура буржуазии. И она, действительно, пришла и смела все эти громко возведенные Комучем в начале свободы и демократические права, о которых между прочим здесь говорилось во время судебного следствия, как о чем-то реально существовавшем на территории Комитета Членов Учредительного Собрания.

Я должен привести еще пару цитат, свидетельствующих во-первых, о том, что это иллюзия и что на самом деле эти права формально были отменены, а, во-вторых, что свою „демократию“ и сами социалисты-революционеры, самые видные из них, понимали чрезвычайно трезво.

Перерыв на 3 минуты.

Председатель. Заседание возобновляется. Продолжает тов. Покровский.

Покровский. Прежде всего, здесь обвиняемые с большой гордостью заявили, что на территории Комуча существовала свобода печати, и с большим трудом добились от них признания, что во всяком случае коммунистических газет на этой территории не издавали. На самом деле было гораздо хуже. Передо мной журнал № 38 заседания Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания от 23-го августа 1918 года, под председательством Брушвита. Присутствуют кое-какие из фигурировавших в процессе, и даже в настоящее время присутствующих, в том числе гражданин Раков.

С л у ш а л и :

4. О местной печати (доклад
Б. К. Фортунатова).

П о с т а н о в и л и :

1. Поставить на повестку очередного заседания предложение гражданина Климушкина о мерах административного воздействия на печать.

2. Обратить внимание Управляющего военным ведомством, ведомством юстиции и ведомством охраны государственного порядка о тщательном надзоре за печатью и о принятии энергичных мер к судебному и административному преследованию преступлений печати.

3. По отношению к данному частному случаю со стороны пленума Комитета никаких взысканий не налагать, что не исключает возможности законных мер судебного и административного воздействия.

Последнюю статью я прочел только ради ее характерности. Боже упаси, самим запятнать руки в репрессиях против печати. И совершенно так, как средневековая католическая церковь отдавала еретиков в руки светской власти для наказания без пролития крови, что означало сожжение заживо, так и тут Комитет Членов Учредительного Собрания отдает дело в руки законных судебных и административных властей. Сам он руки умывает и руки его, и его ризы остаются совершенно чистыми. Это относительно свободы печати.

Другой коренной основой демократии, на которую, мы, большевики, посягнули, была свобода выборов—всеобщее, равное избирательное право. И вот разрешите прочесть другую выдержку из журнала заседаний Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания от 25-го июля 18-го года :

С л у ш а л и :

1. Об ограничении избирательных прав служащих советских учреждений и красноармейских частей.

П о с т а н о в и л и :

1. Избирательным комиссиям при разрешении этого вопроса руководствоваться следующим: не допускаются к участию в выборах те из внесенных в избирательные списки лица, кои ко времени производства выборов утратят избирательные права (статья 4 - 6), равно как и те, кои к указанному времени окажутся лишенными свободы вследствие привлечения их судебной властью в качестве обвиняемых в каком-либо преступном деянии, с избранием в отношении их меры пресечения содержания под стражей, а также содержащиеся под стражей по постановлению судебно-следственной комиссии.

Итак, все граждане имеют одинаковые избирательные права, кроме коммунистов, изблнченных в этом надлежащими судебными и административными властями. Те прав не имели, ибо подлежали ведению этих самых судебно-следственных комиссий. Но что мы будем копать во всей этой юридической пачкотне, когда мы имеем признание одного видного члена партии социалистов-революционеров, открытое признание в том, что декоративность, по-просту говоря, если не призрачность всей этой демократии, он, этот видный эсер, прекрасно понимал и ценил, как должно. Вот передо мной журнал протокола совещания Комитета Членов Учредительного Собрания с представителями Временного Сибирского правительства в Челябинске, в июне 18-го года. Тут, в этом протоколе, протокольная запись речи Аргунова, известного социалиста-революционера: „Мы, как члены Учредительного Собрания, знаем цену этого Учредительного Собрания. В момент, когда решается судьба России, нужно вскрывать это понятие. Осколок Учредительного Собрания не есть Учредительное Собрание. Раз мы становимся на эту почву, мы уже создаем власть помимо Учредительного Собрания. Оно будет играть свою роль, как партия, как другие элементы“. Какую роль будет играть, я надеюсь, товарищи судьи прекрасно понимают и без всяких комментариев с моей стороны. Итак не только не было на практике никакой демократии, но и прекрасно понимали, что никакой демократии нет, что есть диктатура, которая объективно была буржуазной диктатурой, но которую, я согласен—про себя даже в интимных разговорах,—вероятно, называли диктатурой спасительной, неизбежной для того, чтобы восстановить в России порядок, законную власть и т. д. Я не оспариваю, что было это самоутешение, но объективный факт был тот, что признавалось, что демократии нет, что есть голая диктатура и что объективно это диктатура буржуазная. Кто, в конце концов, остался доволен этой историей, после того, как все узнали, что даже демократия не существовала? я склонен думать, что даже интеллигенция не была довольна этим порядком, и мы знаем, что она была недовольна. Я боюсь утомить чтением длинных отрывков, а то можно было бы привести из брошюры Святицкого и из брошюры одного из обвиняемых Уттофа, достаточное количество цитат, свидетельствующих о том, что действительно эсеровская интеллигенция на территории Комитета Учредительного Собрания и под властью директории чувствовала себя не слишком уютно, была разочарована до последней степени, и, в особенности хорошо это видно из брошюры Святицкого, как раз объясняла плохое положение именно тем, что с социалистами-революционерами нет массы, что массы не за ними, что массы их не поддерживают, что из этого проистекают все злоключения.

Но поскольку массы не с ними, это могло огорчить или не огорчить эсеровскую или не эсеровскую интеллигенцию, но это, конечно, наполняло особенным удовольствием сердца союзников, которым вовсе нежелательно было, чтобы в России утвердилась власть, опирающаяся на народные массы. Что Комитет Учредительного Собрания так жалок и бессилён, что без союзников ничего сделать не может, вполне объясняет, почему союзники были единственной силой, которая была довольна Комитетом Учредительного Собрания и выражала свое удовольствие им довольно начальническим тоном. Я позволю себе прочесть один отрывок из протокола Комитета Членов Учредительного Собрания от 28-го июля:

С л у ш а л и :

VI. Внеочередное заявление полковника Галкина „Сегодня прибыл в г. Самару капитан французской службы Бард, явился в главный штаб и от имени французского посла Нюланса и генерала Ляверна просил меня передать комитету следующее: Французский посол Нюланс и генерал Ляверн благодарят комитет Учредительного Собрания за ту громадную работу, которую сделал и делает комитет в интересах общесоюзнического дела и выражает уверенность, что союзники не замедлят оказать комитету самую существенную финансовую и материальную помощь .

П о с т а н о в и л и :

VI. Принять к сведению .

Больше я о сношениях с союзниками говорить не буду, тов. Луначарский коснулся очень много и осветил эту сторону весьма полно, но мимо одного факта я не могу пройти, ибо слишком он характерен для партии социалистов-революционеров вообще и для Комитета Учредительного Собрания в частности. Этот факт мы находим на странице журнала заседания Всероссийского Временного Правительства с Директорией от 11-го октября. Это, по-моему, весьма замечательная цитата: „По заслушании доклада Б. В. Савинкова о посылке в спешном порядке в Западную Европу особой миссии специального назначения в целях выяснения истинных намерений правительств Союзных Держав, постановлено: согласиться с означенным докладом и поручить Б. В. Савинкову организовать названную миссию“. Мы знаем, что Савинков изгой, что с ним не имеет ничего общего партия социалистов-революционеров, что на него пытались даже здесь свалить террористический акт покушения на товарища Ленина, именно потому, что за него не отвечают и,

конечно, партия, как таковая с ним ни в какие отношения не входит, но директория, где сидит член Центрального Комитета партии—Зензинов, она не только входит в сношения с Савинковым, но дать ему важнейшее поручение в этой директории—вести переговоры с союзниками, при помощи которых исключительно держались не только директория, но и Комитет Членов Учредительного Собрания, и все другие, создававшиеся эсерами власти. Эта важнейшая жизненная задача поручается именно Савинкову, а не кому другому, мимо этого факта я не считал возможным пройти, а он в судебном следствии оглашен не был.

На Самарском Комитете Учредительного Собрания и на Уфимской директории, которую я принужден был осветить довольно бегло, потому что в конце нельзя говорить неограниченное количество времени, мы можем видеть, как очень типичные образчики, все характерные особенности эсеровской диктатуры там, где она установилась. Архангельск в этом отношении является бледной копией Самары и только для полноты картины и только для того, чтобы не пропали те во многом драгоценные черточки, которые выяснились нам в процессе судебного следствия, стоит обратиться и к Архангельску. Мы легко можем установить там наличность всех тех самых черт, какие мы наблюдали в Самаре, во-первых, там мы имеем тот же основной фундаментальный факт, на котором строится все здание эсеровской диктатуры. Этот факт—союз с торгово-промышленниками. В стенограмме имеется диалог государственного обвинителя Крыленко и гражданина Лихача (диалог был основан на цитате из газеты „Возрождение Севера“), из которого выяснилось, что торгово-промышленные круги Архангельска собрали полтора миллиона на поддержку правительства Северной области, при чем в газете говорилось о том, что это дар, а гражданин Лихач доказывал, что это не дар, а заем. Это, в конце концов, все равно. Я обращаю внимание на то, что этот дар или заем, как угодно его называйте, во много раз превосходил те подачки, которые шли из союзнических органов. Отечественная буржуазия оказалась сразу гораздо щедрее. Из этого основного факта вытекают все дальнейшие последствия. Прежде всего то, что и в Архангельске, как и в Самаре, на второй или третий день существования эсеровского правительства был поставлен вопрос о восстановлении законных прав владельцев. Так как соответствующий документ оглашался на судебном следствии, то я его не воспроизвожу. Далее, из этого вытекали, конечно, те последствия для рабочих, с которыми мы встречались в Казани и Самаре, последствия, которые очень хорошо охарактеризованы гр. Лихачем. Правда, не в его объяснениях здесь, а в его докладе прави-

тельству Северной области, который тоже был оглашен на судебном следствии и который нет надобности повторять целиком. На заседании 6-го августа, то-есть, через четыре дня после переворота, Лихач, докладывая по Отделу Труда, указал на произвольные аресты рабочих, выселение профсоюзов, расчет членов фабрично-заводских комитетов, а равно на закрытие временной городской управой популярной в массах примирительной камеры, как на факты, создающие тревожную атмосферу в рабочих кругах. Торгово-промышленные друзья и тут действовали слишком грубо и слишком поспешно, не успели сесть, как следует даже на трехногом стуле, как сейчас же дали рабочим комитетам взапшей. Такая торопливость компрометировала эсеровское правительство, и гражданин Лихач, как заведующий Отделом Труда, должен был обратить внимание на этот печальный факт. Только одна черта как будто выгодно рисует нам Архангельское правительство по сравнению с Самарским, и в особенности с тем, что делалось в Казани. Гражданин Лихач приводил с большой, и, может быть, я говорю, может быть, с законной гордостью, что расстрелов в Архангельске было чрезвычайно мало, убили только одного какого-то комиссара, ну что же, один комиссар не в счет, но больше этого ничего не было. Но, увы, у этой добродетели есть своя обратная сторона, она выясняется тем документом, на который ссылался тов. Луначарский, который оглашался здесь 2 раза, — я повторять его не буду, — который свидетельствует о том, что Архангельское Правительство ни в чьих глазах и тем паче в глазах союзников, как настоящая власть, не признавалась, настоящим Правительством не было, и эта его слабость, может быть, и спасла его от всяких сильных действий, к каким, несомненно принадлежат действия террористические. В Самаре, в Казани — там были свои штыки, штыки группы полковника Галкина и штыки чехо-словаков и при помощи этих своих штыков можно было расстреливать, но в Архангельске были английские штыки, таким образом, само эсеровское правительство ничего тут делать не могло. Но, чтобы благодаря этому не получилось впечатление, что на севере это Архангельское правительство жило иначе, чем в других местностях, позвольте прочесть вам один маленький, но в своем трагизме чрезвычайно выразительный документ, относящийся, правда, я констатирую это еще раз, я констатировал это, когда приобщал документ к делу, к той эпохе, когда гражданин Лихач уже оставил Архангельск, так что это ни в коем случае уликой против него служить не может. Этот документ трагической простоты, конечно, один из многих. „Гражданину Чайковскому, председателю Архангельского правительства“. (Я привожу в переводе с английского, так как документ в оригинале написан на ан-

глийском языке). „Ссылаясь на Ваш разговор с генералом Нидгем сегодня утром, относительно казни 6-ти заключенных, при сем имею честь приложить вам копию письма, присланного Вам 4/XI—18 г. Просьба подтвердить получение сего.

(подпись) Бригадный Генерал Нидгем.

11/XI—18.

Перевод

Р. Е. (А) 53

6—11—18

Русскому Командующему Силами
Северной Области.

При сем прилагаю дело Военного Суда, заседавшего 25-го октября 1918 года, и удостоверение тюремных властей о приведении в исполнение приговора над:

1. Бывшим офицером Степаном Ларионовым.
2. Комиссаром Шарыгиным.
3. Георгиевским.
4. Комаровым.
5. Якомбчаком.
6. Джамчков.

Пожалуйста, примите меры, чтобы приговор, пожизненное заключение, над другими арестованными был приведен в исполнение.

(подпись) Е. Айронсайд.

Бригадный генерал,
Главкомандующий Экспедиционных Сил Северной России.

Я не знаю, что лучше, в конце концов, самому ли отдавать приказы о расстреле, или исполнять приказы о расстрелах, отдаваемые английским командованием, чья функция лучше. Функция палача в почете не была ни в одной стране, а это функция чисто палаческая. Люди убивают не тех, кого хотят, кого необходимо, по их мнению, убить, а убивают тех, кого находят нужным убивать англичане, в интересах поддержания своего господства. Но это удовлетворяет тем правилам и тем требованиям, которые были предъявлены Северным правительствам, именно, чтобы отдавались приказы не иначе, как через него, а уже его дело было—исполнять приказы английского командования неуклонно. В особенности Чайковский хвалит с этой стороны подписавшего эту бумагу, генерала, Айронсайда. Это был уже не Пуль, с которым имел дело гражданин Лихач, а его преемник Айронсайд, который был настолько корректен, что ни одного человека не пове-

сил, иначе, как через Северное правительство. Думаю, что после этого бредил кротости несколько, если не изменится, то во всяком случае в него войдут другие краски. Едва ли стоит останавливаться еще на других особенностях Архангельской политики, я и так говорил довольно долго и надо дать место другим обвинителям. Так что я на этом свою характеристику эсеровских правительств прекращаю.

Вы знаете, что эти опыты создания эсеровских правительств кончились крахом. Причины краха заключались, в этом не может быть никакого сомнения, в самом социальном базисе. В самом деле, нельзя же думать, что у этих толстосумов архангельских и самарских не было своих излюбленных людей, которых они могли бы посадить у власти, что они не могли посадить свои министерства, что они нуждались в каких-то заезжих гастролерах эсеровской партии. Ничего подобного, ясно, что у буржуазии было в запасе свое собственное правительство, но она не хотела рисковать и, как в старое время на кулачных боях, вперед посылали мальчишек, которые начинали драку, и которых потом отбрасывали в сторону довольно бесцеремонно, взрослые, когда драка разгоралась, так было и здесь, когда выброшенный вперед авангард, *enfants perdus*, сделал свое дело, открыто выступил против большевиков, его убирали и всюду под всеми широтами и долготами совершенно одинаково на место эсеровского правительства появлялась настоящая буржуазная классовая власть, которая ничего нового по существу в практику не вносила, ибо, как вы видели, ничего нового в практику внести было нельзя, нельзя было придумать. Можно было качественно действовать еще грубее, еще жестче, количественно можно было усиливать репрессии, но характера управления изменять не приходилось, ибо Управление социалистов-революционеров, когда оно действовало от имени самих социалистов-революционеров, уже носило все черты буржуазной реакции, восстанавливая старый порядок, вплоть до поповщины, если не до царизма. Эсеровские правительства падали, таким образом, одно за другим, и эсеры оказывались перед разбитым корытом. Казалось бы, этот опыт должен был бы во всяком случае отучить их, хотя бы от одного, от вступления впредь в открытую борьбу с Советской властью, пытаясь ее заменить, пытаясь на место Советского правительства поставить свое собственное правительство. Казалось бы хоть от этого они должны были отречься. Я должен сказать, что, повидимому, этот логический вывод намечался у большевиков, и большевики, в лице Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, в феврале 19 года, как будто шли навстречу этому стремлению социалистов-революционеров прекратить, по крайней мере, открытую борьбу. Но я должен сказать, что тут было колоссальное недоразумение.

Если мы возьмем постановление февральской конференции партии социалистов-революционеров, той конференции, на основании которой последовала, так называемая, амнистия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, амнистия, по поводу которой я позволю себе выразить сомнение, чтобы это могло быть названо амнистией, это едва-ли амнистия, а только временная легализация и не всей партии социалистов-революционеров, а только определенных групп, при определенных условиях... то мы там прочтем действительно решительный отказ от дальнейшей вооруженной борьбы: „Вместе с тем конференция решительно отвергает попытки свержения Советской власти путем вооруженной борьбы“. Это как будто совершенно ясно и четко. Но уже в письме Центрального Комитета ко всем партийным организациям от 5-го апреля того же года, через 2 месяца, мы читаем: „Отношение к большевистской власти: „Трудовая демократия, в частности партия социалистов-революционеров, перед лицом грозной опасности справа может приостанавливать борьбу, с оружием в руках против большевиков на то время, когда она не имеет достаточных сил для борьбы на два фронта“. Вместо четкого решительного отказа впредь от вооруженной борьбы с Советской властью, только возможное факультативное приостановление этой борьбы до.. оче видно, до появления физической возможности. И уже на 9-м совете партии мы читаем такое постановление: „партия остается на своих прежних позициях. Партия самостоятельно ведет свою борьбу и с реакцией и с большевизмом. Меры этой борьбы варьируются и будут варьироваться в зависимости от обстановки. В областях, захваченных реставрацией, сейчас применимы формы эпохи самодержавия. В коммунистическом царстве партия сейчас не может выступить вооруженно, как из-за отсутствия сил, так и вследствие натиска на большевизм реакции. Но там и тут она идет только под своими знаменами, и там и тут она отказывается выбирать между живыми мертвецами, мертвящими все живое и ни на какие компромиссы не пойдет“.

(Девятый совет партии и его резолюции. Париж. изд., стр. 29—30).

На первом месте—„из-за отсутствия сил“. Но мы с вами не можем прыгнуть на луну. Можно ли ставить это в преступление или считать это заслугой? Это не в силах человеческих, точно так же, как не в силах социалистов-революционеров было вести открытую борьбу, с Советской властью. Они не вели вооруженной борьбы. Но это не есть отказ. Отказом это было бы тогда, когда было бы сказано: я отказываюсь делать то, что я физически могу сделать, но нахожу вредным, нецелесообразным. Но, когда люди заявляют, что чего-нибудь физически они не могут сделать, то это не отказ. И, дей-

ствительно, проследив деятельность партии социалистов-революционеров за последнее время, мы увидим, что добровольного ютказа от борьбы против Советской власти всеми средствами она никогда не давала. Совершенно логично и правильно обвиняемые на суде заявили, что они и впредь будут продолжать эту борьбу. Таким образом, все, что я рассказываю о вооруженной борьбе социалистов-революционеров с Советской властью и о последствиях этой борьбы вовсе не есть история, нет, это живой процесс, который продолжается до сих пор. И если вы возьмете постановления сентябрьской конференции партии социалистов-революционеров, и возьмете те прения, которые там возникли, прения довольно острые, то вы там увидите, как всеми цветами радуги засияет та самая картина, которая была и перед созданием Комуча, когда Климушкин и компания строили в Самаре базу для будущего эсеровского правительства от имени Учредительного Собрания и в Архангельске в соответствующий момент, и где угодно. Разница только в том, что крупная открытая борьба, которая в 19-м году была все-таки возможна, теперь, в 20-м году, заменяется мелкими заговорщическими приемами, в конце концов, носящими характер не открытый, правда, но столь же насильственной, борьбы, имеющей конечной своей целью насильственное материальное низвержение большевиков, а не организацию масс путем агитации и пропаганды.

В прениях, например, один из представителей говорил (речь идет о Кубани): „После свержения большевиков мы призовем демократию. Нужна вера в ее силы. Для меня большевики хуже раздела России. В Красную Армию мы идем для ее разложения. Поэтому мы осудили прокламацию по польскому вопросу. Ошибка Керенского, что он не ввел смертной казни. Важно, во имя чего. Во имя свержения большевиков можно пойти с кем угодно, нечего соблюдать чистоту риз. Нужно принципиально решить о вооруженной борьбе, а формы ее выясним после“.

Другой представитель, „Гость“, предлагает все свои силы влить в Красную Армию и в ее командный состав. Призыв к активности следует оставить. Перевод на нелегальное положение может коснуться лишь верхов партии. Нужно часть товарищей послать на ответственные посты, чтобы в момент переворота быть у аппарата государственной власти“. Таким образом, предполагалось действовать всеми заговорщическими средствами, разлагать Красную Армию Конрадами, Валенродами и даже посылать их на командующие посты, чтобы они, в случае надобности, могли взять власть. Относительно этих Конрадов, Валенродов, кажется, обстоит дело довольно плохо. По крайней мере, в статье обвиняемого Утгофа о самарской и уфимской учредилке мы читаем такую

характеристику эсеровских государственных мужей: „Самарская эпопея показала, что у партии социалистов-революционеров нет достаточного числа людей, способных руководить деятельностью государства, в такой сложной и запутанной обстановке. Больше того, эсеры не могли дать достаточного числа деловых администраторов. Министры Самарского Комитета из членов Учредительного Собрания, именно, как министры, не пользовались особым фавором даже в среде своих товарищей. Среди военных специалистов не было ни одного настоящего эсера. Пути сообщения были доверены товарищу, не отличавшему рукоятки тормоза Вестингауза от вешалки для платья. Министром Народного Просвещения был Е. Е. Лазарев, преклонные годы которого делали его совершенно неспособным к административной работе“. Ну, такие Конрады Валенроды для Советской власти не особенно страшны. Едва ли у нас возможен в качестве Министра Путей Сообщения человек, вешающий свое пальто на рукоятку тормоза Вестингауза в уверенности, что для этого тормоз и предназначен. Нам нужны настоящие специалисты, и этих настоящих специалистов, очевидно, нет в рядах эсеровской партии. Но если нет, как говорит латинская пословица, силы, то есть желание, достойное похвалы. Есть желание напакостить Советской власти и этим путем внедрения своих людей в советские организации и путем разложения Красной Армии, при чем по поводу Красной Армии говорит большой специалист этого дела—Ф. Е. Махин. Это имеется в эсеровском издании „За Народ“, где мы находим весьма детально выработанные рецепты, где подробно рассказывается, как эсеры, или находящиеся под влиянием эсеровской пропаганды красноармейцы, должны образовывать ячейки, нечто в роде наших комячеек и эти ячейки должны спаиваться между собой в союзы, а эти союзы должны связываться с союзами крестьянскими, ведущими также активную борьбу против Советской власти. Таким образом, здесь мы имеем не одно только желание, а детально выработанный план. Мы видим, что и в 20 году борьба против Советской власти не прекращается. Она принимает только, я прошу извинения за это выражение, оно конечно не парламентское, более отвратительный характер чего-то ползущего и шипящего, как змея, жалящая в пяту, тогда как раньше были попытки ударить нас в голову. Эти попытки не удались, голова оказалась более крепкой и выше поставленной, чем это предполагали нападавшие на нас. И пришлось уподобиться змее, животному, как известно, мудрому, но не пользующемуся особенным почетом, и жалить в пятку.

Эта пята показала эсерам настоящей ахиллесовой пятой в тот момент, когда Россию постигло колоссальное несчастье в 21 году, неурожай и голод. То, что в это время

представляла из себя эсеровская партия, есть зрелище, столь возмутительное и отвратительное, что, я думаю, исторически никогда не будет лучшего средства дискредитировать партию социалистов-революционеров, чем процитировать статью за статьей то, что именно в эти ужасные месяцы писалось в их органах. В особенности усердствовала по поводу голода правая группа эсеров, участвовавшая в журнальчике „За Народ“, хотя не знаю, впрочем, правая ли это группа. Там есть статьи правых—Лебедева и Зензинова, но есть и неподписанные статьи, исходят ли они от правых, от центра и т. д. ? Само собой разумеется, что в русском голоде поэтому оказались виноватыми исключительно большевики, но любопытно, как эти темы о виновности большевиков в голоде и того, что отсюда следует, как они варьируются в зависимости от того, кем подписана статья. Возьмите воззвание партии социалистов-революционеров под заголовком „Голод в России“ в первом номере: „За Народ“. Я беру заключительную часть этого возвания „Долой преступную политику большевиков, мешающую действительной борьбе с голодом, усиливающую разруху и разорение. Таков должен быть лозунг“. И дальше идут все смертные грехи Советской власти. Тут и комиссары, и Отряды Особого назначения и Чрезвычайные Комиссии и закрепощение кооперации. Словом, длинейший, здоровеннейший обвинительный акт против большевистской власти. Вы думаете, что это заканчивается возгласом: „Долой большевиков“, так и должно быть, как же иначе? Люди наделали массу преступлений, в результате чего массы умирают с голода. Дальше рассказывается, что большевики и не станут бороться с голодом, что это им невыгодно, но оканчивается это совершенно невинным возванием: „Все (не на большевиков, ничего подобного), а „все на борьбу с голодом“. Зачем только „на борьбу с голодом“? А подписано: „Москва, Центральное Организационное Бюро партии социалистов-революционеров“. Писано в Москве—и совершенно легально. Никакого преступления нет. Конечно, критика большевистской власти немножко суровая, но заканчивается—все на борьбу с голодом, и больше ничего. Это же совершенно законный призыв, тут ничего дурного нет, и это написано Московским Центральным Бюро, написано в Москве. Но вот статья следующая: „Голод и большевизм“, она подписана В. Лебедевым. В ней говорятся невероятные вещи о преступлениях большевиков, сообщается такое, что даже сами большевики многие, вероятно, узнают впервые из этой статьи. Рассказывается, как большевики „гнали красноармейцев на Эстонию, Латвию, Польшу, Финляндию, Персию, Индию“ (!) и тому подобное. И заканчивается уже много определеннее; „Большевики довели нашу страну до голода, до полного разорения. Но их власть, если она продержится, угрожает России

еще большими бедствиями. В прошлом году был огромный недосев. А в этом году недосеяно будет гораздо больше. Это признают и большевики. При них невозможна ни действительная борьба с голодом внутри России, ни настоящая помощь Европы и Америки“. Это подписано Лебедевым, человеком, находящимся за пределами досягаемости. Это не Центральное Бюро, сидящее в Москве, а человек, сидящий не знаю где, в Праге, или еще дальше.

Затем дальше идет статья Зензинова, где уже прямо говорится, что, если не будет большевистского правительства, если в России будет власть демократическая,—мы знаем, какая демократическая власть, то тогда Европа и Америка наверное нам помогут, т.-е. прямое указание на необходимость свергнуть большевистскую власть. Это подписано В. Зензиновым, т.-е. именем человека, находящегося в еще большей отдаленности от границ Советской России. Полная физиономия раскрывается из 2-го номера „За Народ“. Там громовая передовая статья, которая раскрывает перед нами все пружины. Весь „За Народ“ посвящен одной задаче, именно литературной пропаганде самого беззащитного свойства, пропаганде экономического вмешательства, экономической интервенции Европы в русские дела при помощи комиссии знаменитого Нуланса. В этом все дело. Передовая статья 2-го номера „За Народ“, которую я не буду оглашать целиком, потому что она слишком длинна, если будут сомнения, то я могу ее огласить—она вся построена на том: большевики, отказавшиеся пустить комиссию Нуланса, осудили этим Россию на голодную смерть. И все вертится вокруг этого мотива. Таким образом, в этой борьбе с голодом эсеры являются верными слугами той же самой социальной силы, которой они служили и в предыдущее время, являются верными слугами той же самой буржуазии, при чем не только иностранной буржуазии, но и русской, так как тесная связь комиссии Нуланса с торгово-промышленными кругами, находящимися за границей, ни для кого не секрет и давно точным образом установлена. И тут они нашли того же самого мальчика, которого бросают вперед, которого заставляют выкидывать известные революционные лозунги, чтобы под их прикрытием проводить опять таки ту же самую реакционную сущность. Таким образом, эта постыдная роль партии социалистов-революционеров в голодной компании несколько не изменилась. Я должен прибавить, что именно на страницах этого же самого „За Народ“, где велась кампания в пользу Нуланса, напечатан подробный рецепт бывшего полковника Махина, как нужно взрывать изнутри Красную Армию. Нет ничего мудреного, что этим же духом проникнуты постановления 10-го совета партии социалистов-революционеров, который собрался, как раз этой же осенью 21 года и отра-

жает те же самые „голодные“ настроения партии социалистов-революционеров, если так можно выразиться. Чрезвычайно выразительно вступление к извещению о 10-м совете партии. Оно чрезвычайно выразительно по тому цинизму, я бы сказал, который в этом вступлении звучит. Оно начинается так: „Страшное время переживает Россия. Голод и мор охватили ее. Разрушена промышленность. Разорено сельское хозяйство. Замирает транспорт. Нет топлива. Останавливается добыча угля, нефти и металлических руд. Города перестали работать и умирают. Опустели поля больше чем трети России“. Пропустите то, что идет непосредственно дальше и перейдите к заключению: „Силой и бодростью веяло на совете. Чувствовалось, как выросла и окрепла партия, как уверенно идет она по своему пути“, как твердо решила бороться до конца за народные права, за Землю и Волю против большевиков и против реакционеров. И голос ее, раздающийся в объятый голодом и мором, закабаленной комиссарами и чекистами стране—«есть голос жизни». Вкратце можно резюмировать так: слава Богу, голод наконец пришел, можно наконец вздохнуть свободно, иметь некоторую надежду. Хотя бы с чисто литературной точки зрения можно было бы несколько приличнее высказать эту мысль, что в России люди стали умирать от голода и на этом партия социалистов-революционеров может зашибить себе кое-какую денюгу. Но X-й совет вообще отличается откровенностью, и я должен сказать, что тут помимо этого вступления, есть еще драгоценная вещь. Вот например, резолюция этого совета о задачах и методах партии социалистов-революционеров. Она начинается великолепным заявлением, что революция самым фактом своего пришествия ликвидирует частное помещичье землевладение. Это говорится, конечно, не об октябрьской революции, потому, что, само собой разумеется, октябрьская революция для эсеров не революция, октябрьская революция есть акт насилия, здесь говорится о февральской революции. Читайте: „Принимая во внимание, что земельная политика власти привела к тому, что: а) крестьянская масса для данного момента классово-дезорганизована—исчез непосредственный классовый противник землевладелец-помещик“.

Лучше этого вопля по помещику, который исчез, ничего нельзя было придумать тому, кто хотел бы обратить в карикатуру партийные директивы п. с.-р. Таким образом, вылетела самая выигрышная доска из платформы партии социалистов-революционеров, потому что раз нет помещика, то не от чего освободить крестьянина. Ему эсеры после этого не нужны. Вот что наделали большевики—теперь с.-р. вынуждены помещиков возвращать и тем дискредитировать себя в глазах крестьянства. Вот до чего довели окающие большевики!

Я не буду цитировать дальше документов, касающихся 10-го совета партии. Приведенные мною выдержки достаточно характерны, я спешу закончить. Я думаю, что та основная тема, основная теза, с которой я выступил, теза, заключающаяся в том, что партия, именующая себя партией социалистов, именующая себя партией революционеров,—не отвечает ни тому, ни другому названию, что эта теза может считаться доказанной. Что тут нет социализма, это вынуждены были признать сами обвиняемые в течение судебного следствия. В течение судебного следствия мы слышали несколько раз: „Да, мы вели сейчас не социалистическую политику, потому считали ее нецелесообразной“. Но если партия, называющая себя социалистической, завладев властью, начинает с того, что восстанавливает буржуазную политику, упраздненную предшествующим режимом, то я не знаю, чем в таком случае может она оправдать свое название социалистической партии. Тут были чрезвычайно наивные попытки сослаться на нашу новую экономическую политику. С тех пор, как эти жалкие попытки были пущены в ход, кончилась Генуя и прошла Гаага. Теперь весь мир знает, как большевики восстанавливают законные права прежних владельцев. Это знают все без исключения и все знают, что хотя нам необходима помощь, денежная помощь западно-европейских капиталистов, тем не менее никакого восстановления законных прав даже заграничных граждан, граждан чужих государств, государств несоциалистических, для которых не обязательна социалистическая точка зрения, нет и не будет. Тем паче не может быть речи о возвращении фабрик и тем более имений российским толстосумам и помещикам. Если у кого-нибудь в начале новой экономической политики и были такие мечты, то эти мечты уже должны были отцвести, не успевши расцвести. Самая большая роль, которая может быть предоставлена буржуазии, это допустить буржуазию, использовать ее в качестве спецуправляющих национализированных имуществ. Тут я должен сказать, что такое использование буржуа в качестве управляющих спецов никогда не отрицалось социалистическим прогнозом во всемирной литературе. Всегда указывали на то, что в отдельных случаях лояльную буржуазию, которая примкнет к революции, придется использовать раньше, чем вырастет армия спецов из рабочих, армия, которая, естественно, не может вырасти ни в один месяц, ни в один год. Это две вещи, совершенно различные. Итак, название социалистической партии эсеры, конечно, не заслуживают, и, само собой разумеется, что с тех пор, как они связали себя с гнуснейшей буржуазной реакцией и во имя этой буржуазной реакции отменяли, и подавляли даже буржуазные свободы, даже там, где они были и где они сами их раньше вводили, вводили только в первые

минуты, как приманку, они потеряли всякое право на название революционной партии. В старое время Плеханов говорил, что социализм социалистов-революционеров не революционен, а их революционность не социалистична. Теперь можно сказать, что их революционность не имеет ничего общего с революцией, а их социализм—пустое слово. Перед нами определенная партия буржуазной реакции, отличающаяся от других партий буржуазной реакции только тем, что это не есть подлинный отпрыск капиталистического класса, плоть от плоти, кость от кости, это не есть законно-признанный самой буржуазией вождь буржуазии, а своеобразный кондотьер, своеобразная наемная шпага буржуазии, которая предлагается буржуазии каждый раз, когда ей нужно бросить эту шпагу, в какое-нибудь грязное и нарочито опасное дело. Как только дело становится чистым, с буржуазной точки зрения, как только опасность прошла, по мнению буржуазии, так этого кондотьера рассчитывают. Вот милый человек, тебе подачка, или вовсе без подачки, ты нам не нужен, ступай прогуляйся до следующего случая, когда нам понадобится, мы тебя позовем. Вот до какого положения дошла эта партия, которая социалистической никогда не была, за 20 лет своего существования, а революционной была до 17 года. И вот я, в качестве марксиста, заканчивая свою речь, не требую какой-нибудь кары по отношению к отдельным деятелям этой партии, повторяю, установление индивидуальной ответственности не входит в программу моей речи, но обращаюсь с просьбой к Верховному Трибуналу удовлетворить одному требованию марксизма—высказать то, что есть.

Верховный Трибунал должен сказать, что эти люди, сидящие перед нами, не есть какая-нибудь революционно-социалистическая партия, а это есть обычная буржуазно-реакционная партия, отличающаяся от других буржуазно-реакционных партий, скажем от кадетов, только и преимущественно отсутствием у нее настоящей социальной базы и в связи с этим меньшей искренностью и большим лицемерием. Никакого другого отличия нет. Я на этом настаиваю потому, что сейчас ведется кампания по всему земному шару, что судят социалистов, а изменники коммунизма, в роде Пауля Леви на этом основании утверждают, будто бы в России наступило царство буржуазии и теперь говорят они, очевидно и ясно, что коммунистическая партия опирается не на пролетариат, посмотрите, как там увеличились процессы против социалистов. Так вот мы должны твердо и ясно сказать, что здесь нет социалистов, здесь есть только буржуазные заговорщики, и к ним должно быть применено то право, которое для такой породы людей существует в Советской Республике.

Речь представителя Коминтерна и члена Чехо-Словацкой Коммунистической Партии тов. М у н а.

Я принимаю участие в настоящем процессе, выступая с обвинением от имени 3 Интернационала и, кроме того, я выступаю, как обвинитель от Коммунистической Партии Чехо-Словакии, которая является выразительницей воли огромного большинства пролетариата Чехо-Словакии.

Если революционный пролетариат Западной Европы имеет право выступать в этом процессе, как обвинитель, то в первую голову необходимо признать это право за революционным пролетариатом Чехо-Словакии, потому что под влиянием партии социалистов-революционеров чехо-словацкие легионы нанесли глубокие раны русской революции. Они были ядром, вокруг которого сгруппировалась вся русская контр-революция, потому что под влиянием контр-революционного выступления чехо-словацких легионеров на известное время была внесена сумятица, которой воспользовалась чехо-словацкая буржуазия к укреплению своих позиций, уже трещавших тогда под напором чехо-словацкого пролетариата. Результатом этого явился тормаз революционного движения Чехо-Словакии и всей Средней Европы. Поэтому обвиняемые провинились своими действиями не только перед пролетарской революцией в России, но и нанесли тяжелый удар развитию всемирной пролетарской революции.

Я состою членом Чехо-Словацкой Коммунистической Партии. В 1917 и в 1918 годах я находился в России в качестве военнопленного и принимал активное участие в социальной революции в России. К этому времени как раз и относится образование контр-революционного фронта чехо-словаков.

Вернувшись в декабре 1918 года в Чехо-Словакию, я имел возможность узнать обо всем том, что за время всей борьбы против Советов сделали и описали возвращавшиеся тем временем постепенно из Сибири чехо-словацкие легионеры. Ныне в течение настоящего процесса, я ознакомился с материалом, как письменным, так и свидетельским, который пополняет все то, что мне удалось установить в отношении чехо-словаков за время моего пребывания в России и то, что я сам слышал от них по возвращении в Чехо-Словакию и что создает окончательную общую картину.

После того, что установлено было в течение настоящего процесса, не может быть сомнений в существовании связи партии социалистов-революционеров с чехо-словацким выступлением против Советской власти, равно как и связи партии социалистов-революционеров с Антантой. Не может быть сомнения в том, что как в деле связи с Антантой, так и в отношениях с чехо-словаками руководители правых социалистов-революционеров служили исключительно интересам контр-революции. Из доказательств, предложенных Трибуналу, я в особенности придаю значение тому, что сообщено было здесь из содержания книги чехо-словацкого майора Кратохвиля. И его сообщение я считаю чрезвычайно важным потому, что и для самого подозрительного противника коммунизма в данном случае должно быть вне всякого сомнения отсутствие всякой тенденциозности. Кратохвиль не коммунист и не рабочий, он, наоборот, является представителем интеллигенции; участвовал во всех боях чехо-словацкой армии—в Сибири—против Красной армии и не в качестве простого солдата, но в качестве офицера. Теперь же он занимает в Чехо-Словакии официальную государственную должность. Когда он писал свою книгу, он ни в коем случае не мог предвидеть, что она будет использована в качестве материала перед настоящим судом. Следовательно, на лицо имеются все предпосылки того, что Кратохвиль скорее склонен был рассматривать события в освещении благоприятном для партии социалистов-революционеров. Но, тем не менее, его книга является тяжелым свидетельством против партии социалистов-революционеров. Из этого вытекает, что мы можем его считать в общем и целом свидетелем беспристрастным.

Какие общие выводы могут быть сделаны из тех выдержек, которые здесь—на суде—были прочитаны из книги Кратохвиля и из тех выдержек, которые содержатся в брошюрах тов. Шмерала, приобщенной к судебным документам.

Прежде всего, напрашивается тот вывод, что без активного содействия партии правых эс-еров вообще и чехо-словацкой контр-революции в частности, гражданская война не приняла бы такие ужасные формы, какие революция должна была впоследствии принять в целях самозащиты. Даже чехо-словацкий офицер, боровшийся против Красной армии по ту сторону фронта, ясно это сознал. Он определенно пишет (стр. 123 книги Кратохвиля), что под напором огромных народных масс столпы старого порядка: царизм и буржуазия были сметены. Реакция, разбитая в прах, не посмела дать знать о своем существовании. Он пишет буквально следующее: „Застрельщиком контр-революции выступающим с открытым забралом могла быть только оппозиция. в недрах

самого революционного лагеря. И эту борьбу начинала партия социалистов-революционеров“.

У Кратохвиля, познакоившегося с эсерами в Сибири и в России, создалось о них впечатление, как об интеллигентах, озлобленных по той причине, что их прошлая революционная работа не была вознаграждена в настоящую революционную эпоху предоставлением им государственной власти. Вследствие того, что они не рискнули пойти с пробудившимся стихийным течением революции до его конечных целей, они потеряли контакт с массами. Отсутствие революционного мужества обусловило то, что они остановились на требовании Учредительного Собрания и на буржуазно-демократическом фазисе в развитии революции и противопоставили себя революционному течению, продолжавшему свой путь дальше к пролетарской диктатуре. Вместо того, чтобы осознать свою слабость и не ставить препятствий исторической необходимости, они ставили выше свое честолюбие и властолюбие, добиваясь установления контакта со всеми врагами Советов при помощи всех средств. При помощи иностранного капитала и оружия и при помощи индивидуального террора они организовали против Советской власти и ее представителей борьбу не на жизнь, а на смерть.

Во-вторых, книга чехо-словацкого офицера доказывает, что равным образом как заправили чехо-словаков в отношении своей армии, так и руководители эсеров в отношении своей партии, сделали ее орудием Антанты, лишь бы достигнуть намеченной цели свержения Советского правительства путем насилия и военной интервенции. Ненависть вождей соц.-революционеров к большевикам, вызванная причинами, относительно ничтожными, как-то: честолюбием, стремлением к политическому господству — сделалась в такой степени фанатичной, что они могли не только помогать капитализму в его борьбе против Советской власти, но и подчинить всю Россию игу колониального рабства капиталистических держав. Из заявлений и вопросов, сделанных обвиняемыми в течение настоящего процесса, обнаруживается их план, при помощи которого они намереваются вести свою защиту в этом направлении. И сегодня, после Версальского мира, после того, как всем стали известны поступки чехо-словаков в Сибири и их связь с Антантой, они здесь защищают ту точку зрения, что Антанта и чехо-словаки боролись за возвышенные идеи „демократии“, „прогресса“ и „принципы национального самоопределения“. Подобные вещи было возможно говорить наивным людям, и наивные люди могли временно этому поверить. Но обвиняемые вожди партии соц.-революционеров — Гоц, Гендельман и др. — люди слишком интеллигентные, чтобы можно было допускать незнания с их стороны настоящей сущности империализма Антанты. С са-

мого начала они должны были знать, что Антанта заинтересована только в одном, а именно — в насильственном низвержении русской пролетарской революции, в военном поражении Советского правительства, да и в том, чтобы в России вместо правительства рабочих и крестьян установлена была такая правительственная система, которая была бы приемлема для буржуазии Западной Европы, отдавая Россию на грабеж мирового капитала. С самого начала целью Антанты было восстановление контр-революционного режима. Все разговоры о „народных идеалах, о демократии“, о „защите против Германии“ явились пустой фразой, долженствующей прикрыть собой эту действительную контр-революционную цель. Все это можно ясно вывести из развития событий. Еще не было Брест-Литовского мира, еще не было ни малейшего предложения для того, чтобы можно было лгать о том, что „большевики поддерживают немцев“, а мы уже видим, как Антанта лихорадочно работает над созданием контр-революционного большевистского фронта, в котором должны быть объединены самые разнородные элементы, начиная с соц.-революционеров и кончая царскими генералами и чехо-словаками. Мы слышали о том, что после своего возвращения на родину писал о секретном совещании в Яссах и Румынии чехо-словацкий офицер Черженский. Важно отметить число дня этого совещания: не после Брест-Литовского мира, но во второй половине ноября 1917 года.

Следовательно, в ноябре 1917 года имело место совещание представителей Антанты, „русского“ (контр-революционного) и румынского верховного командования, на котором обсуждалась вооруженная интервенция против Советской России. Уже тогда, в ноябре 1917 года обнаруживается явственное стремление сделать из чехо-словаков орудие борьбы отнюдь не против немцев, но против Октябрьской революции. Дальнейшие переговоры в этом направлении вел генерал Бертеле, и в половине февраля 1918 года, согласно заявления Черженского, начальник французской военной миссии в Кишиневе генерал Буломин, ссылаясь прямо на „принадлежность чехо-словацких войск к французской армии“.

Уже в ноябре 1917 года в России образовался при помощи представителя Антанты, под вывеской партии кадетов, контр-революционный фронт под предводительством генерала Алексеева. И на этом фронте были чехо-словацкие части, организованные известными реакционерами Кралом и Пемечком. В руки Советского правительства попало вместе с курьером компрометирующее письмо генерала Алексеева, в котором он обращался к французской миссии с просьбой о посредничестве перед проф. Масариком для того, чтобы чехо-словацкая армия или же хотя-бы часть ее была перевезена на Дон. Крал организовал на Дону, непосредственно после

Октябрьской революции, на французские деньги, предлагая значительные суммы, чехо-словацкие „легионы“. И он не организовал их против немцев. Наоборот, когда немцы заняли Украину, то у него с ними установились вполне добрососедские отношения и даже в так называемой „Астраханской армии“ он руководил организацией чехо-словацких „легионов“, в непосредственном контакте с немцами. Его единственной, настоящей целью было то же, что и у Антанты — борьба против революционной Москвы. Следующее обстоятельство свидетельствует о том, что в данное время у чехо-словаков не было ни малейшего повода для выступления против Советов в силу национальных соображений и, что их борьба против Советов вызвана была исключительно благодаря чужим влияниям: свидетель т. Шмераль приводит выдержки из книг Кратохвиля, свидетельствующие о том, что Советское правительство относилось к чехо-словацким воинским частям, находящимся на территории, где распространялось его влияние, вполне дружески. До тех пор, пока Украина находилась под властью большевиков, положение чехо-словаков, согласно утверждения того же самого Кратохвиля, было, несомненно, лучше, чем под властью украинской рады. Главнокомандующий Крыленко оказался чрезвычайно великодушным: был отдан приказ снабжать чехо-словацкую армию всем необходимым и поддерживать порядок в тех местах, где она находилась. И единый фронт с немецкой империалистической армией поддерживали не большевики, но „патриотическая“ буржуазная украинская рада, которая пригласила против большевиков и чехо-словаков, снокойно намеривавшихся зимовать на Украине и формировать свои части, немецкие и австрийские войска, чтобы при их помощи защищать свои классовые интересы.

Когда же в феврале 1918 г. немцы стояли под Киевом, угрожая одинаково как большевикам, так и чехо-словакам, создавались автоматические предпосылки для образования общего фронта обороны против наступающей немецкой империалистической армии. Характерной для тогдашнего отношения Советского правительства к чехо-словакам является „телеграмма“ главнокомандующего советскими войсками на юге России Антонова-Овсеенко. Эта телеграмма была попыткой предотвратить те великие подлоги, которых было так много совершено капиталистическим миром в течение мировой войны, ту систему лжи и обмана, при помощи которой чехо-словацкие солдаты, в огромном своем большинстве рабочие, сделались жертвами обмана и среди них вызваны были такие настроения и представления, что после известного „челябинского инцидента“ 14 мая 1918 года они могли сделаться в течение долгих месяцев орудием фактической ожесточенной борьбы против пролетарской революции, против

Советской России. При допросе свидетеля т. Шмералья одним из обвиняемых ему был поставлен вопрос, известно ли ему о „Телеграмме Троцкого“. Нужно полагать, что он имел в виду приказ Троцкого за № 377 от 25 мая, в котором Троцкий приказывал Советам на жел. дороге от Пензы до Омска „разоружить чехо-словаков“. Этот приказ приводится в странах Антанты и у нас в Чехо-Словакии со стороны буржуазии, как причина восстания против Советов, и обвиняемые памереваются, вероятно, и здесь использовать этот аргумент буржуазного происхождения. Но при помощи целого ряда фактов можно доказать противоположное, а именно: что приводимый приказ не был причиной, но следствием начавшегося уже контр-революционного выступления чехо-словацких частей. Мы имеем ряд фактов, свидетельствующих о том, что приказ Троцкого не явился причиной, но следствием активного контр-революционного отношения руководящих кругов чехо-словацких войск. Начиная с февраля 1918 года, можно наблюдать, как на чехо-словаков оказывается систематическое влияние с целью восстановления их против Советов. Уже в январе распространяются среди них тенденциозные слухи о том, что Советское правительство будет выдавать всех военно-пленных чехо-словацких добровольцев в руки австрийской юстиции. Существование этих слухов подтверждается статьей в официальном органе чехо-словацких руководящих кругов (в чехо-словацком „Деннике“), в которой руководители чехо-словацкой армии находят необходимым опровергнуть эти слухи, принявшие такие размеры, что они мешали набору военно-пленных в чехо-словацкую армию. В период наступления немцев на Украину является чрезвычайно характерным соглашение, заключенное вождями чехо-словаков с немцами у киевского цепного жел.-дорожного моста. Чехо-словацкое командование приостановило там враждебные действия против немцев и только случайно, без ведома ответственных вождей, 6-й чехо-словацкий полк, сообща с неорганизованными большевистскими частями, участвовал в защите жел.-дорожн. узла у Бахмача. После этого чешские части быстро отступают во внутреннюю Россию и на восток. У простых солдат продолжает оставаться впечатление дружеских отношений с Советами. Уход из Украины происходит с разрешения Советского правительства с оружием в руках. Чехо-словацкие солдаты читают сердечную телеграмму, посланную им Антоновым-Овсеенко от 16 марта. Совет Народных Комиссаров официально соглашается на то, что, конечно, целью движения чехо-словаков является Владивосток и официально приказывает Советам оказывать поддержку чехо-словакам, как организованному целому, на протяжении всей дороги. 28 марта секретарь отдела Чехо-Словацкого Национального Совета Клецанда

телеграфировал в армию: „Троцкий отдал приказ всем дорогам оказывать содействие нашему транспорту“. В отношении вооружения заключено с Советским правительством соглашение, согласно которого при каждом транспорте остается для охраны 168 винтовок и 1 пулемет, остальное же вооружение должно быть возвращено его настоящему собственнику, — русскому государству, — оказывающему поддержку чехо-словакам в их пути во Владивосток. Таково было положение чехо-словацких войск, отступающих в направлении Владивостока, когда они вступили на почву Сибири. Нечего отрицать тот факт, что отдельные Сибирские Советы, познакомившись уже на практике с отношением Японии и Франции к русской революции и находящиеся в борьбе с Семеновым, смотрели на чехо-словаков, как на часть французской армии, против пропуска которой на восток, через Сибирь, они протестовали. Но в подобных случаях вмешивается авторитет центрального Советского правительства. Благодаря его влиянию даже Сибирские Совдепы относятся к чехо-словакам дружелюбно, доказательством чего может служить приведенное в брошюре Шмерала сообщение о праздновании 1 мая 1918 г. в Барабинске. Но в это время уже начинают действовать подпольные силы. Считаю необходимым повторить здесь выдержку из книги майора Кратохвили (стр. 51), приводившуюся уже здесь на суде: „В той же Сибири, кроме официальной Советской России жила еще, понятно скрытно, бывшая официальная Россия в лице военных и политических генералов, которых революционное течение оторвало от войска или масс. По естественной людской психологии они никогда не могли помириться с обществом, в котором не играли сами же своей старой роли. Естественно, что они обращали свой взгляд к чехо-словацкой армии, приветствуя и раздувая каждый конфликт между ней и Советами, ревниво препятствуя каждому сближению с Советами. В это время, при понятной невозможности вырвать от победоносной революции центр государства, начал в бою с ней проводится лозунг: окружить революцию с окраин, т.-е. от портов, главным образом, в надежде на помощь извне — от союзников. На юге и востоке русского государства было при помощи Франции и Японии положено этому начало. Поэтому на Восток к Хорвату и Семенову в поисках средств для существования направлялось целое течение бывших офицеров, очутившихся в России без занятий. Кроме того, широкая и богатая Сибирь, прожившая без большого ущерба революционную бурю, дала приют и прикрытие всем «бывшим людям». Сибирская магистраль являлась им всем дорогой к открытым дверям из России. Это тяготение на восток было настолько большим, что Советское Правительство, наконец запретило всем сомнительным элементам, в первую голову офицерам, путешество-

вать восточнее Красноярска. Последние, следующие без средств из России в Сибирь, находили очень часто уют и бесплатную езду в наших поездах, направляющихся как и они, на восток. Это, в общем, было больше простое сожаление к страдающим людям (в чешском понятии: к „русским славянским патриотам“), чем сознательная поддержка русской контр-революции, но эта связь не могла остаться без определенных последствий. Осведомленные отсюда о нашем настроении русские офицеры, которыми была переполнена Западная Сибирь, как представители „русской интеллигенции“, подыскивали связь для своей тайной организации и возбуждали и поддерживали в нас недоверие к Советской власти. Уже давно, до выступления на станциях, где мы задерживались на большое время — (что позднее Советский делегат в Челябинске объяснил техническими недочетами и саботажем именно „русской интеллигенции“) — уговаривали нас к насильственному выступлению, уверяя, что Советы нас боятся, что если мы выступим с винтовкой в руках, они не только ускорят наш отъезд, но и дадут денег. (Челябинск). От офицеров часто в вагонах чехословацких поездов принимались донесения; они играли для нас роль шпионов. Позже, перед самым выступлением, они своей помощью содействовали удачным действиям, т. к. доставляли планы городов, размещения гарнизонов и т. д. Развитие событий идет быстрым темпом к решительному повороту. Первого мая еще полнейшее спокойствие, дружественное отношение к Советам (Барабинск). 14 мая имеет уже место Челябинский инцидент, и вслед затем через неделю контр-революционный переворот Гайды. Какие силы принимали во всем этом участие? При чьей помощи готовились эти события?

В это время в Сибири не было никаких крупных организационных сил. Даже „Чехо-Словацкий Денник“ получил 24 апреля из Омска следующее сообщение: „Войсковых частей здесь нет. И это относится ко всей Сибири. Партизанских частей и интернационалистов наберется во всей Сибири около одного батальона. Начинается формирование Красной армии. Не хватает ни вооружения, ни одежды“.

Из этого ясно видно, что тогда не угрожала никакая действительная опасность ни со стороны Красной армии, ни со стороны международных большевистских частей. Слухи, распространяемые по этому поводу среди чехо-словаков, имели определенную цель и являлись явным обманом. Правда, коммунистические части в Пензе желали, чтобы чехо-словаки остались в России и объединились с большевиками, но в виду положения Советского правительства, не чинили препятствий к отъезду во Владивосток. Не со стороны большевиков, не со стороны чешских коммунистов, но со стороны чехо-сло-

вацкого командования появляются вдруг странные признаки надвигающихся таинственных событий. Первого апреля 1918 г. появляется вдруг в официальном „Чехо-Словацком Деннике“ статья, вдохновленная ответственными руководящими кругами чехо-словаков, в который не в первый раз, хотя и в отрицательном смысле, говорится о контр-революции: „Перелуганное население начинает поговаривать о надвигающейся контр-революции. Совершенно напрасно: чехо-словацкая армия никогда не повернет оружия против своих русских братьев. Мы являемся слишком сознательным и честным народом, который не может не выполнить данного им слова“. Но напряжение и предчувствие контр-революции усиливается. 16 апреля „Чехо-Словацкий Денник“ принес следующее сообщение: „На Востоке выступают японцы. Всякое жел. дорожное движение на Восток приостановлено“. Это сообщение от 10 апреля. Оно должно содействовать созданию настроения благоприятного для изменения маршрута вместо на Восток, — обратно в Москву и выдает соответствующие намерения чехо-словацкого командования. Когда же, по техническим причинам, поезда где-нибудь застревают, буржуазные офицеры убеждают солдат, что Советы умышленно их задерживают и вызывают отдельные случаи сопротивления некоторых частей.

Даже Масарик вынужден был 28 апреля обратиться к армии со следующим воззванием: „Вновь вас призываем поступить корректно и миролюбиво. Вы должны сознавать, что вы иностранцы и требуете услуг, которые современная Россия не может предоставить огромному большинству своих граждан, т. е. проезда по жел. дороге на огромное расстояние, проезда относительно удобного, с сытым желудком“.

В этом положении, как удар электрической искры, подействовало сообщение о том, что заключен был договор о частичной перемене транспортных диспозиций. Все поезда, находящиеся на восток от Омска должны продолжать свой путь по направлению к Владивостоку. Поезда, находящиеся на запад от Омска, — должны быть отправлены на французский фронт или же через Мурман, или через Архангельск. От солдатских масс было умышленно скрыто то обстоятельство, что эта перемена произошла по желанию Антанты, вследствие персонального вмешательства и давления французских представителей, указавших на то, что через Мурман и Архангельск была уже раньше отправлена на французский фронт сербская дивизия и что договор этот был заключен между чешским командованием — с одной стороны, и Троцким — с другой.

В конце судебного следствия обвиняемые пытались доказать, что как будто-бы Советское правительство намеревалось воспрепятствовать передвижению чехо-словаков на

Владивосток и как-будто бы приказ Троцкого об изменении направления на Архангельск был издан с этой целью.

Я констатирую противное, опираясь, главным образом, на письмо д-ра Старка, оглашенное здесь трибуналом и устанавливаю, что мысль о передвижении чехо-словацких частей на Архангельск возникла не у Советского правительства, а у представителей Антанты, находящихся в России, и что Советское правительство просто-напросто согласилось на их предложение.

В тот момент, когда представители Антанты предлагали Советскому правительству изменить направление на Архангельск, в это же самое время агенты Антанты вели провокационную агитацию в чехо-словацких частях (как видно из письма б. поручика, ныне генерала чехо-словацкой армии Сирови) против направления на Архангельск и за Владивосток указывая, что изменение маршрута тайно обусловлено соглашением Советского правительства с графом Мирбахом с целью потопления чехо-словацких частей германскими подводными лодками в Северном Ледовитом Океане.

Что изменение маршрута на Архангельск было желанием представителей Антанты, подтверждается также и в письме д-ра Старка, а полковник Войцеховский и Сыровой намекают уже 12 мая на то, что чехо-словаки силой пробьются во Владивосток.

Сопоставляя этот факт с показаниями Паскаля и Репэ маршана, можно точно установить, что зачинщиками этого грязного дела были опять таки „благородные“ представители Антанты во главе с Нулансом.

Таким образом, создалось настроение, которое явилось предпосылкой челябинского инцидента от 14 мая, вызванного непосредственно незначительным столкновением на вокзале, за которым последовало разоружение Красной армии в Челябинске.

Все это, после тщетных и настойчивых переговоров, имело своим следствием крайнюю тревогу и растущее недоверие со стороны центрального Советского правительства в Москве.

По всей линии следования чехо-словацких эшелонов распространяются с молниеносной быстротой фактически преувеличенные сообщения, следствием которых является возмущение находящихся на Западе эшелонов против приказа о перемене маршрута на Архангельск, и солдаты выносят решение о том, что они поедут во Владивосток „на собственный страх и риск“, т.-е., что все препятствия, чинимые им Советами, выполняющими декреты центрального московского правительства, будут преодолены путем насилия и допускается даже возможность государственного переворота.

Только в этот момент, 25 мая, 11 дней спустя после Челябинска, появляется известный приказ Троцкого о разоружении. И, спустя несколько дней, следуют быстро одно за другим следующие события:

Вечером 25 мая Гайда захватывает Ново-Николаевск, арестовывает Совет, ставит у власти заранее подготовленное временное сибирское правительство, которому от имени чехо-словаков обещает поддержку.

Таким образом, уже 25 мая, вследствие вышеуказанных действий Гайды, был осуществлен при помощи чешских штыков в Сибири государственный переворот и началась война с Советской Россией.

В тот же самый день одновременно произошло восстание около Марионовки, возле Омска и около Иркутска. 28 мая по приказу Гайды чехо-словаки занимают Нижне-Удинск.

В этих боях принимали уже участие белогвардейцы и из этого обстоятельства можно сделать вывод, что как политический переворот, так и содействие белой гвардии, было заранее подготовлено.

29 мая произошел переворот в Пензе (убийство чешских коммунистов) и в начале июня к сибирскому противобольшевистскому лагерю присоединяется Самара.

Все эти события должны были быть непременно подготовлены. Масса чехо-словацких солдат, втравленных в первое столкновение 25 мая, не имела ни малейшего понятия о связи событий и о том, что дело идет о контр-революционном государственном перевороте. Каким образом готовились эти события? Кто участвовал в их подготовке?

В этом отношении судебное разбирательство выявило серьезные улики против партии эсеров. Привожу некоторые из них: было установлено, что Гайда в своих „мемуарах“ признает тот факт, что еще задолго до выступления он вел переговоры с русскими контр-революционными организациями. Сообща с капитаном Кадлецом „уже раньше разработаны были различные вопросы о том, каким образом установить контакт на тот случай, если чехо-словаки вынуждены будут нарушить свой нейтралитет“. У них имелся свой шифр, условные сигналы и т. п.

Майор Кратохвиль, в приводимой здесь выдержке из его книги (стр. 120), говорит о том, что с. р. Борис Марков — председатель Сибирского Комуча — утверждал, что за несколько дней до выступления, он получил телеграмму от Гайды, содержащую лаконическое сообщение о том, что 25 мая чехо-словаки выступают против Советского правительства и предлагают группе с. р. присоединиться.

Это предложение (как видно из приведенных Кратохвилем слов Маркова) не было отвергнуто.

Из той же книги чехо-словацкого офицера Кратохвила мы узнаем интересные подробности о сношении чехо-словаков с эсерами. В их руках паходятся кооперативы, снабжающие чешские эшелоны. Таким образом, они завязывают сношения с чешскими офицерами, которых, в свою очередь, сводят с тайными офицерскими русскими организациями, которые заменяли с. р.-ам отошедшие от них народные массы.

Устанавливается контакт с контр-революционным Алексеевским, впоследствии Деникинским, фронтом на Дону и сибирской контр-революцией. „Сибирская автономия“ является тем, на первый взгляд невинным, лозунгом контр-революции, который, благодаря своей распывчатости, может объединить против большевиков всех, начиная с с. р. и кончая монархистами.

Характеризуя „директорию“ в Уфе, майор Кратохвилл выдает секрет (стр. 20), что „постороннее влияние“, т.-е. Антанта, настаивало на коалиции кадетов с эсерами, далее, (стр. 209), что сибирское правительство может держаться у власти, набирать рекрутов и т. п. лишь благодаря помощи чехо-словацких штыков.

Если принять во внимание социальный состав чехо-словацкой армии, их перспективы после возвращения домой, мы сможем представить себе, какое влияние могла оказать на них партия с названием и традицией с. р.

Контр-революционную связь партий с. р. с чехо-словаками можно установить не только из показаний майора Кратохвила, но и из показаний свидетелей, выступавших в этом процессе, так, например, Шаскаля, Ренэ Маршана, Майского и Дворжеца.

Я хочу остановиться на показаниях свидетеля Дворжеца, который точно установил, что после захвата Пензы чехо-словаками, партия с. р. выслала к чехо-словакам своего представителя Брушвита, чтобы помочь эсерам свергнуть власть Советов.

Из показания этого свидетеля мы видим, что чехо-словаки намеревались оставаться в Самаре только 3 дня, но под давлением с. р. они остались в Самаре и только благодаря чехо-словацким штыкам партия с. р. могла временно образовывать власть Комуча и произвести жестокую расправу с рабочими и крестьянами и, таким образом, подготовить почву для Колчаковщины.

Подводя итоги этим вопросам, мною затронутым, я устанавливаю следующее: процесс показал ряд преступлений, совершенных партией с. р. против русской и против всемирной революции.

Партия с. р.—партия мелко-буржуазная. С самого начала русской революции она выступает как контр-революционный фактор. Партия с. р. выступает под маской революции и при-

сваивает себе звание социалистов, чем она обманула не только русских рабочих и крестьян, но и пролетариат Западной Европы, в особенности чехо-словацких легионеров.

Партия с. р. играла на социал-патриотических чувствах чехо-словацких легионеров, она воспользовалась их антигерманским настроением, изображая им Советскую власть, как власть германских шпионов и агентов германского империализма, она заставила их восстать против Советов и начать ожесточенную гражданскую войну, принявшую благодаря чехо-словацким штыкам огромные размеры.

Следовательно, партия с. р. при помощи чехо-словаков является ядром, вокруг которого группируется вся русская контр-революция. Вследствие этого партия с. р. несет полную ответственность за все жертвы гражданской войны: за кровь рабочих и крестьян, за кровь красноармейцев, пролитую на всех фронтах гражданской войны.

Контр-революционным выступлением партии с. р. воспользовались также и социал-патриоты западно-европейских государств, тормозя развитие всемирной революции, только благодаря этому удалось западно-европейской буржуазии укрепить расшатанный капиталистический строй.

Преступление партии с. р. ясно. Я не буду ссылаться на какую-нибудь статью закона для их наказания, ибо рабочий класс России и революционный пролетариат Европы, проснувшись от обмана партии с. р., уже вынесли свой приговор, не дожидаясь приговора Верховного Революционного Трибунала.

Приговор революционного пролетариата гласит: „Полная политическая смерть партии с. р.“, Каким бы ни был приговор Верховного Трибунала, он не может быть так строг, как приговор революционного пролетариата всего мира, который есть налицо.

Партия с. р. своими действиями вырыла себе глубокую могилу, международный пролетариат своим приговором столкнул ее в могилу, а Верховному Трибуналу остается лишь вбить осиновый кол в эту могилу контр-революционной партии социалистов-революционеров.

Речь представителя Коммунистического Интернационала, члена Венгерской Коммунистической Партии т. БОКАНИ.

Верховный Революционный Трибунал!

Российский Революционный Трибунал является воплощением воли не только одного русского пролетариата. Он также частично представляет собой правовое сознание и совесть мирового пролетариата.

Да, пропитанная революционной кровью, эта почва России тесно связана с освободительной борьбой всего современного пролетариата. Подобно тому как предшествовавшие революции в Нидерландах, Англии, Соединенных Штатах и во Франции были прообразами буржуазных революций,—Россия являет собою прообраз революции—пролетарской.—И с полным правом.

В разгаре жестокой мировой войны, после неудачной попытки 2-го Интернационала в Стокгольме и Вене, смелый и героический пролетариат России проложил для пролетариата всего мира новый правильный путь. Он совершил три исторических деяния: во-первых, он ликвидировал мировую бойню капиталистов; во-вторых, подавил феодально-буржуазную реакцию, которая сумела сыграть свою ужасную роль во время французской революции и в 48-ом году; в-третьих, русский пролетариат положил начало власти нового класса, призванного историей для переустройства всего общественного порядка.

Все это могло иметь место только, благодаря применению самых смелых революционных методов. И именно поэтому, я убежден: ни один революционно-мыслящий человек не скажет, что при осуществлении пролетарских,—да, именно, пролетарских целей!—применение революционных средств является преступлением. Даже и тогда нет на лицо никакого преступления, если бы примененные методы и были неправильны, так как в хаосе политической борьбы могло не оказаться ясной политической перспективы.

Я должен добавить к этому также и то, что революционер в своих поступках руководится отнюдь не своими собственными желаниями; он действует во имя своих товарищей по классу, он несет ответственность за свои дела.

Если он убедился, что его цели и средства были ошибочны, он должен открыто заявить об этом своим товарищам: я ошибся.

Но социалисты-революционеры, очевидно, не знают этой революционной честности. Они заявили на суде, что и в дальнейшем намерены поступать одинаково.

Теперь мы посмотрим: было ли пролетарским то, что они делали? Была ли обстановка в течение всего периода их деятельности исключительно хаотической, или же они могли извлечь для себя некоторые уроки из собственного или чужого опыта? Что они видели перед собою и что они могли видеть?

Перед ними была в полном расцвете „демократия“ Антанты. Когда социалистам-революционерам удалось с ее помощью притти ко власти, они стали игрушками и манекенами в ее руках. Антанта использовала их, как статистов для защиты реакционного режима, а затем вовсе отшвырнула их от себя.

Социалисты-революционеры заискивали у буржуазных правительств, которые терзали в этот момент их собственную родину. Да оно и не могло быть иначе! Антанта ни в коем случае не является сторонником подлинной демократии в своих собственных странах, а тем более социализма. Пример этому—Венгрия. Антанта не позволила существовать правительству Кароли, которое как будто бы хотело ввести демократический строй на самом деле. Но как только пролетариат захватил власть в свои руки, чтобы создать свое государство, Антанта постаралась низвергнуть диктатуру рабочих. Также как и в случае с эсерами, Антанта ринулась на Венгрию со своими армиями и последние установили здесь режим белого террора, отнюдь не демократический. Рабочие должны были заплатить за такую „демократию“ жизнью тысяч своих лучших товарищей—рабочих и крестьян, убитых, брошенных в тюрьмы и т. д. Несмотря на эти тяжелые жертвы, Антанта по сию пору все еще не в состоянии уплатить по своим „демократическим“ векселям.

Эсеры все это могли видеть. Однако, и в 1922 году они они объявляют, что в будущем намерены поступать также как и в прошлом.

Какова может быть основная причина их упрямства?

Это можно объяснить и политически и просто и психологически. Мы должны при этом принять во внимание тот важный факт, что для русского пролетариата уже в 1917 г. немедленно вслед за февральской революцией стало ясно, что Вы, эсеры, не верите в историческую роль пролетариата в данную эпоху, что Вы не верите, что пролетариат уже созрел для того, чтобы взять власть в свои руки и проложить новые пути к созданию нового общественного порядка. Вот

в чем тайна победы большевистской партий в октябре. И теперь для меня уже совершенно ясно, почему эсеры не встали со своих мест в честь нашего Революционного Трибунала.

Но почему же пролетариат еще не созрел для взятия власти в свои руки? Может быть капитализм должен помочь созданию совершенного социалистического строя? Надеются ли они, эсеры, или могут надеяться, что капитализм выполнит две всемирно-исторических задачи: одну—привести капиталистический строй к состоянию полного расцвета, другую—бросить им в руки социализм, как созревший плод? Разве буржуазное общество в феодальную эпоху в Соединенных Штатах, Голландии и Франции могло развиваться со всеми своими надстройками, иначе как только лишь после захвата власти?

Мировая война ясно выявила все противоречия капиталистического строя и неосуществимость в дальнейшем руководящей роли буржуазии. Историческая роль пролетариата и заключается именно в том, что он должен, несмотря на кучу развалин перед ним, взять власть в свои руки и тем самым помочь дальнейшему развитию человечества, устраняя грандиозным напряжением сил все препятствия на своем пути. Вот, во что мы верим! А эсеры в то время как русские рабочие и крестьяне, окруженные тысячами врагов, приступали к своему созидательному творчеству, разрушали и только разрушали. И если теперь, вследствие мировой войны и революции Россия переживает такую массу лишений, то в этом виновны только эсеры и их разрушительная деятельность: они виновны в том, что на огромных пространствах, на которых рабочие и крестьяне, истекая кровью, овладевали властью, они постоянно разрушали эту власть и позволяли буржуазии мстить рабочим и крестьянам.

Итак, мы должны записать все грехи эсеров. Но как думают эсеры, что было бы в результате победы контр-революции, той самой контр-революции, которой они были застрельщиками. Если благодаря падению диктатуры пролетариата в Венгрии, так усилилась европейская реакция, то какой огромной силы достигла бы она при катастрофе русской революции! Россия была бы использована тогда, как орудие и резервуар страшной реакции, всегда и в прошлом угрожавшей европейскому пролетариату. Падение Советской России означало бы удар мировому пролетариату в его собственное сердце. Только тот, кто стоит ближе к белым, чем к пролетариату, не может понять этого.

Нет. Эсеры отнюдь не были в праве применять революционные методы, так как цели у них отнюдь не были пролетарскими. Они не смели заходить так далеко, как они это сделали, так как перед их собственными глазами были уже примеры—не только в России их собственные дела, но и все то, что было за границей, например, в Венгрии и в

других странах. Из всего этого они могли видеть, к чему может привести заключение союза с буржуазией. И я их самое огромное преступление вижу именно в том, что они и теперь смеют заявлять, что все, что они делали, происходило в хаотических условиях. Имей они революционную совесть, они должны признать: „да, да был хаос. Мы не могли предвидеть, но мы склоняем ныне перед пролетарской властью, которая пролагает человечеству новый путь, свои головы!“. Они могли бы это сказать, но их закоренелое упрямство, несмотря на все исторические примеры, не позволяет им признать нашу правоту. Буржуазия гораздо более классово-сознательна. Она отнюдь не нуждается в примерах, чтобы усмотреть, в чем заключается интерес для нее. Кажется, что в старых социалистических партиях реакционные инстинкты сильнее, чем в кругах буржуазии.

Нет, эсэры не были в праве пускать в ход эти средства. Я считаю их виновными в этом.

Говорят, что данный Верховный Трибунал так вел все судопроизводство, что последнее противоречит всякой правде и справедливости. Можно, конечно, написать ряд статей, но говорить будут только протоколы! Со временем историк спросит, зачем Вандервельде с компанией прибыл в Москву, когда более короткий путь ведет в Будапешт. В Венгрии страдали также целые тысячи осужденных. Однако, к нам никто не прибыл, так как Вандервельде чувствовал, что там находится пролетариат, который хотя и понес страшное поражение, но сохранил в чистоте свой пролетарский инстинкт. В Венгрии в течение всего белого террора не нашлось бы ни места, ни сочувствия для защитников социалистов. Москва, конечно, была для них политической целью.

История будет читать не только русские протоколы; она также прочтет те короткие протоколы о том, как нас присуждали к смерти, не разрешая никакой защиты, как выносили нам приговоры в течение 5—10 минут. И если мы сравним все это, сравним Революционный Трибунал с судами буржуазии, мы скажем:

„Верховный Революционный Трибунал может гордиться: его протоколы говорят о полной свободе, которая была уделена эсэрам во время суда“.

Я отмечаю это и предоставляю Революционному Трибуналу вынести тот приговор, который соответствует интересам пролетарского государства, правовому сознанию и совести мирового пролетариата, а также и его великому сердцу.

Обвинительная речь К. Цеткин.

От имени третьего Коммунистического Интернационала я обвиняю перед Верховным Революционным Трибуналом ответственных руководителей и активных членов Российской партии юсоциалистов революционеров. Подсудимые вызвали наше обвинение, заявив, что их судьями могут быть только рабочие России, рабочие всего мира. Коммунистический Интернационал организационно объединяет значительную часть пролетариев всех стран. Идейное же его влияние распространяется на еще более широкие массы и не только в капиталистических странах, но и среди колониальных народов и среди народностей, которым навязывается так называемая „колониальная культура“. Но мы не исходим из формального права. Право выступать здесь обвинителями нам дает противоречие, существующее между нами и эсерами в вопросе отношения к революции. III Интернационал охватывает не только значительную часть пролетариата. К нему принадлежат все те угнетенные и эксплуатируемые всех стран, которые наиболее болезненно чувствуют цепи капитализма, все те, которые исполнены самой твердой, самой решительной и отважной воли к свержению капитализма и установлению коммунистического строя.

Коммунистический Интернационал, идейно и организационно, является выразителем воли и сознания революционного авангарда мирового пролетариата. А именно по отношению к мировому пролетариату эсеры впали в тягчайшие преступления. Не только путем деяний и поступков, в которых здесь должен разобратся суд, нет, всей своей контр-революционной политикой.

Поэтому мы, представители III Интернационала—стоим здесь перед Вами, высокие революционные судьи, не как партия против партии, а как революционный авангард мирового пролетариата. Здесь дело не в споре между политическими учениями о том, кто прав, здесь стоит класс против класса, пролетариат всего мира против буржуазии, против буржуазии всего мира, революция против контр-революции.

Обвиняемые эсеры тягчайшим образом провинились перед мировой революцией тем, что они употребили все доступные им средства, чтобы заставить пасть на колени пролетарскую революцию России, чтобы опять отнять ценой крови купленные права и низвергнуть, путем несказанных жертв созданную и защищаемую, пролетарскую власть.

Мы их, сидящих вот там, обвиняем не потому, что они для достижения политических целей затеяли вооруженное восстание. Мы обвиняем их не потому, что на помощь они призывали американцев, англичан, японцев и французов, чехо-словаков и, если бы это было возможно (да и призывали, поскольку это было возможно) так называемого „наследственного врага“—германцев. Мы не ставим им в укор, что они совершали индивидуальные террористические акты. Мы, принадлежащие к III Интернационалу, никогда не отрицали, что силу можно сломить только силой. Мы пользовались в борьбе с буржуазией революционным насилием, мы будем им и впредь пользоваться, потому что иным путем пролетариат не может добиться победы. Мы стоим на платформе Коммунистического манифеста—пролетариат не имеет отечества. Для нас не существует чужеземцев. Коммунистический Интернационал через рогатки границ, через моря и горы собирает всех угнетенных и обездоленных, чтобы спаять их в могучую силу, которая раз навсегда сбросит всемирный капитал в могилу, уготованную ему историческим ходом вещей.

{ Не то, что они совершали, делает подсудимых виновными, а то, во имя чего они совершали—цель придает деяниям эсеров преступный характер. Они содействовали не во имя освобождения человечества из пут частной собственности, не для того, чтобы открыть пролетариату путь из тьмы и лишений капиталистической эксплуатации к вершинам культуры; в до сих пор единственной в мире стране, где пролетариат завоевал себе свободу, их целью было опять свергнуть его во тьму и лишения капиталистической эксплуатации, предать буржуазии единственную цитадель, которую, при своем первом смелом размахе, создала мировая революция в России.

Мы, принадлежащие к III Интернационалу, так обвиняем эсеров потому, что мы являемся авангардом всемирного революционного пролетариата. Это дает нам историческое право, конкретное право возвысить голос обвинения. В эсерах мы видим аванпост капитализма, мировой буржуазии, аванпост, который тем более опасен, что он в поддельном наряде, с поддельным знаменем втерся в стан угнетенных. Мы твердо убеждены, что этот аванпост будет и впредь в своем поддельном наряде и с поддельным знаменем обде-

лывать дела нашего заклятого врага — мировой буржуазии, если только революционный пролетариат, с достойной наказанием беззаботностью, позволит им своим великодушным прощением продолжать их контр-революционное занятие.

Но если III Интернационал имеет право выступить здесь как обвинитель, то русский пролетариат имеет право подвергнуть обвиняемых суду и через свои соответствующие правовые органы вынести приговор.

Русский пролетариат с величайшей готовностью на жертвы, с героизмом, являющимся беспримерным в истории всех времен, сделал первый шаг к мировой революции. И все эти жертвы должны будут продолжаться, все они должны будут приноситься вновь, если только эсеры будут иметь возможность и впредь преследовать свои контр-революционные цели.

Пытаясь своими ударами поразить революционную власть Советской России, они тем самым наносили удары и мировому пролетариату. Они воспрепятствовали полному воздействию на мировой пролетариат могучего русского примера, величайшего акта воли, какой знает история. В этом их тягчайшее преступление, их неискупимый грех. То, что они совершили, есть убийство, десятикратное убийство, тысячу раз тысячекратное убийство. И это не преувеличено, высокий революционный суд.

Своей политикой эсеры усилили контр-революцию во всем мире. Они расслабили доверие трудящихся масс к своим собственным силам и сознание исторического долга построить новый мир.

Разумеется, эсеры не единственные виновники, но на них падает значительная часть вины, в том, что целое поколение, что бесчисленные миллионы попрежнему влачат ярмо капитализма и гибнут, исковерканные душой и телом.

Эсеры и их родичи, буржуазные партии, реформистские и оппортунистические рабочие партии всех стран будут кричать, что будто бы этот суд здесь — партийный суд, что это классовый суд.

Ни в коем случае не партийный суд! Здесь судит не коммунистическая партия, а, с соблюдением права, представители революционных рабочих и крестьян всей России. Это представители государственной власти, революционной государственной власти, за которой стоят оба революционных класса.

Итак, — классовый суд? Так точно. Мы были бы повинны в недостойном лицемерии, умаляющем победу революции, если бы стали это отрицать. До тех пор, пока не расцветет вполне коммунистический строй и пока различие между разными классами станет историческим воспоминанием, а не действительностью, до тех пор будут существовать

классовое государство и классовые суды. Но следует различать о чем идет речь, — о пролетарском классовом государстве и пролетарском классовом суде или о буржуазном классовом государстве и буржуазном классовом суде. В буржуазном классовом государстве и буржуазном классовом суде власть покоится в руках собственников и эксплуататоров. Суд, производимый именем справедливости, есть не что иное, как средство удерживать угнетенных и эксплуатируемых в их зависимости и наемном рабстве в качестве машин для производства прибылей. В пролетарском классовом государстве и пролетарском классовом суде решают не интересы собственников и господствующих, а пролетарские интересы, интересы, право подавляющего большинства. Пролетарский классовый суд является в пролетарском классовом государстве оружием. Мы полны уверенности, что Верховный Революционный Трибунал вынесет свой приговор, исполненный сознания своего высокого долга по отношению к трудящимся массам, по отношению к революции. Элементарная обязанность по отношению к революции, — это защита, Это обеспечение не только существования революции, но и ее дальнейшего развития, ее дальнейшего развертывания. Сохранение мощи российской Советской республики имеет величайшее значение. Существование и расцвет Советской России — одна из сильнейших двигающих сил мировой революции.

Маркс изложил обязанности по отношению к революции в следующей формуле: „первым долгом является сразить врагов“, обезвредить контр-революционные силы. Такова задача и теперь. И мы убеждены, что Верховный Революционный Трибунал разрешит эту задачу не только ради сохранения Советской России, но и имея в виду дальнейшее поступательное движение революции. Мы рассматриваем мировую революцию как неизбежный всемирный суд, который должен совершиться над мировым капитализмом. Всемирный суд, который расправится не только с преступниками войны, не только с преступниками против революции, но который произнесет свой приговор над самым главным преступником, над величайшим виновником — капитализмом; мировая революция, которая из хаоса и развалин, оставшихся от мировой войны с ее последствиями, силой пролетариата призовет к победе новый высший этап исторического бытия.

Маркс в своей работе „О классовой борьбе во Франции“ сказал: „Социалистический переворот не завершится вполне во Франции, во Франции он будет возведен. Он нигде не может быть вполне завершен внутри национальных стен“. В настоящее время это обнаруживается. Мы стоим под знаком этой ситуации. Слова Маркса вполне подходят к России. На территории России пролетарии и крестьяне, под

смелым, под уверенным руководством большевиков, провозгласили социалистический, коммунистический переворот, как цель мировой революции. Бессмертной заслугой в истории останется то, что они поставили и разработали эту цель, с такой ясностью, что можно было бы сказать—слепые должны были бы увидеть, глухие должны были бы услышать, чего в настоящее время требует бьющий исторический час. Но исторический рок российской революции в том, что социалистический переворот может быть завершен вполне не в национальных рамках, а только как мировая революция. И только медленно разворачивается мировая революция. Медленно, так медленно, что для страстного биения наших сердец, стремящихся к обетованной земле коммунизма, она иногда кажется тихо стоящей. Тем важней при данной исторической связи, что на русской почве революция полно, мощно выживает, что она достигает здесь границ возможного. Перед лицом героизма и самоотверженности, которую до сих пор так ярко проявили носители российской революции, я могла бы даже сказать, что они совершают чудо, переходя за границы возможного.

Высокий революционный суд! При таком положении вещей чрезвычайно важно, чтобы разворачиванию революции России не ставились препятствия. Каждое покушение, направленное против российской революции, каждый удар, предназначенный Советской власти бьет по мировому пролетариату. Россия, в данное время и мы не знаем как долго еще, является грандиозным полем исторических экспериментов мировой революции. Российская революция, это огромный, обильный источник революционного познания, который пролетариату необходим, необходим прежде всего, как источник горячего одушевления, твердой воли, высокого самоотвержения, короче говоря, как источник всех тех революционных качеств, которые проявляются в русской революции.

Позиция и политика эсеров находятся во враждебном противоречии к условиям российской революции, а, следовательно, и мировой революции. Отчасти благодаря ненависти к коммунистической партии, отчасти в силу своей мелкобуржуазной позиции, они видят только правящую партию большевиков, только большевистских вождей в правительстве. Они слепы к тому, что каждый выстрел оружия, отравленного ядом, „кураре“, которым они борются, попадает через головы носителей Советской власти в русских рабочих и крестьян, и за ними в весь всемирный пролетариат. Правда, эсеры заявляют—мы боремся не против революции. мы боремся не против коммунизма. Наоборот! Мы, ведь, не только революционеры, мы также и социалисты. Мы боремся против засилия партий, захватившей власть вместо пролетариата.

Высокий суд! Утверждая это, обвиняемые забывают свою собственную историю, свое собственное прошлое. Из своего прошлого им следовало бы знать, что партия не может долго усидеть на штыках. Партия эсеров поддерживалась не только собственными штыками, но оружием белогвардейцев, царских генералов, оружием государств Антанты, располагающих лучшей в мире военной промышленностью. И все же она смогла только на короткий срок удержаться у власти. Сбросив путы кровавого насилия и коварства эсеров, рабочие, крестьяне и солдаты с бранью и позором изгнали их из правительства. Советское же правительство и советский строй существует почти пять лет, поддерживаемые доверием масс.

Эсеры ссылаются и на нечто иное. Они ссылаются на большое, и славное прошлое, на значение борьбы старой „Народной Воли“.

Среди нас, вероятно, не найдется ни одного, кто бы не склонил с удивлением и благодарностью голову перед деятелями этого движения. Народовольцы вели борьбу против царизма в тягчайшей обстановке. Социал-революционеры того времени вели борьбу против царизма и за буржуазные свободы, не опираясь на революционный класс. Это был ужасный поединок с носителями царизма. Конечно, эсеры тогда могли жить и бороться с мыслью, что они действительно представляют партию политической борьбы, партию ничем не связанную с интересами одного класса, что они представляют наиболее передовые, лучшие элементы всего общества, они могли быть убеждены, что они не только действуют для масс, но и в значительной степени вместо них. Но ведь проявленный ими героизм не мог заменить сил революционного класса, который взял бы на себя борьбу против царизма. И, таким образом, наступило то, что их величайший внешний триумф совпал с величайшим историческим поражением. Царизм не погиб вместе с царем. Тогда выявилось воочию, что России не хватает революционного класса. Но именно в это историческое мгновение на арену истории выступил герой—пролетариат, призванный в России победить царизм. Отчетливо обнаруживается новое явление: чем энергичней и сознательней ведет пролетариат борьбу против царизма, тем больше расходятся пути революционного пролетариата и партии с.-р. Разумеется, с.-р. продолжают вести с воодушевлением, самопожертвованием, с героизмом борьбу против царизма. Но борьба эта ясно выявляется как борьба класса, как борьба буржуазии, которая вместе с экономическим развитием, укреплением и развертыванием капитализма, почувствовала необходимость конституционного государства, необходимость буржуазных свобод. И рядом, чем больше рабочий класс

шел вперед, тем больше обнаруживалось, что его борьба против царизма тесно связана с борьбой против капитализма, что устранение царизма и завоевание политических свобод может быть только этапом, а не конечной целью пролетариата. Шаг за шагом в ходе этого развития обнаруживался буржуазный характер борьбы и буржуазная сущность эсеровской партии.

Уже в начале этого столетия Плеханов считал возможным охарактеризовать и заклеить социалистическую партию такого рода обозначением: партия социалистов-революционеров, это партия социал-реакционеров. В первой пролетарской революции 1905 года партия с.-р., конечно, храбро вела борьбу за низвержение царизма, организовала крестьянство, но в то же время она проявляла склонность солидаризироваться с либеральной буржуазией, с кадетами и их присными. Ход процесса развития, в котором все больше и больше находила выражение буржуазная, мелко-буржуазная сущность партии с.-р., приводившая к все растущему сближению с буржуазией, был как в теплом парнике ускорен, когда вспыхнула февральско-мартовская революция. В этом судьба партии с.-р. Я повторяю, что ее величайший триумф превращается в уничтожающее и, идя дальше, на этот раз в позорное поражение. Февральско-мартовская революция сделала партию с.-р. соучаствующей в правлении, решающей, правящей партией. Но едва прошло 8 месяцев, как социал-революционеры были, как нечестные опекуны революционного наследства, как ходоатаи буржуазных интересов, как пособники капитализма, со стыдом и позором изгнаны из правительства. Физиономия партии эсеров особенно ярко выявилось в той позиции, какую она, как правящая партия, заняла, в вопросах иностранной политики, в вопросах войны и мира. Она проводила политику подчиненную интересам русской империалистической буржуазии, а, следовательно, антоновской буржуазии, мировой буржуазии. Под давлением империалистической, алчущей и корыстной буржуазии, ее политика достигла своей вершины в наступлении 18 июня.

Экономическая разруха, возросшая благодаря саботажу буржуазии, требовала диктаторского революционного вмешательства в систему капиталистической собственности. В сельском хозяйстве, промышленности, во всех областях, капиталистическое право собственности, право употреблять и злоупотреблять средствами производства, пользоваться ими только, как средством власти богатых и имущих, вело к разрухе и настойчиво требовало коренных реформ. Партия с.-р., именовавшая себя партией крестьян, партией опирающейся, прежде всего, на крестьянство, была даже не в состоянии воздействовать на буржуазию, либеральничающих помещиков,

чтобы провести, как их намечал Чернов, хотя бы самые умеренные мероприятия для хотя бы частичного разрешения аграрного вопроса. Никакого контроля над производством и распределением, никаких финансовых реформ. Даже чрезвычайно умеренный декрет о введении 8 часового рабочего дня вел в архивах правительства и его учреждений созерцательное и идиллическое существование. Контр-революционный характер политики социал-революционеров особенно обнаружился в их отношении к молодой, стремящейся к росту силе Советов Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов. Сначала эту силу терпели. Затем все преимущества „свободы печати“ были использованы на службе буржуазии для ведения кампании, лжи и клеветы, направленной против советов и наиболее выдающихся их работников-большевиков. В конце концов, события развернулись так, что на демократической конференции вдоль и вширь велся спор о том, должно ли Временное Правительство даже хотя бы морально зависеть от Предпарламента, который с.-р-овский вождь Гоц назвал ни чем иным, как „тенью Исполнительного Комитета Петроградского Совета“.

Каковы были последствия этой революционной политики с.-р.? Уже в сентябре было ясно, что перед „демократией“, во имя которой совершались все преступления против революции, во имя которой тысячи рабочих и солдат лишались прав, убивались из-за угла, бросались в тюрьмы, стояла только дилемма выбора между диктатурой в простом сюртуте и диктатурой в блестящей военной форме. А каковы были последствия этой контр-революционной политики в интернациональном масштабе? Она лишила российскую революцию ее значения могучего, антимилиитаристского фактора. Она самую революцию обесценила в глазах пролетариата, лишив ее социального содержания.

Социал-патриоты и социал-пацифисты, буржуазные демократы всех оттенков и всех стран заявляли пролетариям, стремившимся к борьбе против рабства: „ах, да, посмотрите же на Россию, какая прекрасная революция, какая благо-разумная, умеренная революция! Вы видите, что и революция не может дать вам больше того, чем вы уже обладаете в передовых капиталистических странах. Поэтому, выполняйте свой долг, защищая свое отечество, и отбывайте молодцами барщину, чтобы пополнить „национальное достояние“, поглощенное империалистической войной. Не думайте об этой отвратительной пролетарской революции“. Так использовала контр-революция мелко-буржуазную политику с.-р., распинавших перед буржуазией. Мировой пролетариат должен был искупить это самым ужасным образом. Рабочие всех стран заплатили за это жизнью и здоровьем тысяч и тысяч.

С.-р. считали возможным втиснуть революцию в мелкое и тесное ложе буржуазной революции, революции с буржуазными целями. Но посмотрите! Такая революция доказала себя неспособной утолить безземелье и голод широчайших трудящихся масс. А свинец и пулеметы, которые Керенский направил против демонстрирующих рабочих, тоже не смогли внести вечного умиротворения.

Пришла октябрьско-ноябрьская революция и далеко отшвырнула с.-р. от власти. Рабочие, солдаты и крестьяне добились победы большевистского лозунга: „Вся власть Советам“. С этого мгновения преступления с.-р. против революции начинают возрастать. Все время своего пребывания у власти они набрасывали на руки и ноги растущей революции пролетариата тягчайшие цепи, тормозя ее развитие. Теперь, когда, несмотря ни на что, революция встала перед ними, исполненная ужаса и красоты, твердой воли и решимости наносить удары мощным кулаком, с.-р. идут дальше. Вся их политика направляется только на то, чтобы обессилить, сразить, убить пролетарскую революцию.

Во имя этой цели с.-р. шли против всего, против всех новшеств, против всех мероприятий, проводимых Советским правительством целью превратить в живое дело международное пролетарское содержание революции, с целью слова и программы сделать фактами. В первую очередь они выступили против Брест-Литовского мира, за кровавое ярмо которого ответственно прежде всего наступление Керенского. С.-р. восставали против мира, который был заключен Советским правительством не только для того, чтобы добиться передышки для российской революции, для строительства нового порядка вещей. Нет, вожди русской революции требовали военной передышки в особенности для мирового пролетариата в интересах мировой революции, передышки, во время которой пролетариат должен был вновь обрести себя, опять почувствовать себя классом и вступить на путь революции, чтобы стать на сторону своих героических, несущих великие жертвы российских сестер и братьев. Прежде, в качестве правящей, в качестве господствующей партии с.-р. обосновывали необходимость продолжения империалистической войны и перехода в наступление необходимою защитою отечества. Теперь же, во имя уничтожения революции, они отдают отечество в жертву налетчикам и интервенционистам капитала и милитаризма всех стран.

Если раньше они ограничивались тем, чтобы ничего не делать для восстановления разрушенного хозяйства, то теперь они стали делать все, чтобы воспрепятствовать процессу оздоровления, воспрепятствовать проведению в жизнь энергических мероприятий революционного правительства, имевших целью преодоление капитализма. Они саботировали все

мероприятия в области строительства народного хозяйства на новой, более высокой основе. Конечно, открыто выступать против декрета о безвозмездной экспроприации крупного землевладения они не дерзали, но они пытались обесценить в глазах крестьянства раздел земли, возбуждая крестьян против всех мероприятий, имевших целью связать мелкое крестьянское хозяйство в его же собственных интересах с общенародным хозяйством. Вступая в борьбу против Советской власти, которая одна является гарантией в том, что под покровом „демократии“ не будут опять восстановлены права собственности и господство касты помещиков, они широко открывали ворота и двери для возможности реставрации помещичьей собственности. Главная доля ненависти с.-р. была направлена против самой Советской власти, так как такая власть означает политическую и экономическую экспроприацию буржуазии. Русские безграмотные рабочие и крестьяне в каких-нибудь 8 месяцев научились тому, чего, к сожалению, несмотря на многолетнее марксистское воспитание, еще до сих пор, после 4 лет коалиционного правительства, не поняли, так хорошо обученные в школах рабочие Германии, а именно, что даже во имя самой демократии не следует допускать совместного участия в правительстве враждебных партий. Пролетариат не может делить власти с буржуазией. Он или обладает всей полнотой власти или вовсе ее лишен. Пролетариат либо должен быть молотом в государстве, либо должен оставаться наковальной, по которой кует молот капиталистических господ, молот буржуазии.

Это, ставшее плотью и кровью Советского строя, сознание нужно было во что бы то ни стало уничтожить. С этой целью эсеры тщательно использовали все доступные средства. Они подымали восстания, устраивали экспроприации, террористические акты, направленные против вождей революции, взрывы поездов и железнодорожных мостов и т. д. Они заключили союз с богом и дьяволом. С царистскими генералами, с черной сотней, с тамбовским бандитом Антоновым, с самарским Поповым, с державами Антанты. Они были готовы связаться и с немцами и установили через известную организацию Иванова связь с германским генеральным штабом.

Но их политику особенно характеризует не тщательное применение всех средств контр-революции, а нечто иное. Это — глубокая лживость вождей эсеровской партии. Они подготавливали восстания, и отнекивались, когда дело проваливалось. Они создавали террористическую атмосферу, подготавливали все для террористических покушений, но покушения эти должны были считаться индивидуальными выступлениями. Они были в связи со всевозможными капиталистическими посольствами и военными комиссиями, также как

с царскими генералами. Но, разумеется, только потому, что это было необходимо и полезно, чтобы быть в курсе положения вещей в стане врагов. Двуличие тактики и поведения, лживость, да и трусость вождей, все то, что так крайне непохоже на прославленное мужество старых социалистов-революционеров, нашло свое верное выражение в их отношении к террору. По настоянию Чернова, была принята такая двусмысленная резолюция, что один из членов Центрального Комитета, Сунгин, вышел из его состава, когда была отклонена его, недвусмысленно отвергавшая террор, поправка. Но двуличие и лицемерие партийного центра резко выявились и в другом отношении. Потерпел крушение план подавить Советскую власть в России, удушив ее при помощи контр-революционных государственных новообразований, созданных на юге, западе и на севере. Все эти контр-революционные центры держались при помощи технических, при помощи военных вспомогательных сил правительств Антанты; и все же выживали недолго. Результатом было только то, что массам ясно обнаруживалась вся безоглядность, кровожадность и мстительность белого террора, который практиковался во всех этих закономерно образованных государствах, во имя демократии и с благословения эсеровских вождей. Вследствие поражения, последовавшего после кровавого разгрома контр-революции в Вологде, Архангельске, Самаре, Уфе, Сибири, наступили мрачные дни великопостных настроений. На VIII партийной конференции было более или менее открыто, более или менее казуистично постановлено отказаться от вооруженной борьбы против Советской власти. Но каково было положение вещей в действительности? IX съезд отверг эту резолюцию, а вся практика эсеров не соответствовала тому гражданскому миру, который Советское правительство великодушно установило путем объявления амнистии. Те члены и группы, которые серьезно примирились с Советской властью и которые хотели не бороться против революции, а честно встать сомкнутыми рядами для ее защиты, были беспощадно исключены из партии. С другой стороны, партия не осмеливалась коснуться тех вождей, тех групп, которые дальше продолжали интриговать с царскими генералами, продолжали конспирировать с Антантой, продолжали готовить восстания. Эти оставались почетными членами партии.

Такая политика изворотливости и лживости привела к тому, что одна группа обвиняемых откололась от остальных. В партии эсеров состояли не только руководящие элементы, которые отошли от пролетариата, примкнули к буржуазии и стали контр-революционерами. В ней были и элементы—главным образом, пролетарские—которые серьезно считались с старым именем социал-революционеров и с славным прошлым партии. Они держались своих убеждений и были орудием

выполнения мыслей и планов, складывавшихся в атмосфере эсеровского партийного центра. Но что должны были пережить эти честные революционеры, когда им пришлось убедиться, что отношение к ним вождей таково, что напоминает следующее четверостишие Гейне:

Ах, не срами меня, мой свет,
Не говори при всех со мной.
Когда мы будем tête à tête,
Мы уж столкнемся с тобой.

Или как в свое время короче, выразительней определил такую политику Игнац Ауэр, когда Бернштейн развернул свой стяг ревизионизма. Он писал: „Дорогой Эде, такие вещи можно проделывать, но о них нельзя говорить“. Такая политика вождей вызвала в честных элементах партии решительный сдвиг и поворот. Эти элементы теперь заклеяны и оплеваны, как предатели, не только со стороны эсеров, но и со стороны их буржуазных и реформистских пособников за границей.

Высокий революционный Трибунал! Я думаю, что эти члены партии эсеров, хотя и тяжело согрешили против революции, согрешили в честном убеждении, что служат делу революции, я думаю, что эти члены партии эсеров шли путем Голгофы. Надо проникнуть в их душу. Они потеряли уважение к своим вождям, они потеряли веру в тех, на кого глядели, как на свою революционную совесть. Они потеряли веру в цель, которой служили и в правильность своей тактики. Им пришлось в болезненном конфликте с совестью, подвергнуть пересмотру свое отношение к революции и свою тактику. Конечно, это было не легко. Все это были люди, которые во имя своих убеждений, во имя своей цели ставили жизнь на карту. Но, высокий суд, я думаю, для каждого убежденного человека, мужчины или женщины, является чем-то, само собой разумеющимся, является величайшим счастьем отдать жизнь за это убеждение.

Но зато как несказанно тяжело приносить в жертву этому убеждению чужие жизни. А эти элементы партии эсеров подвергли себя именно такой ужасной пытке в глубоком убеждении, что они служат этим делу революции. Когда они узнали, что величайшие жертвы их жизни являлись только злом для революции, они не удовлетворились только тем, чтобы молча и тихо отойти в сторонку от партии эсеров. Нет, они должны были понести кару за прошлое, за деяния, совершенные в революционном, но ложном, порыве. Сделать это они могли только одним путем, а именно тем, что решили защищать революцию и власть Советов рабочих и крестьян против контр-революционной политики

эсеров, решили, обнаружив подходы и извороты эсеровских вождей, тем самым стать на защиту Советского правительства. Они должны были заговорить!

Поэтому, высокий революционный Трибунал, я думаю, что русские рабочие и крестьяне почувствуют необходимость смягчения приговора для этой группы обвиняемых. И на этих подсудимых лежит тяжелая вина, но—это мое глубокое убеждение,—они свою вину тяжело искупили и будут ее тяжело искупать всю свою жизнь. Воспоминание об ошибках, нанесших такой ужасный урон революции, не может быть вытравлено из их души, даже, если они и впредь после внутреннего сдвига будут с величайшей преданностью служить делу Советской России.

Потеря, понесенная эсерами с одной стороны, была вполне возмещена с другой. К ним устремились не только все буржуазные партии, но и все реформистские рабочие партии 2 и 2½ Интернационалов, те, которые с момента возникновения войны показали себя политической заставой капитализма и те, которые были слишком трусливы, чтобы дело революции сделать своим делом. Мы это видели здесь в образе целого Интернационала адвокатов, поспешивших сюда за своим вожаком Вандервельде, чтобы взять на себя защиту обвиняемых. С обвиняемыми чувствуют себя солидарными, за обвиняемых дрожат, за обвиняемых с мольбой простирают руки или, угрожая Советской власти, потрясают кулаками все те, кто ненавидит революцию или всей своей нечистой совестью боится ее.

Имеют ли право людишки из 2 и 2½ Интернационала со своей обильной душещипательной декламацией о ценности человеческой жизни и о других прелестях, вмешиваться в ход этого революционного суда. По нашему убеждению, нет и нет. Они лишили себя этого права уже хотя бы тем, что в течение ряда лет купались вместе с буржуазией своих стран в кровавом море грабительской империалистической войны. И если они вдруг испытывают угрызение по этому поводу и проникаются честолюбивыми намерениями превратиться в защитников человеческой жизни и права, то об одном единственном следует им напомнить. Господин Вандервельде осмелился заподозрить этот революционный суд, заявив, что в его стране был бы невозможен суд социалистов над социалистами. Совершенно верно! Верно вследствие одного незначительного обстоятельства, которое Вандервельде воистину не оправдывает: потому, что до сих пор Бельгия страдала слабостью революционного движения пролетариата, потому что там пролетариат находится не только в тисках капиталистического рабства, но и кроме того, в тисках мелкобуржуазных воззрений. Но господин Вандервельде, в качестве министра юстиции Его Величества короля Бельгии, творил суд и

расправу над другими политическими „преступниками“ — над фламандскими автономистами, над революционными социалистами. По опубликованным цифрам за время его пребывания в роли министра не меньше чем 1500 с лишним автономистов и революционных социалистов переполняли тюрьмы и были приговорены судом, частью к смертной казни, частью к вечной каторге. И все это без того, чтобы кто-либо из 2 и 2¹/₂ Интернационала забеспокоился о том, все ли соблюдены при ведении этих политических процессов формулы и нормы бельгийской юриспруденции. Но, больше того, господин Вандервельде в Бельгии, господин Гендерсон и Макдональд в Англии, господин Брак в Париже и Фриц Адлер в Вене дружно молчали на всех языках и наречиях, не вспомнив о необходимости мобилизовать Интернационалы, мобилизовать человечество, когда их друзья, германские социал-демократы, устраивали худшего сорта чрезвычайные суды и выносили неслыханные в истории приговоры. Я не хочу наносить обиды Верховному Революционному Трибуналу, сравнивая его с „народными судами“ в том их виде, в каком они введены в Баварии социал-демократическим правительством Гоффмана, сравнивая их с „особыми судами“, какие в марте прошлого года были созданы рейхс-президентом Эбертом, еще до сих пор не сбросившим украшающей его этикетки социал-демократа. В Баварском „народном суде“ дело ведения следствия и вынесения приговоров по политическим процессам находилось всецело в руках суда, целиком составленного из числа бюрократов юридического цеха. Обвиняемые были лишены важнейших процессуальных прав, приговоры считались безапелляционными, повторного следствия не допускалось. А особые суды, установленные в средней Германии после мартовского выступления рабочих единственным в своем роде Эбертом?! И в них состав суда набирался исключительно из профессионалов-юристов, из классовых врагов революционного пролетариата. Согласно первой формулировке, которая была действительной в течение месяца, и по которой были осуждены сотни рабочих, обвиняемый не имел даже права на получение обвинительного акта в письменной форме. Суд над задержанным совершался через 24 часа после ареста, при чем за судом сохранялось право, решать желает ли он сообщить до истечения этих 24 часов содержание предъявляемого обвинения или нет. Приговоры суда были действительны не только по отношению к взрослым, но и по отношению к малолетним. И только почти через месяц состоялось умаление полномочий особых судов. Несоввершеннолетние до 18 лет были изъяты из подсудности этому кровавому суду и, кроме того, были введены еще некоторые смягчения. Пусть же господа, которые настолько лишились чувства стыда перед проле-

тариатом всего мира, что осмеливаются усумниться в объективности и беспристрастности русского Революционного Трибунала, вспомнят практику народных судов Баварии, практику особых судов после мартовского выступления. На основании приговора баварских народных судов, как это сообщил 10-го июля с. г. в юридической комиссии германского рейхстага государственный советник, фон-Нюслер, было осуждено 2207 человек. Из числа этих обвиняемых один, благородный Левинэ был приговорен к смерти. Этот приговор был приведен в исполнение при правительстве, в котором социал-демократы имели большинство и только благодаря тому, что председатель, социал-демократ, отсутствовал в решающем заседании, вследствие болезни своей жены. Приговор был приведен в исполнение, рейхс-президент Эберт тоже социал-демократ, не считал необходимым воспользоваться своим правом помилования. Все остальные особые суды, действующие и действовавшие в различных частях Германии, осудили в 1919—22 г.г. около 6000 человек. А подследственным и осужденным в Германии живется не так сносно, как, по видимому, живется политическим заключенным в обесславленной Советской России. Последней осенью в одной тюрьме объявили голодовку 124 осужденных за мартовское восстание. Единственным следствием этой голодовки было заявление социал-демократического министра юстиции Пруссии, что он не уступит этой демонстрации, т.-е. в других, более прямых словах, пусть заключенные погибнут от голода, лишь бы непоколебим и не смягчен остался приговор особого суда германской республики Стиннеса. И когда в рейхстаге обсуждалось предложение об освобождении объявивших голодовку из заключения, социал-демократическая фракция рейхстага дружно вместе со всеми буржуазными партиями голосовала против этого предложения.

Я думаю, господам социал-революционерам следовало бы дважды подумать, прежде, чем вручать дело своей защиты политикам, на которых столько грязи и столько крови, как мы видим на героях обоих реформистских Интернационалов. Если я, как революционер, уверен в своем деле, если я считаю его чистым, я не призываю к своей защите людей, имеющих на своей совести контр-революционные деяния.

Товарищ Бокани спрашивал здесь, — почему г.г. Вандервельде и компания не явились для защиты в Будапешт. О, господам, которые теперь распространяют ложь и клевету о Революционном Трибунале Советской России, не было бы необходимости ехать именно в Будапешт. В самой Германии они имели бы достаточно оснований, чтобы найти простор для применения своего чувства справедливости и своего высокого уважения к профессиональному адвокатству.

Но ведь для этих господ дело не в юридических правах, а в политической демонстрации против Советской России. Они явились сюда, как враги Советской России, чтобы наносить ей удары, чтобы бороться с ней. И когда один единственный взгляд на процесс показал им, что это невозможно, когда по ходу процесса они увидели, что ни в Германии, ни в Англии, ни в какой другой стране обвиняемые не обладают такой свободой защиты, как здесь, тогда они, заранее подготовив этот маневр, дезертировали с арены, на которой хотели удовлетворить свою жажду подвигов. Это доказывает письмо, адресованное вождем независимой социалистической партии Германии Дитманом Розенфельду и Либкнехту, в котором он ясно пишет....

(Прерывается председателем: „Вы не должны цитировать никаких писем, не приобщенных к делу“).

Я персдам это письмо для присоединения к судебным актам, так как оно чрезвычайно характерно для того, как хотят использовать процесс реформисты.

Пусть Высокий Революционный Трибунал простит мне незнание этих формальностей. Я же разбираюсь в юридических формальностях. Несмотря на свои годы, я еще нахожусь, увы, в состоянии полного неведения.

Политическое использование процесса было главным делом этих, так сказать, защитников, и так как это оказалось невозможным, то они бросили на произвол судьбы своих клиентов, и их, как они его называют, справедливое дело.

Относительно эсеров принято считать, что все их деяния искупаются их славным прошлым, их заслугами. Нет, мы в Ш Интернационале другого мнения. Мы говорим, что мы признаем и уважаем все прошлые заслуги обвиняемых эсеров, но эти заслуги тают, как мартовский снег под солнцем, в сравнении с их преступлениями, вину в которых они взяли на себя перед русской революцией и, значит, перед мировой революцией.

Далее говорилось: „Пощада обвиняемым! Они представляют культуру, интеллигенцию. Такая некультурная страна, как Россия, должна чрезвычайно бережно обходиться с носителями культуры“. Разумеется. Но, высокий революционный Трибунал, я спрашиваю: можно ли оправдать отравителя тем, что он обладает высокой интеллигентностью и культурностью. А я эсеров считаю политическими, общественными отравителями, потому что они отравляют сознание пролетариата, отравляют сознание крестьян контр-революционным, мелко-мещанским ядом. Что касается их культурной ценности, то я считаю, что революция, что Советское правительство, что Луначарский в Наркомпросе, Троцкий в Красной Армии сделали значительно больше для поднятия культурного уровня русского рабочего и крестьянина, чем

все те интеллигенты, которые сейчас с воплями простирают над эсерами руки для защиты. Поднятие культурного уровня широких масс России это гарантия культуры будущего. И эта гарантия имеет свою предпосылку: сохранять политическую власть в руках пролетариата и крестьян! ни одной ноты этой власти не уступать так называемой демократии!

Далее говорилось: „Процесс эсеров ни что иное, как политическая месть победителей над побежденными. Конечно преступления, в которых обвиняются эсеры гадки, низки, отвратительны, но юни все уже в далеком прошлом“. В далеком ли прошлом Кронштадское восстание, восстание, которое Чернов обещал поддерживать всеми средствами, всем своим авторитетом, восстание, средства для которого гарантировались заграничной делегацией партии, возложившей на „Олега“ дело изыскания средств среди „официальных персон и крупных денежных мешков“?

Контр-революционные преступления не прошлое, а настоящее! Сегодня, завтра они быть может опять станут действительностью, если только революционная власть не примет своих мер. Это доказывается тем фактом, что эсеры образовали единый фронт с контр-революционерами, с капиталистами всех стран, с теми, кто в Генуи в тяжелое для Советской России мгновение стремился превратить Россию в колонию, сделать ее жертвой империалистов всех стран. В это тяжелое мгновение Советская власть, советское правительство выступило как единственный защитник мирового пролетариата, как защитник его будущего на арене истории. Советское правительство в одиночку против целого мира врагов защищало права народа, права трудящихся на коллективную собственность. В интересах мирового пролетариата было—единодушно, мощно, настойчиво возвысить свой голос для протеста против намерений мировой буржуазии относительно Советской России, возвысить свой голос, демонстрируя свою солидарность с Советской Россией. Единое выступление пролетариата было сорвано вождями 2 Интернационала при помощи эсеров, с их благословения и под доброжелательным покровом 2 1/2 Интернационала. И все это для того, чтобы сохранить в различных странах единый фронт реформистских рабочих партий и буржуазии.

В данное время Советская Россия стоит перед необходимостью налаживать связь с капитализмом, с капиталистическими государствами, разумеется, не по своей вине, а вследствие исторических условий, вследствие своей связанности с отставшей мировой революцией. В настоящее время мировая революция, будущее мирового пролетариата связано с Советской Россией, с единственной властью, единственным революцион-

ным пролетарским государством, проложившим первые великие пути мировой революции. Эта крепость должна быть удержана! Ее нельзя колебать. В этом заинтересован пролетариат всех стран. В этих условиях Советская Россия, подобно осажденной крепости, обложенная со всех сторон всеми силами мировой буржуазии, не должна быть подвергнута контр-революционным опасностям внутри страны. В такое мгновение Советская Россия не может допустить контр-революционной подпольной работы, исходящей от партии, представляющей собой левое крыло буржуазии, а не правое крыло пролетариата и мировой революции. В такой час Советская Россия не должна потерпеть у себя аванпоста своего смертельного врага. Чем огромнее задачи и чем труднее дается восстановление Советской России в данной обстановке, когда, в противоположность буржуазной революции, дело заключается не в простом устройстве нового правительственного аппарата, а в создании нового экономического аппарата, новой культуры, тем менее может Советская республика терпеть на своей, освященной неслыханными жертвами, территории, какие бы то ни было, хотя бы замаскированные, форпосты контр-революции. Необходимо беспощадно выступить против них! Не только для того, чтобы просто сберечь Советскую Россию, а для того, чтобы обеспечить Советской России возможность развития и тем самым обеспечить приближение мировой революции, которая единственно в состоянии сбросить с пролетариата оковы капитализма.

От имени мирового пролетариата, авангард которого организован в III Интернационале, от имени этого авангарда III Интернационал ждет, что высокий Революционный Трибунал будет защищать как важнейшую предпосылку мировой революции право русской революции на безопасность и на дальнейшее развитие. Мы убеждены, что Верховный Революционный Трибунал в полной мере защитит это право!

Речь государственного обвинителя т. Крыленко.

(Печатается по отчету в „Известиях ВЦИК“а“).

— В один из минувших дней судебного следствия подсудимый Гендельман, описывая печальную историю уфимской учредилки и пытаясь объяснить причины, которые вызвали финал этой истории, сказал, что личности и случайности играют в истории иногда определенную роль, и что от действий этих личностей могут зависеть большие последствия.

Не поднимая спора о значении личности в истории, нельзя не согласиться, что на нашей земле, в условиях нашего времени, людьми творится и делается история. Люди существуют в конкретных условиях, и поскольку они имеют способность и возможность действовать, постольку от исторических обобщений надлежит обратиться на суде к живым людям и к их конкретной деятельности.

Дело будущего суда истории определять, исследовать, взвешивать и оценивать роль отдельных личностей в общем потоке развития исторических событий. Дело нашего суда произвести оценку того, что сделали конкретно данные люди, и по степени вредности или полезности их работы и деятельности определить, какие меры должны быть применены к ним.

В вопросе—сохранить или уничтожить данных живых людей, данных исторических деятелей, заинтересованы не только русский пролетариат, но и мировой. Заинтересованы в этом и слои мировой буржуазии, это можно доказать целым рядом документов.

Вся мировая буржуазия с яростью, бия себя в перси, в один голос вопиет: „Пощадите, сохраните, спасите этих высоко-нужных нам деятелей!“ Не было случаев, чтобы буржуазия бескорыстно для себя вмешивалась, и очень мало было случаев, чтобы инстинкт обманул ее, когда она должна вмешаться.

Законы республики требуют, чтобы Трибунал самым тщательным образом всмотрелся в деятельность этих людей. Ст. 5 уголовного кодекса поворит, что пролетарский суд имеет своей задачей защиту государства трудящихся от преступных и общественно-опасных элементов.

! Всем, кто вопиет о том, что здесь совершается акт политической мести, надлежит прислушаться к тому, что говорит 8-я ст. уголовного кодекса. „Наказание и другие ме-

ры социальной защиты, говорит она, применяются с целью общего предупреждения новых нарушений закона со стороны нарушителя и с целью лишения преступников возможности совершения ими дальнейших преступлений“.

Мы хотим сохранить рабоче-крестьянскую республику от опасностей и новых бедствий от деятельности данных живых людей и хотим предотвратить возможность дальнейших их преступлений.

И если бы у нас была хоть малейшая гарантия, что они в будущем не представят для нас никакой опасности, мы сказали бы, как сказал в свое время ЦК партии с.-р. Донскому: „Иди и впредь не грехи“. Но мы имеем целый ряд определенных заявлений со стороны обвиняемых, которые в этом отношении исключают всякие сомнения.

Либеров на допросе заявил: „Я считаю виновным себя в том, что недостаточно работал для свержения власти большевиков“. Берг сказал: „Я виновен, что не смог с достаточной силой бороться с Советской властью, но я надеюсь, что мое время еще не ушло“. В том же духе говорила Е. Ратнер. В декларации Тимофеева от имени всей группы обвиняемых содержится определенное заявление, что они и теперь „не отказываются от права восстания и в известных условиях его используют“.

С точки зрения революционной юстиции, нашей юстиции, уже тогда Трибунал мог бы объявить судебное следствие законченным и прямо поставить вопрос о применении мер социальной защиты или наказания. Но поскольку процесс имеет громадное значение перед лицом пролетариата, и поскольку он мог вскрыть и показать деятельность обвиняемых, судебное следствие продолжалось.

По тем же соображениям и я не могу пройти мимо событий, которые имели место в 1918—1919 г.г., тех самых событий и деяний подсудимых, о которых Вандервельде в своем заграничном интервью заявил, что в процессе нет ничего, кроме событий, „давно покрытых амнистией“.

При разрешении вопроса об индивидуальной ответственности подсудимых Трибунал должен принять во внимание все, что они делали до самых последних дней.

Закон требует, чтобы суд, при определении меры наказания, установил, во имя чего действовали подсудимые— во имя восстановления власти буржуазии, или в интересах чисто личных, что особенно важно относительно преступлений, затрагивающих интересы господствующего в России класса рабочих и крестьян. Нужно установить, совершали ли они свои преступления в полном сознании наносимого вреда, применялись ли ими насилия и жестокости, и не были ли они, наконец, профессиональными преступниками и насильниками. На все эти вопросы нужно ответить и с со-

вершенной полнотой осветить преступления, за которые миллионы рабочих и крестьян заплатились своей жизнью, а вся страна своим достоянием.

Основным является вопрос о начале гражданской войны. Тимофеев здесь заявил, что они впервые здесь, на суде, услышали обвинение в том, что они являются инициаторами гражданской войны, в которой они, на самом деле, неповинны. Когда он приехал первый раз в Петроград, то он там прочел плакаты новой власти: Да здравствует гражданская война! Мир хижинам, война дворцам! Отсюда он заключил, что большевики начали гражданскую войну.

Но ведь это старые лозунги пролетариата, лозунги классовой борьбы, которые пролетариат всегда выдвигал с первых же моментов своей жизни. И если мы взяли буржуазию за горло и сказали, что мы хотим быть господами, значит ли это, что эсеры в ответ на эти лозунги должны были вступить с нами в гражданскую войну?

По логике эсеров вышло так, что они должны были стать на защиту буржуазии и взяться за меч.

И действительно, 25 октября произошел октябрьский переворот, а 28—29 открылись первые страницы гражданской войны, во главе которой волею объективных исторических событий стала партия с.-р.

Вспомните показания Ракитина и Краковецкого. Кто в момент начала юнкерского восстания присоединился к движению, поднятому партией с.-р.? Вспомните некоего офицера, который явился к Авксентьеву и передал в его распоряжение 600 офицеров. Вспомните другого, который предложил броневики, а впоследствии был расстрелян за бандитизм. Вспомните Полковникова и его помощника Халтулари и др. и за ними длинную цепь генштабистов и лиц монархического покроя.

Почему же все они шли к эсерам. Казалось бы, что и Краснов и казаки могли воевать с большевиками сами. Но Броун объяснил, в чем дело, — если бы партия с.-р. не давала им деректив, они не пошли бы за „Комитетом Спасения Родины и Революции“. Объективная обстановка была такова, что для того, чтобы поднять движение, необходима была какая-нибудь социалистическая партия. И таковая нашлась в лице партии с.-р.

Так на первых же днях кровавой гражданской войны, которую повела против пролетариата буржуазия, эсеры оказались в первых рядах тех сил, за которыми шли тяжелой поступью батальоны буржуазии.

И если даже мы совершенно отбросим вопрос, кто именно начал гражданскую войну, кто выпустил первую пулю, и признаем только, что война двух классов неизбежно должна была разгореться, в итоге останется одно, что эсеры ока-

зались в этой войне в качестве вождей и застрельщиков на стороне буржуазии. Вот с чего начала партия с.-р.

Прогремили первые дни, первые схватки, и начались более тяжелые страницы, потребовавшие больше сил и средств для борьбы.

Наступил первый период борьбы эсеров с Советской властью, который начинается юнкерским восстанием и заканчивается днем разгона Учредительного Собрания.

На днях перед созывом Учредительного Собрания следует подробно остановиться, потому что здесь, как в фокусе, отразилась вся тактика партии с.-р. Уже здесь она показала, на что способна в настоящем своем составе мелкобуржуазная партия. И в Самаре, и на севере, и в Черноморье, и, наконец, здесь на суде всюду проявлялась обвиняемыми упорно и неизменно одна и та же тактика.

Показания Лихача, Семенова, Дашевского, Келлера и др. достаточно подробно установили историю дня разгона Учредительного Собрания.

Нам известно, что в целях подготовки к этому дню состоялось заседание так называемого гарнизонного совещания. Военная комиссия была центром, в котором сосредоточилась тогда вся работа партии с.-р.

Мы имеем неопровергнутые показания Паевского, что он получил приказ стянуть в этот день боевую дружину к Царскосельскому вокзалу, и Кононова, что он должен был собрать дружинников в Московском районе. Усов также говорил, что он пришел туда в качестве дружинника. Дружинники были разделены на две части—вооруженных и невооруженных. Последние должны были примкнуть к общей демонстрации на Марсовом поле, а вооруженные идти к броневому дивизиону.

Лихач говорил что демонстрация должна была подойти к броневому дивизиону, захватить его с собой, идти к Семеновскому полку, взять его, затем идти к Измайловскому и Преображенскому и к зданию Учредительного Собрания и передать себя в его распоряжение.

В заключение он заявил, что никакой инсurreкции, никакого вооруженного восстания не было. Между тем, мы имеем совершенно определенный план. Люди шли, чтобы захватить броневики. В Семеновском полку были Ефимов и Паевский, и там же должен был выступать Лихач, чтобы звать полк выступить с оружием в руках от имени фракции ПСР Учредительного Собрания. Обвиняемый Тимофеев говорил, как 13 броневых машин должны были занять плацдармы соответствующих улиц, чтобы обстреливать площади, а если нужно, то и Смольный.

Вот какова была действительная подготовка ПСР к этому дню, и Лихач вводил суд в заблуждение, когда гово-

рил, что никакой инсurreкции, никакого вооруженного выступления не предполагалось.

Тем не менее, ПСР было угодно назвать эту демонстрацию мирной. В печати были призывы всем идти на Марсово поле и в мирной демонстрации противопоставить большевикам свою решимость. И тем временем, когда невооруженные толпы должны были идти от Марсова поля, вооруженная группа лиц, по заранее намеченному плану и по совершенно другому маршруту, должна была идти, минуя Марсово поле, от Царскосельского вокзала и по Литейному мимо полков и, захватывая их с собой, создать вооруженный кулак, который, по откровенному признанию Тимофеева, в случае необходимости мог быть брошен на Смольный, чтобы взять его штурмом. Таким образом, все было сделано, чтобы спровоцировать столкновение и быть подготовленными к нему.

Ложь и лицемерие, лицемерие и обман, обман народных масс и своих товарищей — вот черта, которую наиболее наглядно проявила ПСР в течение этого дня.

Не напрасно Кононов, когда он после этих дней второй раз получил приказ собрать боевую дружину, приказа не выполнил, он сказал: „Я не хотел снова подставлять людей под пули“. Кононов требовал искренности, прямоты и точности там, где люди идут умирать.

Эта лицемерная, мживая в корне политика, которая была проявлена 5 января, была, однако, еще украшена арабесками, равным образом достойными внимания. Я остановлюсь на истории, почему была отменена вооруженная демонстрация.

Приказ начинать не был дан. Первая причина та, что Лихач не выступил в Семеновском полку. А он не выступил потому, что ему бюро фракции запретило. Второй причиной было то, что Семенов не дал приказа. А не дал он потому, что накануне в ночь от Гоца последовало по этому поводу запрещение. Силы, мол, не равны, и потому нельзя выступать.

В этих двух подробностях дня 5 января сказались тоже определенные черты. Эти черты будут повторяться: **в критический момент, когда нужно действовать, бьют отбой.**

И еще третий маленький штришек, который тоже чрезвычайно характерен, который относится к дням октябрьского восстания. Это — тактика и позиция, которую ПСР занимает по отношению к своим политическим друзьям и союзникам, которая в частности отразилась на отношениях ПСР к Комитету Спасения Родины и Революции.

Гоц, Авксентьев и другие с остервенением писали, что Гоц не состоял председателем этого комитета. Однако, Игнатьев говорит, что был председатель, и этим председате-

лем был Авксентьев, и что был пленум. В то же время Краковецкий показал, что военная комиссия полагала, что движение должны возглавить эсеры, а ЦК сказал, что ему неудобно, и что пусть движение идет от имени Комитета Спасения Родины и Революции. Игнатьев, передавая о заседании Пленума этого Комитета, говорил, что там не знали, кто принял постановление о восстании, а с другой стороны ПСР говорит, что она также ничего не знает об этом.

Вот новая черта, которую мы впоследствии будем встречать всюду: спрятаться за чужую спину, прикрыться чужой организацией, от ее имени действовать, а после, когда потянут к ответу, сказать: „мы тут ни при чем“.

Нигде ни капли политической искренности, нигде ни капли политической прямоты.

Следующий период охватывает собой время от разгона Учредительного Собрания и до начала июля, до разъезда из Петрограда главных руководителей и деятелей практической работы ПСР, членов ее центрального комитета, но не в лице тех, которые уехали на 8-й совет партии.

Следствие показало, что ЦК ПСР представлял собою отнюдь не сплоченное целое, а инициативную группу, и помимо нее лиц, которые хотя и шли с ней, но в громадной степени не знали того, что делает инициативная группа.

Военная работа в этот период имела не агитационно-пропагандистский характер, а получила характер более конспиративный, более узкий, более заговорщический. Отделы военной комиссии, красноармейский, боевой, броневой и т. д. начинают приобретать характер технического орудия для определенной идеи, которая, по формулировке Гоца, имела задачей накопление сил, а на самом деле, в первую очередь, арифметически - физический учет конкретных вооруженных сил, на которые можно рассчитывать в тот момент, когда это будет нужно.

Тут же мы встречаемся с первыми чрезвычайно ценными заявлениями относительно финансовых источников с. - р - ой работы. Свидетель Паевский говорил, что из Комитета Спасения стали пользоваться финансовой помощью. Лихач не отрицал эту помощь, а говорил, что поскольку они видели, что работа Союза Защиты Учредительного Собрания выходит из рамок чисто партийной работы, постольку они считали возможным брать средства от этой организации не на свою партийную работу, а на технические поручения, которые выполнялись эсерами для Союза Защиты Учредительного Собрания.

Здесь мы видим вариацию той же тактики, которая была применена в дни юнкерского восстания по отношению к Комитету Спасения Родины и Революции. Финансовые средства для совершения определенной работы брать можно, важно только, чтобы они не шли на то, что называется узкопартийной работой. Что значит в области непосредственной революционной работы эта разница между работой партийной и работой государственной? Где кончается одна и начинается другая.

Здесь опять сплошное лицемерие, стремление прикрыть одно и то же дело лозунгами не своей партии, а якобы, другой какой-то организации. Для всякого человека, который мыслит логически, который не боится сказать открыто, что он делает, ясно, что никакой принципиальной разницы здесь нет. Но эсер—фразер, человек, который не может, что называется, плюнуть, не сделав соответствующего демократического жеста.

В военной комиссии с определенного момента полностью и целиком стали работать Донской и Рабинович. К области более высокой политики в деятельности комиссии относится система вливания своих людей в Красную армию. Состоялся ряд назначений своих людей на ответственные командные должности, и при помощи связи исключительно конспиративного, заговорщического характера производилась переброска частей, которые считались своими, в нужные районы.

Гоц и другие пытались изобразить попытку волнений за Невской заставой при разоружении Преображенского полка и попытку волнений в минной дивизии пытались представить так, что здесь заговорщического элемента нет, а есть ставка на широкое массовое движение, во время которого необходимо только явиться и сказать—„мы к вашим услугам“.

Это далеко не так: в момент разоружения Преображенского полка состоялось специальное совещание, на котором принимали участие члены ЦК, и на котором было решено выступление произвести. Об этом говорят определенно показания Келлера и Кононова.

Донской дал характерное показание. Он сказал: „Мы не препятствовали их стремлению противодействовать разоружению“. В то же время Гоц сказал, что по этому поводу были мобилизованы все ячейки и ожидали соответствующих указаний. Каких указаний? Ждали, когда начнет Семеновский полк, за ним Измайловский и др., охваченные профессиональной солидарностью. Ждали, когда полки выступят и произойдет соответствующее столкновение. По словам Гоца никаких политических лозунгов и никаких политических требований и платформ эсерами не было дано. Ставка

была только на профессиональную солидарность не желающих разоружаться солдат.

Опять та же самая черта—политическая провокация в расчете, что, авось, что-нибудь выйдет, и они на этом выиграют. Ни на одну секунду они не отвлеклись от голых слов и фраз и не посмотрели, что за ними скрывается кровь.

Та же самая картина повторилась при разоружении минной дивизии. Вся история с минной дивизией сводится к тому, что минная дивизия должна была продвигаться по Неве, и это движение тормозилось чрезвычайным упорством матросов команды, которые не хотели продвигаться. Самое продвижение началось чуть ли не в начале апреля, а закончилось в мае. Настроение все повышалось, пока не произошло то выступление, которое связано с именем двух лейтенантов Лисаневича и Засимука.

Здесь на суде фигурировали документы, характеризующие ту агитацию, которая велась в минном дивизионе. Эти документы характерны своей беззастенчивой и глупой клеветой о связи Совнаркома с германским штабом. В них говорилось о вмешательстве германского штаба в назначения, и что штаб отдал приказ уничтожить Балтийский флот.

Здесь Игнатъев рассказывал, что, получив сведения об организации черносотенца Иванова, что эта организация может по своему усмотрению, как захочет разместить миноносцы дивизии, он не хотел верить. Но он сам убедился, что по приказу Иванова суда дивизии действительно изменили свое расположение. Этот факт с очевидностью показал, какая рука, какой рычаг инсценировали и провоцировали возмущение на судах минной дивизии.

И вот с такого рода агитацией, с такого рода союзниками находили возможным действовать и совместно ставить свою ставку на движение представители П. С.-Р.

Чтобы еще более уяснить этот вопрос, я в свое время задал вопрос Донскому, что они сделали, когда убедились, что организация Иванова определенно черносотенная и что она связана с германским штабом. Что сделали они, сторонники Антанты, чтобы положить предел интригам германского империализма? Оказывается, что мер никаких принято не было.

Свидетель Келлер рассказал о попытках координировать действия, в целях совместной борьбы и совместного выступления против Советской власти с организацией Филоненко. После блока с германскими шпионами это был политический блок с российской черносотенной организацией.

Келлер показал, что после заседания с Филоненко денежные средства эсеровской организации усилились. Семенов еще более определенно показал, что в данном случае действительно имело место финансирование.

Ссылками на показания целого ряда свидетелей и приложенные к делу документы т. Крыленко устанавливает непосредственную и тесную связь эсеров с „Союзом Возрождения“. Поц входил в „Союз Возрождения“ не только с информационными целями, как он утверждает, но и с целями практическими. Он вместе с Игнатьевым стоял во главе политического отдела военной организации „Союза Возрождения“ и принимал активное участие во всей работе последнего.

Получали ли эсеры деньги от союзников и от „Союза Возрождения“, чекисты это отрицают. Но своими путанными и уклончивыми ответами они вполне подтверждают показания подсудимого Игнатьева о том, что эсеры союзные деньги брали. Сопоставляя показания Игнатьева, Николая Иванова, Ефимова и др. с датами отъезда их из Москвы в Петербург и из Петербурга в Москву, т. Крыленко устанавливает, что эсеры получали деньги от „Союза Возрождения“.

В эсеровских кругах в Питере царила большая неразбериха. Но еще большая неразбериха была в головах у эсеров в Москве. Г. Ратнер и Коган-Бернштейн выдвигают в Московском Совете лозунг: „Долой гражданскую войну внутри демократии!“ В это же время другая группа эсеров выдвигает противоположный лозунг: „Долой власть советов!“ И рядом с этим выдвигается авантюра д-ра Павлова. Что такое представляла из себя организация д-ра Павлова? В нее входили домовые организации и организации церковных приходов—картина более красочная, чем мы видели до сих пор.

Как относился к этой организации д-ра Павлова член ЦК Гендельман, свидетельствует Канделаки. Он встретился с Гендельманом и спросил его: „Что мне делать, Павлов меня тянет в свою организацию. Имеет ли Павлов полномочие?“

Нет, не имеет,—ответил Гендельман,—Как же тогда мне поступить?—спросил Канделаки.—А как бог на душу положит,—ответил Гендельман.

Тянули в эту организацию и Шестакова, но он сказал: „Пожалуйста, увольте меня от этого“. Шестакова тянул в организацию Павлова Г. Ратнер, тоже член МК. Два члена МК и оба по-разному относятся к одной и той же эсеровской организации.

Идем дальше. Канделаки при разговоре с д-ром Павловым выражает сомнение, что у него есть санкции ЦК на его организацию. Павлов отвечает: „Что там ЦК, там слюнтяи сидят. А у меня бюро фракции Учред. Собрания. Не верите? Хотите сейчас всех покажу: и Аргунова, и всех“.

А другой старый эсер Фейт думал иначе. Он вступил в организацию Павлова. Он говорил здесь на суде, что в штабе Павлова были два полковника, один хороший, другой

скверный. Хороший—знаменитый Махин, а скверный—Траченко, потому что он не был эсером. Но за ним был хвост в тысячу или полтысячи офицеров, и поэтому его держали.

Вот что за организация была у д-ра Павлова. И в эту организацию входил управляющий делами ЦК, старый эсер.

Для еще большей характеристики царившей в эсеровских умах неразберихи тов. Крыленко снова возвращается к организации д-ра Павлова. Какие цели ставила себе эта авантюристская организация? Подготовку боевых дружин для вооруженного восстания и для защиты Учредит. собрания, если оно соберется в Москве. И это было в Москве после октябрьских дней, о которых так красочно рассказывала на суде Евгения Ратнер: революционный цвет—юнкера и прапорщики подавляют народные беспорядки в виде октябрьской революции, а народные массы либо дерутся на стороне большевиков, либо сидят в казармах. Когда же оказалось, что юнкеров и прапорщиков для подавления „очередных народных беспорядков“ недостаточно, обратились за помощью к фронту. Нашли Гродненский полк, который считали своим, но и он отказался идти на защиту демократии. И после этого снова организуют боевые дружины. Можно ли придумать более рискованную авантюру?

В это время приезжает в Москву Тимофеев. Вот два характерных штриха из деятельности Тимофеева в этот период. Тимофеев вместе с полковником Махиным рассматривает карту и секретные военные документы, похищенные из мобилизационного отдела штаба Красной армии. Определяет военные округа. И тут же решает вопрос о назначении на военные должности в Красную армию заведомых изменников и предателей, в роде полковника Махина.

— Это чрезвычайно важный момент,—говорит тов. Крыленко. Лица, которые в момент нашей самой тяжелой борьбы насаждали в Красную армию изменников и предателей, благодаря чему потом десятки, сотни, тысячи красноармейцев падали мертвыми,—этим лицам, этим изменникам и предателям, мы не простим той крови, которая тогда была пролита.

— Пусть русские рабочие и крестьяне знают,—восклицает тов. Крыленко, обращаясь к подсудимым,—что вам было сделано тогда на ваших секретных заседаниях, и пусть они предъявят вам счет за свои страдания и кровь. Тут мы будем не шутки шутить с вами. Тут вопрос идет о защите и обороне государства, которое мы завоевали и за которое отдали столько сил и крови!

Тов. Крыленко переходит к характеристике отношения эсеров к союзникам и Брестскому миру.

И здесь та же двойственная политика и то же политическое двурушничество. Еще до заключения Брестского мира появилась декларация ЦК, в которой говорилось, что пар-

тия не признает Брестского мира, что она считает Россию продолжающей находиться в состоянии войны и отвергает мирные переговоры.

В это же время возник вопрос о восстановлении восточного фронта. Вначале он обсуждался только внутри ЦК и лишь на 8-м совете партии был разрешен публично и официально. Возник вопрос, с кем бороться и как бороться, и кто должен вести переговоры с союзниками о восстановлении восточного фронта. Этот вопрос различными организациями разрешался по-разному. ЦК решил, что Учредительное Собрание, вернее—оставшееся 'охвостье Учред. Собрания, в лице фракции эсеров, есть власть, которая может вести переговоры с союзниками. Фракция Учред. Собрания с этим как будто бы согласилась и издала циркуляр о земле, нечто в роде закона, за подписью Чернова, в качестве председателя Учред. Собрания. Этот циркуляр был распространен среди населения. Но потом фракция передумала и решила, что хотя она и власть, но вступать в сношения с иностранными государствами все же не может. ЦК пересмотрел свое решение и согласился с фракцией.

Неразбериха продолжается и дальше. 8-й совет партии принял лозунг: вооруженная борьба с Советской властью за власть Учред. Собрания. А 25-го мая, т.-е. через 10 дней после совета партии, в Петербурге состоялось совещание по инициативе Игнатьева, на котором участвовали эсеры Аргунов, Авксентьев, Мойсеенко и друг. На этом совещании обсуждался и был решен вопрос об учреждении директории. Директория—не Учредит. Собрание. Это две совершенно различные власти, и обе эти власти были приняты одними и теми же лицами. В директорию должны были войти буржуазные элементы. Эсеры открыто вступили в блок с буржуазией.

В этом отношении характерно показание члена ЦК Ильешевича. Он утверждал на суде, что если бы какой-нибудь член партии без ведома ЦК вступил в организацию, в которой участвуют беспартийные и буржуазные элементы, то такой член был бы исключен из партии. А когда его спросили: а если—с ведома ЦК?—он ответил, что таких случаев он не знает и не допускает.

Один член ЦК не допускает, а другие не только допускают, но и сами входят. Здесь то же самое политическое двурушничество.

8-й совет партии признал, что возрождение России мыслимо только при технической и материальной помощи союзников. Но сначала должны быть свергнуты большевики, и установлена твердая демократическая власть. В это же время 8-й совет партии интервенцию союзников отвергал. Тех-

ническую и материальную помощь последних он рассматривал, как договор двух держав. Но это было только теорией на бумаге, на практике получилось совершенно другое.

Первые переговоры относятся к февралю 1918 г. Эти переговоры вел Виктор Чернов с Шарлем Дюма. Виктор Чернов спросил Дюма, поддержат ли союзники Учред. Собрание. Вот, что было у эсеров на первом плане, а отнюдь не восстановление восточного фронта и не борьба с Германией.

Это же подтверждается и резолюцией 8-го совета, в которой говорится, что Советская власть должна быть уничтожена даже в том случае, если она нарушит Брестский мир и возобновит войну с Германией.

Во время переговоров Шарль Дюма обратил внимание на оговорку в резолюции 8-го совета о суверенной власти. Сначала суверенная власть, а потом помощь союзников для восстановления восточного фронта! Эсеры авторитетно разъяснили сомнения Шарля Дюма. Они сказали, что эту оговорку нельзя понимать дословно. Не обязательно сначала суверенная власть, а потом помощь союзников. Может быть и наоборот: сначала помощь союзников для свержения большевиков, а потом уже суверенная власть, установленная при помощи союзников.

Как относились эсеры к десанту? По-разному. К десанту во Владивостоке они отнеслись отрицательно, считая его неприемлемым. Десант в Архангельске они считали вопросом третьестепенным. Это неверно. Об этом свидетельствует Шарль-Дюма, который в одном из своих докладов утверждает, что эсеры протестуют против десанта во Владивостоке, но ждут десанта в Архангельске где может собраться 200—300 тысяч вооруженных солдат, которые составят ядро „русской армии“. Задачи этой армии ясны: борьба с Советской властью.

Весь ход процесса и все свидетельские показания подтверждают, что эсеры только на бумаге выдвигали принцип: сначала демократическая власть, а потом союзный десант. И от всей эсеровской шумихи о национальном позоре, о восстановлении восточного фронта, о продолжении войны с Германией—ничего не остается. Дело обстояло проще. Группа русских граждан вошла в соглашение с представителями иностранных государств в контр-революционных целях. За этим последовали события, которые стоили рабочим и крестьянам России моря крови и неисчислимых бедствий.

Создается самарский фронт. Тимофеев, который говорил раньше, по его словам, с Шарлем Дюма, как журналист с журналистом или как социалист с социалистом, вступает в переговоры с Эрлишем уже не в качестве частного лица, а в качестве посла самарской учредилки. Он ведет переговоры не только с Эрлишем, но и с чехо-словацкими офицерами.

и получает „вербальную ноту“ от французской миссии, которая советует такой-то состав правительства. Тимофеев считает это интервенцией во внутренние дела России и возражает против вербальной ноты.

Далее следует знаменитая военная конвенция, о которой так конфузливо и с разными оговорками говорил на суде Тимофеев. Смысл этой конвенции таков: союзники дают офицеров, технических руководителей, взрывчатые вещества, а по словам Давыдова, и деньги. А эсеры будут взрывать поезда, разрушать мосты и ж.-д. пути, разорять народное хозяйство Советской России.

Проще эту военную конвенцию можно характеризовать так: **иностранное правительство в чужой стране находит наемных слуг. Оно не хочет само пачкаться в грязных делах и нанимать для этих грязных дел агентов.**

— Скиньте вашу тогу,—говорит т. Крыленко, обращаясь к Тимофееву.—Вы выступали в роли наемных агентов для разрушения ж. д., взрыва мостов, разорения народного хозяйства России!

В дальнейшей части своей речи тов. Крыленко характеризует тактику иностранных послов в России. Они направо и налево раздавали различные обещания различным группировкам, и находились наивные бабочки, которые летели на эту приманку. Эсеры знали, чего хотели союзники—порабощения России. И тем не менее они им верили и шли к ним. Или же,—что еще хуже,—шли к ним, не веря.

Несчастливая разоренная страна, только что вырвавшаяся из-под царского ига, не могла дольше выносить империалистической бойни. Она вынуждена была заключить мир, хотя бы какой-нибудь, хотя бы „брестский“ мир. Страна истекала кровью и нуждалась в отдыхе.

В это время является группа людей, которая говорит: а мы этого мира не признаем, мы его отвергаем, мы будем продолжать войну.

Неужели эсеры серьезно думали, что эту новую войну примет измученное и истрадавшееся крестьянство? Неужели они не понимали той политической ответственности, которую они на себя брали, вовлекая страну в новую империалистическую бойню?

Да, они не понимали этой ответственности, у них не было политической ответственности, а были лишь фразы о национальном позоре.

Когда эсеры захватили власть Самары, они отправили союзникам декларацию: мы будем продолжать войну с немцами, но дайте нам снаряды, дайте вооружение, дайте деньги.

Обвиняемые выдвигали теорию, что чехо-словацкое восстание явилось результатом приказа о их разоружении, продиктованного, якобы, Мирбахом. Между тем, документы, на-

ходящиеся в деле, исходящие из чехо-словацкого источника, документы РВСР, показания Серового и Войцеховского, которых нельзя обвинить в сочувствии к большевизму, устанавливают совершенно иное.

В продвижении чехо-словаков на Владивосток обстояло благополучно до тех пор, пока не произошел инцидент 25—26 мая в Челябинске. Что вызвало этот инцидент? Ранее Маршал говорил, что Франция требовала переброски чехо-словацких легионов во Францию, а личная политика Нуланса заключалась в том, чтобы задержать, создать столкновение и на этой почве доказать свою, Нуланса, пригодность для колониальной политики Франции. Это яркий пример империалистического бесстыдства и цинизма, свойственного капиталистическому строю.

Когда чехо-словаки двинулись на Владивосток, самарская организация ПСР послала к ним свою делегацию с просьбой остаться.

И под охраной чехо-словацких штынов начинается эсеровское движение. Авксентьев совершенно прав, когда он пишет, что в отношении чехо-словаков постановление 8-го совета партии было лицемерием. Партии нужно было использовать иностранную силу для восстановления своей власти, и это было сделано. Все разговоры о том, что речь шла о восточном фронте, оказались, конечно, пустой болтовней. Болтали о немцах, о мадьярских легионах, а дрались с русскими рабочими и крестьянами, дрались под командой российских золотопогонников. Вот что практически вышло из иностранной политики Тимофеева.

Переходя к работе ПСР на Севере, необходимо остановиться на работе вологодской ее организации.

По показаниям Бессонова, в Вологде была военная организация, состоявшая сплошь из эсеров. Местный комитет ПСР не знал, что делать с этой военной организацией, и никаких директив из центра не имел. Но вот председатель губернского комитета Маслов, он же член бюро учредилки, входит в состав „Союза Возрождения“ и начинает работать. Комитет делает постановление о механическом выходе Маслова из комитета. Эта мелочь характерна, потому что она обнаруживает разницу между верхами партии и ее низами, где политически честных элементов в 10 раз больше. В низах чувствуют, что пахнет нехорошо. Сидит Гелеспи, дает деньги, на эсеровской явке являются белогвардейцы и всякая шантрапа. Перед низами встает вопрос, как быть. Но вот приезжает Маслов, приезжает другой генерал Дедушенко,—и начинается работа. Привезли динамит, стали говорить о взрыве мостов. Мощенко в комитете сделал доклад, в котором говорил: мы учиним восстание в Вологде вместе с Архангельском, вместе с десантом, а партийный ко-

митет пусть держит нейтралитет. При такой позиции низов партии верхи и делали свое преступное и предательское дело.

Установилась связь с доктором Ковалевским, через эсеровские явки пошли ссылающиеся белогвардейцы, появился Якиманский, Чаплин. Лихач говорил, что впоследствии Чаплин был посажен в Архангельске в качестве командующего всеми военными силами потому только, что не было другого спеца. Его посадили не потому, что он был спец, а потому, что он был членом организации. Это тот самый Чаплин, который потом арестовал в Архангельске эсеровское правительство.

При допросе Дедусенко относительно архангельского периода, с большим трудом, но все-таки удалось установить, что там перед переворотом шли переговоры относительно состава правительства, шла подготовка его членов. Были споры относительно характера будущего правительства. Чайковский настаивал на включении в декларацию указаний на „Союз Возрождения“, и в результате были допущены два корректива. Во-первых, в состав правительства пустили двух кадетов, а во-вторых, решили высказаться за новое Учредительное Собрание.

Вопрос совершенно ясен. Был компромисс с „Союзом Возрождения“, в результате которого было создано верховное управление.

Чтобы закончить архангельский период, я коснусь только знаменитого доклада Лихача 6 августа на заседании Архангельского правительства. Шел вопрос о Советах Рабочих Депутатов и было решено „вопрос о создании классовых широких организаций рабочих в виде Советов оставить открытым, впредь до разрешения этого вопроса... вместе с союзниками“.

Сопоставьте с этим заявление Майского относительно Самары, где также шел вопрос о Совете Рабочих Депутатов, и где эти Советы в определенный момент прекратили свое существование, потому что их лишили помещения.

Что делали союзники в Архангельске, как они третируют верховное управление — совершенно ясно. Объективный итог мной был уже резюмирован в результате допроса Лихача об архангельском периоде. Предвидя неизбежность десанта, зная хищническую породу буржуазии, особенно военной, в целях предотвращения оккупации, ЦК послал двух своих членов и ряд работников, чтобы образовать на севере правительство и потом вместе с союзниками продолжать борьбу с большевиками. Они учинили все, что надлежало сделать, столкнулись с хищническими аппетитами империалистов, были арестованы и отправлены в Соловки, потом освобождены союзниками, а затем через пять или семь

дней уехали в Сибирь, заявив, что за все дальнейшее, что произойдет с рабочими и крестьянами севера, они политической ответственности не несут.

И после этого отъезда, до февраля 1920 года, на севере России распоряжался английский военный чин и английский военный капитал, гнул русского рабочего и крестьянина в дугу, благодаря Лихачу, который помог им под покровом красивых фраз сесть на шею русскому мужику и рабочему. Вот объективная работа, которая проделана Лихачем в Архангельске с благословения ЦК ПСР.

Последний день, когда власть архангельских оккупантов колебалась, и когда вопрос о восстановлении Советской власти стоял уже в порядке дня, в этот момент собралось земское и городское собрание, состоявшее в значительной части из эсеров. Узнав о том, что английские оккупанты уходят, это собрание составило свое знаменитое воззвание, смысл которого был таков: „Вы пришли, и мы во имя человечности вам поверили, а теперь вы нас бросаете на произвол судьбы, и мы потеряем свою жизнь, так как не все можем скрываться в прекрасные земли Англии и Франции. Пожалейте нашу жизнь!“.

Так писали эти шкурники и предатели, подлинные изменники делу рабочих и крестьян, представители П. С.-Р., защитники всеобщего избирательного права и основ демократического самоуправления, разогнавшие в свое время Советы Рабочих Депутатов при помощи и с благословения Лихача и друг.

Одновременно были посланы извещения не только правительствам Франции и Англии, но вместе с тем Гендерсону и Вандервельде. У них также просили помощи и звали спасать.

На 8-м совете было сделано горделивое заявление: „Не ищите никакого спасения и возрождения вне собственных материальных и духовных ресурсов. Суверенная власть заключает договор с суверенными правительствами Англии и Франции“ и ряд других заявлений в том же роде. Это на словах, а на деле верноподданническое и самое жалкое пособничество Антанте при оккупации Архангельска и использование чехо-словаков в Самаре для захвата власти.

Период деятельности П. С.-Р. на Украине представляет собою наиболее трудную для анализа эпоху. Здесь смена властей и претендентов на власть представляет целый калейдоскоп. Но из этой запутанной картины благодаря свидетельским показаниям можно выделить период первой Украинской Рады, вопрос о Брестском мире, о национальном самоопределении и об отношении П. С.-Р. к рабочему движению в период гетмановщины.

К этому периоду относится также история с финансированием организации П. С.-Р. французскими деньгами, но за счет сибирского правительства. Свидетель Краковецкий в качестве комиссара сибирского областного контр-революционного правительства на Украине был занят эвакуацией с фронта после империалистической войны сибирских военных частей в Сибирь. В связи с этим он вошел в сношения с французским агентом, генералом Дабуи, и тот согласился его субсидировать, чтобы создать боеспособные части и использовать их впоследствии, якобы для борьбы на знаменитом восточном фронте.

Об этих переговорах было известно члену ЦК Герштейну, и когда переговоры подходили к концу, Герштейн обратился к Краковецкому с просьбой, чтобы он уделил часть французских денег на партийные нужды.

Герштейн уверял в суде, что ему деньги были нужны для продвижения застрявших воинских частей. Но при допросе Краковецкого, на поставленный ему Тимофеевым вопрос, Краковецкий категорически подтвердил, что Герштейн настойчиво добивался получить на нужды партии французские деньги от сибирского правительства.

В свое время Чернов в „Революционной России“ обмолвился фразой, смысл которой таков, что если бы политическая партия взяла деньги от кого-либо из представителей буржуазных государств, это было бы равносильно ее политическому самоубийству. Получил деньги Герштейн или не получил, это роли не играет. „Ежели нехватило сил,— говорит поговорка,— то похвально самое желание“.

Мы имеем полное утверждение, что никогда и ни при каких условиях П. С.-Р. не была или не хотела быть в финансовой зависимости от иностранного капитала. Но если сопоставить указанный факт со всем тем, что говорилось уже мною о финансовой поддержке из „Союза Возрождения“ и „Антантой“, общий итог будет ясен. Слова—это было одно, а дело—другое.

В отношении Брестского мира факты являются твердо установленными: фракция эсеров в Центральной Раде голосовала за предоставление делегации права на заключение Брестского мира с немцами, сепаратного от российской делегации, против Советской России.

Известны молнии и громы эсеров по поводу Брестского мира. Между тем тот сепаратный мир, за который голосовала фракция эсеров в Раде, по словам свидетеля Рафеса, означал для Украины фактическую оккупацию. Тем не менее, несмотря также на то, что такой мир противоречил принципу борьбы против германского империализма, соответствующий вотум был дан.

Впоследствии областной комитет П. С.-Р., якобы, отменил это голосование, а Рихтер на 8-м совете был удален из состава ЦК. Пусть будет так. От этого нисколько не изменится то положение как поступили в данном случае официальные руководители П. С.-Р., члены ЦК, специально посланные на Украину. Практически это была помощь и блок с Центральной Радой.

Компенсация со стороны последней должна была заключаться в блоке националистической рады с представителями российской мелкой буржуазии в лице П. С.-Р. на предмет борьбы с Советской властью.

Принципиальная позиция ПСР в национальном вопросе известна давно. Когда пробудившееся национальное сознание населения данной территории ультимативно ставило вопрос о своем национальном самоопределении, как это было в 1917 г. с Украиной и Финляндией, централистические стремления в П. С.-Р. преобладали. На Украине в указанном случае мы видим обратное. Здесь принцип централизма бросается в сторону, и целиком допускается возможность сепаратного признания националистических группировок, в частности Центральной Рады, и возможность разрыва федеральной связи с Россией. То, что было недопустимо к буржуазной России Керенского, становится допустимым по отношению к рабоче-крестьянской России.

В июле 1918 г., уже в период гетманщины, имела место стачка железнодорожных рабочих. По словам Рафеса, эта стачка встретила со стороны российских эсеров резко отрицательное отношение. Эсеры высказались против забастовки и революционной борьбы под тем предлогом, что это будет на руку только большевистской власти.

В ноябре 1918 г., в период междуцарствия, когда Украинский Национальный Союз с Винниченко и Петлюрой провозгласили восстание против гетманской власти, был поставлен на совещании представителей профсоюзов, демократического центра и П. С.-Р. вопрос о провозглашении явочным порядком власти городских дум. И в этом случае эсеры, опасаясь эволюции в сторону большевизма, высказались против.

В отношении восстания, поднятого Петлюрой, свидетель Иванов говорил, что в общем и целом П. С.-Р. была склонна идти на соглашение.

Сам Тимофеев говорил, что он занял иную позицию, которая сводилась к тому, что эсерам не по пути с Петлюрой, а потому им пришлось занять не актуальную позицию, а только декларировать.

Может ли политическая партия, представительница рабочих, за которой идут и крестьяне, как говорили эсеры, в такой критический момент, когда шел вопрос о самом

строительстве государственной власти, занять позицию не актуальную, а такую, которая сводилась к декларированию?

Фактически, по словам Б. Иванова, положение было иное, чем говорил Тимофеев. В Киеве сидел гетман, вокруг Киева шла борьба с Петлюрой, а за Петлюрой следовали большевики. Опасались нашествия большевиков, и позиция была не декларативная, а позиция против большевизма, против рабочих и крестьян, против советов вместе с буржуазией.

На Украине имел место немецкая оккупация в виде гетмановщины, имела место буржуазная реакция в виде денкинской, алексеевщины и т. д., и в отдельные промежутки времени имела место Советская власть.

Казалось бы, что перед руководящими элементами П. С.-Р., должен быть встать прежде всего вопрос о борьбе с немецкой оккупацией. Но эту борьбу можно было только вести организацией движения рабочих и крестьянских масс. Эсеры предпочли вести эту борьбу совместно с буржуазией и с Антантой, в качестве их покорного пособника и слуги.

Иванов в качестве члена Областного Всеукраинского Комитета ревизовал деятельность военной комиссии и не нашел здесь никакого криминала. Браун, письмо которого приобщено к делу, говорит, что он установил преступный факт получения Германом или Пашутинским антантовских денег. Брауну это было известно, тем не менее ни пленум областного комитета, ни совет П. С.-Р., который состоялся позже, не распустили военной комиссии.

Криминальные факты—получение денег от Антанты и разные другие художества были известны и обвиняемому Г. Ратнеру. В чем, именно, состояли эти художества, подробно рассказали свидетели Кудря и Алексеев.

Кудря говорил, что он ушел из военной комиссии потому, что не мог работать в той атмосфере, которая там господствовала. Он говорил о поездке Германа в добровольческую армию к Алексееву, о беседе его там с ген. Романовским по вопросу о финансировании, о привозе оттуда денег, о постановке вопроса о финансировании вообще Антантой деятельности комиссии по борьбе с гетмановщиной и проч. Факт составления смет и поступления, таким образом, П. С.-Р. на службу к антантовскому капиталу, его борьбы с другим капиталом является установленным.

Свидетель Алексеев также говорил о поездке Германа и о том, какой характер приняла деятельность военной комиссии после этих поездок,—(характер белогвардейской грязи, грязи и подлости. И это было тогда, когда во главе комиссии стояла пятерка, и в эту пятерку входил официальный представитель областного комитета Сухомлин, по характеристике обвиняемых, „кристальнейший человек“. В

комиссии появились Параделов, бр. Коварские, Минор—все имена достаточно известные. Одним словом, комиссия обросла деятелями „Союза Возрождения“ и русской белогвардейщиной.

Мы имеем также указания на деятельность Коера и Александровского, которые работали в военной комиссии, один по саботажному отделу, а другой—по контр-разведке. Факт поездки их обоих в Москву есть факт вполне установленный. То, что они были в связи с Антантой и шпионажем—это тоже факт.

Из Москвы они привезли с собой деньги. Если бы это были деньги из кассы ЦК, об этом, вероятно, было бы моментально заявлено здесь на суде, ибо это было бы лучшим способом реабилитироваться. Но это не было сказано, и остается, следовательно, неопровергнутым факт, что деньги были получены, как говорили свидетели, от Локкарта.

Остается последний факт, о котором говорил свидетель Пашутинский: могла ли состояться у Локкарта встреча Александровского и Коера с обвиняемым Донским.

Сам Донской путем установления хронологических дат пытался установить, что во время поездки Коера и Александровского его не было в Москве. Но, подходя к этому вопросу с максимальной объективностью, должно сказать, что, несмотря на все попытки Донского, нет ничего невозможного в его свидании у Локкарта с Коером и Александровским.

Работа военной комиссии не только не была прекращена но она даже нашла своего официального апологета в лице Фундаминского. Свою защиту он мотивировал тем соображением, что „где террор, там и грязь“. Это тот самый Фундаминский, который затем принял участие в Яеском совещания с союзниками от имени „Союза Возрождения“ и в качестве члена П. С.-Р.

Нам говорят все время, что в борьбе с Деникиным П. С.-Р. направила против него все свои громы и молнии, вплоть до террористических актов. Нам говорили, что Всеукраинский областной комитет распустил в Киеве городской комитет П. С.-Р., который стоял на той точке зрения, что работа в городской управе при Деникине является вполне допустимой для членов партии. Но в деле имеется документ, который удостоверяет, что члены фракции Ц. С.-Р. в городской думе, где заседали воротилы и верхи эсеровской партии, заявили, что постановление областного комитета они не считают для себя обязательным.

Не менее яркие факты и из екатеринодарской истории. Свидетель Гельфгот на вопрос об отношениях к добровольческой армии не дал прямого ответа, ибо ответ и без того был ясен. Человек, который сотрудничал в эсеров-

своей екатеринодарской газете „Родная Земля“, считает, что добровольческая армия имеет реакционные верхи и нереакционные низы. Поскольку низы нереакционны, отношение к армии положительное, а поскольку верхи реакционны, отношение должно быть отрицательное. А когда вопрос коснулся практических отношений, Гельфгот заявил, что, поскольку добровольческая армия являлась слагаемым в общем деле борьбы за общенациональные задачи, эта задача поглощала все частности, в том числе и партийные принципы.

Здесь говорилось о докладной записке уфимского представителя. Как бы обвиняемый Донской ни хотел отвертеться от этой записки уфимского представителя, он от нее отвертеться не может, ибо имеется ряд документов, подтверждающих факты, в ней изложенные.

А факты таковы, что был представитель алексеевской армии, и что с этой армией установилась непосредственная связь. Для делегирования в эту армию испрашивался полковник Махин. Одновременно была установлена радиотелеграфная связь и шифр для соответствующих сношений.

Как в вопросе национальном, так и в вопросе об отношениях к Антанте, о средствах, о связи с Алексеевым и с добровольческой армией—везде позиция ПСР была одинакова. Обвиняемая Е. Ратнер дала философское обоснование поведения своей партии, когда сказала, что члены юго-восточного комитета Учредительного Собрания были обязаны снимать социалистический ярлык, приносить его в жертву общедемократической задаче и во имя этой задачи выполнять грязные обязанности, называя это общегосударственной точкой зрения.

Что такое добровольческая армия, Деникинщина, что такое связь с белогвардейской офицерщиной, нам великолепно известно, и поскольку ко всему этому приложили руку представители ПСР и в частности Е. Ратнер, Тимофеев и Герштейн, и поскольку нам нужно доказать связь ЦК с периферией и руководство ею—это представляется установленным.

Верхи партии, мнящие себя политически зрелыми людьми, которые считали, что только они могут трезво и реально учитывать реальные силы и строить политику партии, на практике были изменниками по отношению к рабочим массам и ввели низы своей партии в трясину оппортунизма.

Особенно пикантен заключительный аккорд из деятельности верхов ПСР на юге, когда сливки ЦК собрались в Одессе под крылышком французского десанта, и пользуясь по их словам, „легальным правом существования“, в самый критический момент жизни партии, когда ставился вопрос о подведении итога всех ошибок и преступлений, совершенных

в 1919 году, создали здесь южное бюро ЦК и написали свои тезисы, где подчеркивают расхождение в данном вопросе с общим настроением, которое господствовало в партии. Они в своих тезисах предлагали „не прекращать ни на одну минуту вооруженной борьбы с противниками народовластия“.

Вот итог всей политики ЦК ПСР украинского периода.

Если события, имевшие место в течение 1918 года, подверглись на суде подробному обследованию, то события 1919, 1920 и 1921 г.г. не были обследованы в полной мере. Но, тем не менее, основные факты и события этого периода освещены настолько, что они дают полную картину деятельности партии эсеров.

Исходным и основным моментом второго периода является IX-ый Совет партии и принятые им резолюции. Что представляют из себя эти резолюции, как они понимались и практически осуществлялись? Как толковались резолюции IX Совета цекистами, мы знаем из деклараций Тимофеева, произнесенных им на суде в начале процесса и впоследствии вполне подтвержденных подсудимым Гоцем. И Тимофеев, и Гоц говорили здесь, что IX Совет партии отказался от вооруженной борьбы с Советской властью только на ближайший период.

— Мы не отказались от вооруженной борьбы с Советской властью вообще,—говорили они.—Но в данных конкретных условиях это не являлось целью, которую ставила себе партия в этот период. Мы решили накапливать и организовывать силы.

— С точки зрения уголовного кодекса,—говорит тов. Крыленко,—это различие существенного значения не имеет. По уголовному кодексу одинаково караются как участие в вооруженном восстании, так и участие в подготовке к нему. С точки зрения уголовного закона важна лишь цель, к которой стремились обвиняемые—свержение Советской власти.

Но с точки зрения политической, этот вопрос играет перво-степенную роль, если принимать резолюцию IX-го Совета буквально. Но если разберем вопрос по существу и детально, то разница станет второстепенной и даже третьестепенной.

Отказ от вооруженной борьбы сейчас, в данный момент не есть еще переход к легальной работе, допускаемой и не караемой Советским законодательством. Между этими двумя моментами дистанция огромного размера.

Другое дело, если бы IX Совет партии прямо и категорически заявил: «Мы отказываемся от вооруженной борьбы навсегда. Мы признаем все Советские законы, безусловно им подчиняемся и будем их исполнять. Мы признаем Советское государство и будем лишь критиковать работу Советской власти». Это был бы переход к легальной работе.

Но резолюция IX-го Совета в толковании Тимофеева и Гоца говорит совершенно другое: Мы отказываемся от вооруженной борьбы в данный момент, но отнюдь не отказываемся от борьбы вообще и будем продолжать ее, но меняем лишь тактику борьбы. От вооруженной борьбы мы переходим к борьбе политической, конечной целью которой попрежнему ставим свержение Советской власти.

В таком толковании резолюция IX-го Совета есть не что иное, как простой тактический ход, но отнюдь не переход к легальной борьбе, к легальной деятельности. Одной из иллюзий, одним из фетишей, заведомо и сознательно распространяемых представителями так называемой чистой демократии является утверждение, что любой политический государственный порядок, любой политический государственный строй, а в особенности строй, который блещет всеми цветами радуги истинной демократии и истинного парламентаризма, что этот строй обеспечивает возможность спокойного и безболезненного разрешения социальных конфликтов.

Но вся история социальных конфликтов 19 века и первой четверти 20-го века доказывает как раз обратное. Никогда ни одна, даже наиболее широкая, наиболее развитая форма так называемой парламентарной демократии не являлась средством или формой, под покровом которой или в рамках которой социальные конфликты могли бы разрешиться спокойно и безболезненно. Рабочий класс Западной Европы и России, в достаточной степени, на собственном опыте, в этом убедился. Государственный аппарат всегда и во всех случаях есть только аппарат господства, аппарат насилия того или иного господствующего класса. Государственный аппарат используется господствующим классом только в интересах и целях этого класса.

Когда возникают социальные конфликты, классовая война развивается и власти господствующего класса угрожает опасность, все так-называемые конституционные гарантии, все иллюзии, все формы парламентарной демократии, как чистой, так и всякой другой, летят в трубу, и вопрос разрешается открытым соотношением реальных сил на улице. Это — всем известная азбука. Поэтому, когда нам заявляют: дайте нам легальную форму борьбы, и мы торжественно декларируем, что будем ультра-лояльными, такое заявление мы, реальные политики, не можем рассматривать иначе, как лицемерие, как ничего не значащие и ни к чему не обязывающие пустые фразы. Торжественное обещание ни к чему не обязывает. В любой удобный момент декларация будет положена в карман, и вопрос решится на улице реальным соотношением сил.

Другое дело, если бы торжественное обещание сопровождалось заявлением, что партия признает данный политический порядок, данный государственный строй, Советский строй для себя приемлемым и никаких покушений на него, на свержение Советской власти, делать не будет. Такого заявления нет. А без него декларация является лицемерием. IX Совет партии предъявил Советской власти ультимативное условие: „Мы согласны разрешить наш спор с вами через свободно избранные советы. Дайте нам гражданские свободы, гарантируйте свободу выборов в советы, пусть эти свободно избранные Советы соберутся и разрешат наш спор. Мы этому решению подчинимся“.

А Виктор Чернов в статье в „Деле Народа“ от 10 марта пошел в этом отношении еще дальше. Он предлагал разрешить всенародным голосованием не только спор эсеров с коммунистами, но и спор с Колчаком. Ясно для всякого, что обращение с подобным предложением к Колчаку было бы бессмысленно, как было бессмысленно и обращение к Советской власти, если принять во внимание политические и стратегические условия, в которых тогда находилась Советская Россия. Это было весной 1919 года, когда на Востоке нам угрожал не разбитый еще рожденный эсерами Колчак, а с юга на нас надвигались банды Деникина. Северный фронт не был еще ликвидирован. На западном фронте тоже было не все благополучно. Советская Россия, была окружена врагами, которые со всех сторон на нее нападали. Все ее внимание было сосредоточено на борьбе с этими врагами.

Наше продовольственное положение было в то время критическим. Транспорт разрушен. Советская власть напрягала все усилия, всю свою энергию для борьбы с окружающими ее со всех сторон врагами в этих неимоверно тяжелых условиях. Она была занята только этой борьбой.

В этот тяжелый для Советской республики момент к Советской власти приходит группа лиц и говорит: „Воруженную борьбу с вами мы прекращаем, но дайте нам оружие, дайте нам свободу для политической борьбы. Мы будем бороться с вами, будем расшатывать и без того разрушенное наше народное хозяйство, будем строить против вас всевозможные козни. будем мешать вам вести борьбу с вашими врагами. Мы, побитые и справа и слева, справа Колчаком, а слева вами,—требуем: развяжите нам руки, не мешайте нам разлагать вашу армию, не мешайте нам разрушать вашу работу“.

Не знаю, нашлись ли бы такие люди, которые стали бы разговаривать с этой группой людей при таких условиях. Может-быть, нашлись бы такие люди, которые, выслушав это заявление, просто пожали бы плечами, другие рассмеялись бы. Но люди, несущие политическую ответственность, не могли принять иного решения, как только

всеми мерами пресечь эти преступные и вредные попытки. Государственная власть обязана была всеми имеющимися в ее распоряжении мерами не только пресечь попытки этой группы, но и призвать их к порядку. Заставить их подчиниться государственной власти и исполнять все ее требования.

— Мы реальные политики,—продолжает тов. Крыленко,—и поэтому мы стали на эту именно точку зрения. Мы крепко держим власть в руках. Мы оберегаем ее в интересах трудящихся и всех тех, кто эту власть поддерживает. И расшатывать эту власть мы не позволим. Вот почему государственная власть приняла по отношению к эсерам те самые меры, которые она должна была принять. Она с ними не стала разговаривать,—разговаривать ей было некогда. Она поступила проще: заключила эсеров под стражу.

Для еще более яркого выяснения значения и сути резолюций 9-го Совета партии, тов. Крыленко останавливается на событиях, предшествовавших 9-му Совету. В феврале 1919 г. состоялась партийная конференция, на которой обсуждался вопрос о прекращении вооруженной борьбы с Советской властью. Обнаружились два течения. Одно стояло за прекращение вооруженной борьбы навсегда, другое—за временное прекращение вооруженной борьбы. В числе представителей последнего течения был Донской, предложивший к внесенной на обсуждение конференции резолюции соответствующую поправку. Поправка Донского была отклонена. Слово „временно“ было из резолюции выкинуто. Следовательно, конференция высказалась за прекращение вооруженной борьбы навсегда.

Но эта же конференция вынесла резолюцию об организации военной комиссии, которая должна была разлагать Красную армию—резолюцию, противоречащую первой.

5-го апреля состоялся пленум ЦК партии. На нем была принята расплывчатая резолюция, в которой говорилось: „Не имея реальных сил для борьбы на два фронта, мы отказываемся и т. д.“

— Ну, а что будет тогда, когда эти реальные силы будут?—спрашивает тов. Крыленко.—Борьба возобновится. Разногласий здесь уже нет. Прекратить ли борьбу временно или навсегда,—этот вопрос не поднимается. Он совершенно замалчивается.

Собирается 9-й Совет партии. Тут уже вопрос ставится определенно. Вооруженная борьба прекращается временно. От права на вооруженную борьбу эсеры не отказываются. Они меняют лишь методы борьбы. Торжествует линия поведения Донского. В порядок дня ставится вопрос о собирании и накоплении сил.

Характерно, что к тактике собирания и организации сил эсеры всегда переходят после того, как они бывают биты. Так было после подавления юнкерского восстания. Так было после разгона Учредительного Собрания и неудавшейся его защиты. Так было после разгрома на Самарском фронте—на IX Совете партии. А это «собирание и организация сил» значило: эсеры вызывают движение, вызывают восстание, а сами остаются в стороне. На улицах идет движение, а эсеры сидят в кабинете и разговаривают с обоими сторонами. Правительству они говорят: „Смотрите, на улицах начинается восстание, идите скорее на уступки“. А тем, которые на улице, они заявляют: „Подождите немного, восстание преждевременно, оно может кончиться неудачей. Может быть раздавлено“.

Такая тактика—самоубийство для всякой политической партии. Если политическая партия не имеет твердой линии поведения в такие решительные моменты, то она не может считаться настоящей политической партией. А такова, именно, была позиция партии эсеров на IX Совете. У IX Совета партии не было ни политической откровенности, ни политической чистоты.

На 9-м же Совете партии была выдвинута теория „третьей силы“. Теория эта такова: борются две силы—буржуазия и рабочие. Между ними стоит третья сила—крестьянство. Эта третья сила может быть на той и на другой стороне, но может быть и самостоятельна. IX Совет стоял за самостоятельное выступление этой третьей силы.

Но действительная жизнь опрокинула эту эсеровскую теорию третьей силы. Разрозненное и разобщенное крестьянство уже в силу географического положения, не говоря о многих других условиях, не может выступить компактно и объединенно. Поэтому никакой действительной реальной силы само по себе оно не представляет. Оно является силой только в соединении с рабочими. Так и случилось на практике. На Черноморье местные эсеры боролись с Деникиным вместе с коммунистами. Власть Деникина была свергнута. А что же дальше? На сцену выступила «третья сила»? Нет. Эсеры передали власть большевистскому Ревкому.

То же самое повторилось и в Сибири, где эсеры боролись с Колчаком. После свержения Колчака власть была передана не «третьей силе», а тоже большевистскому Ревкому.

Ясно, что резолюция о „третьей силе“—пустой звук.

Тов. Крыленко переходит к анализу тех результатов, к которым привели эти резолюции.

В развитие резолюций 9-го Совета был издан циркуляр ЦК о работе в деревне. Целью этой работы ставилось—свержение Советской власти. Средства—приговорное движение. На места были разосланы приговоры, которые должны были приниматься на сельских сходах. В этих приговорах гово-

рилось, что большевистская власть никуда не годится и должна быть свергнута. Как должна была проводиться эта работа фактически? Эсеровские агитаторы должны были разъезжать по деревням и убеждать крестьян принимать приговоры. Это не что иное, как определенная политическая агитация за свержение Советской власти. Как должны были понимать эти приговоры крестьяне? В них говорилось: нужно свергать Советскую власть. Ну и давайте свергать. «Возьмем оружие и пойдем на Советы». Вот как практически должны были понять крестьяне эту агитацию. Иного понимания у них не было.

Одновременно с приговорным движением, по мере его развития, циркуляр ЦК рекомендовал организовать повсеместные беспартийные крестьянские союзы, которые могли вступить в блоки с другими организациями, борющимися с Советской властью. В эти беспартийные крестьянские союзы предлагалось вкрапливать партийные организации, которые должны были подготавливать союзы к свержению Советской власти. Что из этого должно было последовать на практике? Опять то же самое. Крестьяне могли сказать: возьмем оружие и пойдем свергать Советы.

Если где-нибудь возникнет преждевременное крестьянское восстание, то такое восстание надо прекращать, и надо ему противодействовать ради экономии сил, — рекомендовал циркуляр ЦК. Но при той работе, которая рекомендовалась этим циркуляром, такие восстания были неизбежны. Нельзя же было создать такой прочной и мощной центральной организации, по одному слову которой восстало бы одновременно крестьянство по всей России. Это утопия. Восстания могли быть только частичные, в отдельных частях. И такие „преждевременные“ восстания были неизбежны при той работе, которая рекомендовалась циркуляром ЦК партии.

Наиболее яркие результаты работы в деревне по циркуляру ЦК проявились в Сибири и в Тамбовской губ. В Сибири работали две организации — два крестьянских союза. Первая организация — инициативная группа Игнатьева; вторая — группа Юдина. Связь между этими организациями на суде точно не установлена. Но достаточно проследить работу одной только организации Юдина, чтобы стали ясны результаты работы эсеров в Сибири, представлявшей собой в тот период „кипящий котел“ (бродили остатки Колчаковской армии, банды и проч.).

Анализируя свидетельские показания и приложенные к делу документы, тов. Крыленко устанавливает, что Юдинский союз работал по директивам ЦК, что он имел связь с черносотенной организацией Густомесова, и потому ЦК несет за него полную ответственность. Организация Юдина ставила своей целью — свержение Советской власти. Областной Комитет ПСР знал об этой работе и смотрел на нее сквозь пальцы.

Еще ярче и еще рельефнее получились результаты в Тамбовской губ. Цитируя доклад Тамбовской партийной организации на сентябрьской конференции в Москве, тов. Крыленко устанавливает следующие моменты событий в Тамбовской губ. В начале 1919 г. тамбовская организация перешла на нелегальную работу. Она стала организовывать по деревням и селам крестьянские беспартийные союзы, вкрапывая в них партийные ячейки. Разрозненные союзы объединялись в волостные и районные. Это было зимой. Весной собирается уездная конференция крестьянских союзов, летом—губернская конференция, а в августе начинается восстание крестьян.

Тамбовская партийная организация предложила сентябрьской конференции пойти навстречу этому движению и дать ему эсеровские лозунги.

Тамбовская организация строго исполняла циркуляр ЦК и действительно работала в деревне. В результате этой работы получилось восстание крестьян. Следовательно, тамбовское восстание явилось результатом работы ЦК партии.

После перехода на нелегальную работу тамбовская организация стала выпускать нелегальную газету „Земля и Воля“. В одном из номеров этой газеты, приложенных к делу, имеется статья по поводу сбора продрозверстки в Тамбовской губ. В этой статье есть такая фраза: „Доколе же коммунисты будут измываться над мужиком?“. В этом же духе писались все остальные статьи. Как практически должны были понять крестьяне эти статьи эсеровской газеты? Ответ ясен: они должны были понять это, как призыв к свержению Советской власти. И они пошли свергать эту власть—начали восстание.

Когда восстание началось, эсеры повторили свою прежнюю тактику. Они вызвали это восстание, но потом от него отреклись и отказались стать во главе его движения: „Мы не мы“

Как отнеслись к этому тамбовские крестьяне? Об этом рассказывает эсер Муравьев, один из руководителей тамбовской партийной организации. Тамбовские крестьяне сказали: „Вы нас вызвали на восстание, вы нас спровоцировали,—так идите же с нами. Если же вы с нами не пойдете, то мы придем в Тамбов и вместе с другими перебьем и вас“.

Об этом же свидетельствует и подсудимый Альтовский, который говорил, что в Саратовской губернии, где он работал, восставшие крестьяне силой заставили местных эсеров встать во главе восстания, так как крестьяне считали, что это восстание вызвано эсерами.

— И вы будете здесь говорить, обвиняемый Раков,—восклицает тов. Крыленко,—что в данном случае ваши руки чисты от всей этой крови, от всех этих ужасов Тамбовского движения?! Вы будете говорить, что вы, эсеры, в этом де-

ле совершенно неповинны?! В данном случае имела место самая бесстыдная политическая провокация политически несознательных элементов населения. Провокация эта была вызвана вами.

Тов. Крыленко устанавливает, что эсеры не только спровоцировали и вызвали тамбовское восстание, но и имели непосредственную связь с ним. Антонов использовал организованные эсерами крестьянские союзы. Подсудимые утверждают, что у Антонова был свой крестьянский союз. Но для всякого ясно, что Антонов, политически неграмотный человек, не мог покрыть Тамбовскую губ. сеть крестьянских союзов и объединить их в губернский крестьянский союз. Никаких своих союзов у Антонова не было. В Тамбовской губ. был только один крестьянский союз, организованный эсерами. Только они, старые партийцы и опытные организаторы, могли покрыть губернию сетью союзов. В последний момент эти союзы пошли за Антоновым, но они были организованы эсерами, которые лили воду на мельницу Антонова.

Даже в том случае, если мы полностью исключим показания всех свидетелей и все приложенные к делу документы и ограничимся только объяснением обвиняемого Ракова, то и в этом случае мы придем к неизбежному выводу: Тамбовское восстание явилось результатом работы тамбовской партийной организации. Тамбовская организация, работая в деревне, строго выполняла циркуляр ЦК партии. Следовательно, в Тамбовском восстании виновна партия эсеров в целом, которая это восстание вызвала и дала ему свои лозунги.

Сентябрьская конференция 1920 г. подвела итоги периоду после IX Совета партии. Она вынесла резолюцию, в которой говорится: «Сентябрьская конференция ставит в порядок дня неизбежность вооруженного свержения Советской власти».

Таков конец резолюций IX овета партии. Они просуществовали всего несколько месяцев.

Тов. Крыленко переходит к деятельности эсеров в Черноморье.

Мы имеем показания Филипповского, что на Черноморьи эсеры совместно с большевиками вели борьбу против Деникина, при чем эта борьба велась на почве признания принципов Советской конституции. Там платформа, объединившая крестьянство и рабочих, была платформой советской власти.

Таким образом, „третью силу“ эсерам на Черноморьи в этот период использовать не удалось, и после ликвидации Деникина эсерам пришлось передать власть советам.

Наступает 1921 г., и появляется на сцену фигура Вороновича. Он за какие-то действия был из партии исключен, приехал в Прагу и здесь предложил свои услуги. Как он сам говорит: „Состоя членом ПСР, я прежде всего решил обратиться к своим партийным товарищам“. В апреле 1921 г. Федор Сорокин пишет письмо, в котором указывает,

что Воронович—самозванец и его нужно от всякой работы отстранить. В апреле же Административный Центр постановляет отказать от услуг Вороновича. Но в августе м-це Административный Центр выдает Вороновичу мандат на поездку в Константинополь.

По протоколам заседаний Административного Центра можно установить, что Воронович играл впоследствии большую роль. Надо различать деятельность самого Вороновича в Константинополе и деятельность его эмиссаров на Кавказе или на Кубани. В Константинополе он вошел членом в некое контр-революционное объединение.

Среди гер писки Горновича с Административным Центром есть письмо от 11-го октября, в котором он пишет, что «6-го октября из Сухума прибыл один человек, который привез мне письмо от курьера, отправленного мною 12 сентября». Таким образом, связь Вороновича с Черноморьем при помощи курьеров устанавливается совершенно определенно.

В своей статье в „Воле России“, говоря о третьей силе, Воронович писал: «Растет это движение и невидимыми, но крепкими нитями связано со всей нашей работой».

В одном из следующих писем Воронович писал, что его попытка установления связи с Северным Кавказом дала блестящие результаты. Он имеет возможность получать нужные сведения через каждые 7—8 дней. Попытка отправить в Черноморье литературу увенчалась полным успехом. Что касается агентов связи, то в Константинополе находится ряд вполне надежных людей, которые жаждут принести пользу, и, рискуя собственной жизнью, готовы исполнить какое угодно поручение.

— Вот они,—говорит т. Крыленко,—эти „невидимые нити“, которые сделались, благодаря откровенности Вороновича, видимыми. Вот та работа, которую он вел в Константинополе с благословения эсеровских вождей, входивших в Административный Центр. Вот те нити, которые идейно связывают ПСР с Вороновичем, поскольку Чернов подводил идейный фундамент под теорию «третьей силы», в связи с движением в Черноморье.

В том же письме от 6 октября Воронович пишет, что его быстрая связь с Сухумом заинтересовала английскую и французскую контр-разведки, которые обратились к нему с просьбой поделиться сведениями.

К этому можно прибавить сообщения из другого письма Вороновича, где он рассказывает, как поднялись его шансы среди кишевших в Константинополе различных антантовских и всяких иных шпионских, контр-разведочных и тому подобных организаций.

Административный Центр высоко ценил эту работу и высылал Вороновичу деньги, о чем свидетельствует цитируемое т. Крыленко письмо за подписью Роговского.

В своей работе Воронович пользовался содействием чехо-словацкой миссии. Через нее он получил паспорт и через нее посылал в Париж свои сообщения.

В протоколах Административного Центра есть указания что сведения Вороновича о расположении войск на Кавказе переводились на французский язык.

— Однажды, — говорит тов. Крыленко, — на мой вопрос: передавались ли сведения о приближении немецких эшелонов и русских войск представителям Антанты, обвиняемый Тимофеев сказал: „Извините, шпионом я никогда не был“. Но как назвать эту работу?! Какой другой смысл мог иметь перевод сведений о войсках на французский язык?

Что делалось в это время на Кавказе? Воронович писал в том же октябре о майкопском съезде, на котором присутствовали представители ставропольского и черноморского крестьянства, казачества Кубанской и Терской областей, комитета объединения повстанческих отрядов Северного Кавказа, 11 отдельных зеленых отрядов и красноармейцев полков IX армии. Основным вопросом съезда было объединение крестьян, казаков и горцев для совместной борьбы против большевиков.

Кто руководил этим движением? Воронович пишет, что летом в указанный район явились агенты Врангеля и Краснова. Агенты Краснова имели большой успех, а агенты Врангеля успеха не имели. Генералы и полковники, руководившие зелеными бандами, не желали подчиниться комитету майкопского съезда, и генерал Пржевальский сам решил встать во главе всего движения на Кубани.

Авантюристы, белогвардейцы, бандиты, золотопогонники, генералы — вот кто взял руководство этим движением, вот кто повел на смерть и страдания снова спровоцированные эсерами крестьянские массы.

Крестьянство не хотело идти за белогвардейскими генералами, оно в них изверилось, и искало других руководителей, и Воронович в связи с этим пишет: «Этих руководителей нужно дать. Если бы мы могли прийти на помощь и организовать массы, успех был бы обеспечен».

Какова роль Административного Центра в этом движении? Агитационная литература, средства даются, связь поддерживается. Сведения о войсках получают. Но движение возглавляет генерал Пржевальский, и те, кто выдвигал теорию «третьей силы», кто устанавливал связь и распространял литературу, те в этот критический момент опять ушли в кусты, отошли в сторонку. И здесь, как и в Тамбове, крестьянские массы были спровоцированы на восстание.

К чему на практике привела эта работа? В письме от 16 марта Воронович писал о той борьбе, которая велась против армии Буденного: „Зеленые поставили себе задачу нару-

шения деятельности Наркомпрода, собирающего продналог, поджог ссыпных пунктов, амбаров и складов, куда свозится продналог, устройство крушений поездов с хлебом и ограбление слудующего гужем продовольственного транспорта. Эти задачи преследуют исключительную цель—подорвать советское хозяйство“.

— Пусть теперь,—воскликает т. Крыленко,—рабочие и крестьяне знают, почему в прошлом году из тех миллионов пудов хлеба, которые должны были быть собраны на Кубани, поступили в центр только десятки тысяч пудов хлеба, как пишет сам Воронович, Пусть рабочие и крестьяне знают, в какой степени ответственность за хозяйственную разруху и за продовольственный кризис подает на п. с.-р! Пусть теперь обвиняемые не отгораживаются от деятельности навказских бело зеленых бандитов! Ибо Воронович, из Константинополя вдохновлявший и организовывавший это движение, был с распростертыми объятиями принят в „Воле России“, ибо Воронович, как дьятеля „третьей силы“, рекомендовал Чернов заграничной делегации п. с.-р.!

„Такова картина деятельности эсеров по организации третьей силы“.

Тут измена и предательство по отношению к крестьянству, спровоцированному эсерами на выступление и вынесшему на себе тяжесть репрессий, которые государственная власть должна была применить для ликвидации восстания. Тут измена и предательство по отношению к республике, хозяйственные ресурсы которой разрушались. Наконец, тут измена и предательство по отношению к тем „самоотверженным людям“, относительно которых Воронович нагло и цинично писал, что „они готовы пожертвовать своей жизнью“ за то дьявольское дело, на которое их толкали эсеры. Так осуществлялись резолюции 9-го совета п. с.-р. на Черноморье.

Тов. Крыленко переходит к кронштадтским событиям.

По теории, которую здесь набросал обвиняемый Гоц,—говорит он—местные эсеровские организации должны были играть во время кронштадтского восстания роль посредников между восставшими и Советской властью. Посмотрим, что говорят по этому поводу факты.

Тов. Крыленко останавливается на выяснении физиономии и роли в кронштадтских событиях так называемого Административного центра, действовавшего до Кронштадта и после него. По заявлению заграничной делегации партии с.-р. и заявлению Авксентьева по этому поводу Административный Центр действительно существует, но как „внепартийная организация“, в которую входят различные „общественные деятели“. Никакой связи с заграничной делегацией ЦК п. с.-р., ни тем более с сидящими на скамье подсудимых членами п. с.-р.,—утверждает Авксентьев—Административный Центр не имеет. Так обстоит вопрос с формальной стороны, в декларативном заявлении Авксентьева. Но присмотрим-

ся к составу Административного Центра. Каков этот состав? В Административный Центр входят: Брушвит, которого мы знаем и по Москве и по Самаре; известный полковник Махин; Роговский, деятельность которого протекала в Самаре, и который вместе с Бунаковым и другими заявил о своем несогласии с постановлениями 9 совета п. соц.-рев. В состав Административного Центра входят также: Авксентьев—фигура, достаточно известная и не нуждающаяся в характеристике; Зензинов, официальный член заграничной делегации п. с.-р.; Воронович, с физиономией и деятельностью которого мы только-что подробно ознакомились; Керенский, Сухомлин и другие. Таким образом, мы видим, что **персональный состав Административного Центра** включает в себе имена лиц, деятельность которых в достаточной мере запечатлена в истории п. с.-р. Мы знаем также, что они не были исключены из п. с.-р. Часть этих лиц и сейчас является ответственными представителями партии за границей. Спрашивается: может ли не нести ответственности п. с.-р. за деятельность Административного Центра? Между тем обвиняемые утверждают, что п. с.-р. не несет ответственности за действия этого ряда видных эсеров. Это утверждение является одной из тех загадок, выдвигаемых обвиняемыми, про которую можно только сказать:

— Мудрый Эдип, разреши!

IX совет партии запретил всякую коалицию с буржуазными партиями и постановил проводить в жизнь исключение из партии тех, которые нарушают это постановление. И вот, сейчас же после IX совета появилось заявление Авксентьева, Бунакова, Вишняка и Роговского, которые заявляют, что они не согласны с постановлением совета. В деле также имеется заявление партийных деятелей Украины, которые в ответ на постановление Всеукраинского комитета ПСР о роспуске городского комитета киевской организации заявили, что они считают это решение для себя необязательным. И на верхах и на средней ступени партийной иерархии, таким образом, имеются определенные традиции считать решение центральных учреждений партии для себя необязательными.

После Ясского совещания Авксентьева и Фундаминского с дипломатами Антанты в конце 1918 г. южное бюро ЦК имело по этому поводу суждение.

В действиях Авксентьева и Фундаминского были усмотрены преступления против партийной дисциплины и партийных требований, и в январе 1921 г. состоялось формальное постановление Центрального Комитета об их исключении. В 1922 г., через полтора года, это постановление по ошибке было опубликовано, после чего появился протест исключенных, в котором говорится, что им не было известно об исключении. Дальнейшее положение вещей сводится к тому, что загранич-

ная делегация, с одной стороны, а Чернов в своем письме, с другой, определили: в связи с процессом и в целях поддержания единого фронта, постановление об Авксентьеве и Фундаминском не опубликовывать и его задержать.

С точки зрения позиции обвиняемых было бы гораздо лучше, если бы постановление было опубликовано, чтобы можно было от приятного соседства с этими господами отбояриться. Но, видимо, интересы целого, или, вернее, того существа, которое представляет собой партия эсеров в целом, потребовали иного. Таким образом, Авксентьев и Фундаминский официально выбывшими из партии не являются.

Теперь посмотрим, что же эти люди делают.

Из всей деятельности Административного Центра тов. Крыленко выделяет только некоторые факты в связи с кронштадтским движением, с подготовкой новой вооруженной интервенции на территории России, в связи с вопросом о коалировании направо.

В связи с кронштадтским движением целый ряд лиц был направлен в Прибалтику и другой ряд лиц для определенной работы внутри Европы. „Организация общественного мнения“, которой должен был заниматься Административный центр, выразилась в направлении кронштадтцам 50 ваг. муки, получении 25.000 долларов от царского посла Бехметьева, и нажимании на парижские банки и на „русских толстосумов“.

Обвиняемый Тимофеев говорил, что „Воля России“ не есть орган партии, и что обвиняемые ответственности за эту газету не могут принять. Параллельно с этим заявлением мы имеем заявление заграничной делегации ПСР о том, что «Воля России» правильно отражает взгляды заграничной делегации.

Что касается Административного Центра, то он возник приблизительно в середине 1920 г. и должен был, по его собственным протоколам ликвидировать свою деятельность к 15 мая 1922 г. Несмотря на это, Авксентьев пишет о нем: „Организация эта, прекратившая свое существование в 1921 г.“. Так говорит „правду“, в поучение своих меньших братьев, старый заматерелый вождь ПСР.

В период Кронштадского восстания представители Административного Центра были разосланы в Финляндию, в в Белоруссию, в Бессарабию, Болгарию и Константинополь. Таким образом, их цепью была полностью охвачена вся наша пограничная западная полоса.

В протоколах Административного Центра говорится о заключении соглашения с карельской организацией и с национальным ингерманландским комитетом. Для той и другой организации были отпущены определенные суммы.

Имеется также письмо Махина, в котором указывается на план работ, который надлежит провести в Прибалтике. Он пишет: «Есть полная возможность развивать нашу работу в направлении Двинска, где городской голова Прагин оказался эсером, и, таким образом, наш план развернуть работу к югу на линии Рига — Москва может получить реальное осуществление». Намечаются центры: в северной области — Рига, в южной — Львов и т. д. Намечаются и практические руководители.

В чем выражается практическая работа? «Начать военную подготовительную работу можно только тогда, когда будут созданы предполагаемые органы содействия революции, шансы на успех могут быть тогда, когда мы разовьем свою деятельность на фронте от Выборга и Двинска».

„Дипломатическая подготовка, по-моему, должна быть. Она должна быть построена на нашей готовности помочь латышам и эстонцам в случае движения на них большевиков, на нашей работе среди населения. И я думаю, что с местными генеральными штабами можно будет договориться о содействии“. Так пишет тот же Махин.

• В связи с заявлением Гоца об отрицании интервенции, как надлежит отнестись к этим фактам?

Дальше идет дипломатическая работа Брушвита и его беседы с Пийпом и Мееровицем. В письме Брушвита рассказывается о беседе Пийпа с Литвиновым, и высказывается опасение, что „они под столом пожали себе руки“. Если старания Пийпа успехом не увенчаются, — пишет дальше Брушвит, — то остается только одно — „пожаловаться богатому дяде за Ламаншем и попросить его наступить на мозоль“.

Кто такой „богатый дядя за Ламаншем“, и каким образом он умеет крепко ступать на мозоли мелким, состряпаным при его благосклонном содействии государствам, об этом распространяться не приходится. Но в данном случае важнее всего то, что деятели Административного Центра пользуются поддержкой „богатого дяди за Ламаншем“ на тот предмет, чтобы подтолкнуть руку Пийпа, которая готовится пожать руку Литвинова, и направить Пийпа на соответствующий путь. В то же время связь деятелей мелкобуржуазных правительств окраинных государств с русскими контр-революционерами совершенно ясна.

Для чего же Административному Центру нужна эта связь? Оказывается, что представитель Ингерманландии Тюни был связующим звеном между министерством иностранных дел Финляндии и Административным Центром.

Что могла сделать сама эта маленькая организация, именуемая „Национальным Комитетом“? Гоц говорил: „Смешно, это авантюра“.

Совершенно верно, это авантюра, но утопающий хватается за соломинку. Имеется соответствующее указание в материалах дела, что предполагалось двинуть около 3.000 мобилизованных этим интерманланским комитетом лиц в помощь кронштадтскому движению. За финансирование комитета Административным Центром была назначена плата людьми.

В июле 1921 г., когда истощились средства у Административного Центра, было постановлено составить конфиденциальный меморандум с конкретным указанием на потребность организации активной борьбы с большевиками, и в связи с этим переговорить с лицами, которые обеспечивали до 4-го февраля нормальный бюджет Административного Центра, переговорить с частными лицами из русских кругов о присылке средств на организацию, послать телеграфный запрос в Америку господину Б, и, в случае его благоприятного ответа, послать специального представителя в Америку. Параллельно с этим имеется в деле письмо, где указывается по поводу его превосходительства господина Бахметьева, что отношения с ним нельзя считать мелочью, и что такими мелочами можно раздражить некоторых гусей.

Таковы дела деятелей контр-революции, в достаточной степени характеризующие тот внутренний маразм, разложению и гниль, которые существуют в среде верхов в заграничной делегации ПСР и имеют в то же время значение судебного факта, поскольку их действиями приносится определенный политический вред Советской Республике и творится определенное контр-революционное дело.

В деле имеется также еще одно письмо, в котором говорится, что „попытки правых купить кронштадтцев хлебом — безнадежны“. В то же время совершенно установлена связь Административного Центра с той самой комиссией, которая предполагала перебросить эти 50 ваг. муки и которая является отделением чешского кооперативного объединения, имеющего свой центр в Праге. Одни ли только правые хотели «купить кронштадтцев хлебом»? Здесь уже цитировалось тов. Луначарским письмо, в котором говорится, что если бы удалось это продовольствие доставить, это послужило бы искрой, брошенной в бочну с порохом, это создало бы взрыв на всей территории Советской России.

Денежная связь с Бахметьевыми и «русскими толстосумами», и связь с реакционными организациями, финансирующими средствами Административный Центр, и с министерствами иностранных дел, а, следовательно, и с их секретно-разведочными отделениями и генштабами, всех пограничных государственных объединений, которые лежат на границе России,—все это рисует совершенно ясную картину деятельности Административного Центра.

Последним штрихом, характеризующим работу Административного Центра, является организация при нем особого отдела. Согласно уставу, — на котором красуется надпись

полковника Махина „Утверждаю“, отдел должен был включать в себя „прежде всего военных“. Вступающие должны были беспрекословно исполнять все распоряжения Административного Центра, покинуть все другие тайные организации и хранить в строгой тайне самое существование отдела и план его деятельности. Программа же его: низвержение большевиков, утверждение народовластия и обеспечение учредительному собранию должного нравственного авторитета.

В случае нарушения условий, военнослужащий исключается со службы особого отдела и будет подлежать взысканию применительно к воинскому уставу о наказаниях, существовавшему до захвата власти большевиками.

Весь устав полон типичных рокамболовских пунктов. Если бы его писали ребята, то это можно было бы отнести к мальчишеским замыслам, но когда эти типично заговорщические и авантюристические планы утверждают такие лица, как Роговский, Махин, Воронович, и друг., и если имеются сведения, что было постановлено привлечь в особый отдел известного генерала Баградуни,—дело получает совершенно иную окраску.

Из этой истории можно сделать один вывод. В известный период революции партии вырождаются и впадают в детство. Вот этот период полного вырождения и забвения элементарнейших принципов азбуки политической работы и правильной трактовки политических явлений и переживают осколки ПСР. В качестве наиболее яркого выражения такого вырождения и является этот особый отдел Административного Центра.

И еще один штришок. Здесь было оглашено письмо некоего Русакова о том, что он решил войти в сношения с полковником Зеленовым, организатором союза „марковцев“. Русаков указывает, что тут пахнет Врангелем, но что их надлежит приголубить, чтобы нейтрализовать врангелевские тенденции. В протоколе Административного Центра говорится, что сие надлежит утвердить.

Что представляет из себя этот союз? В его воззвании говорится: „Два злых гения в возрожденной республике—Гучков и Керенский. Первый бессознательно, а второй вполне сознательно разложил армию и отдал офицеров на поругание, как бы на распятие на кресте. Спите с миром, великие народные герои Корнилов и Алексеев! Ваши имена будут вечными для потомства“.

И вот в эту организацию входит Керенский, которого только что шельмовали эти офицеры, и протягивает им руку, чтобы совместно с ними работать для общей цели низвержения Советской власти.

В том же воззвании указывается на „славные традиции русского офицерства“, где офицеры-марковцы, говоря о тра-

дичии русского офицерства в борьбе за свободу, ставят рядом имена Пестеля и...Корнилова.

Если этим офицерам позволено кощунство, ставить наряду с Пестелем Корнилова, то я думаю, что лицам и политическим группировкам, которые имеют претензию возводить свой род от народовольцев и декабристов, все-таки надлежало бы вступить за честь действительных борников первого проблеска русской общественной мысли и оградить их от подобного соприкосновения с офицерами-марковцами.

Деятельность Административного Центра совершенно ясна, и вопрос о ней должен быть поставлен юридически. Но обвиняемые заявили, что о существовании Административного Центра они даже не подозревали.

Здесь надлежит выдвинуть другой вопрос и вспомнить тактику обвиняемых во время движения 5 января 1918 г., вспомнить тактику ПСР, по которой всякую контрреволюционную бучу надлежит принять как положительный факт, а от ответственности за нее в нужный момент уклониться. Так и здесь. Обвиняемые отгораживаются от Административного Центра, но на прямо поставленный вопрос: равняется ли это отречение политическому отречению, и представляет ли оно осуждение в категорической форме методов и форм борьбы Административного Центра против Советской власти,—не последовало прямого ответа.

В официальном заявлении заграничной делегации ЦК ПСР говорится, что Административный Центр, „преследовал цели возбуждения общественного мнения“,—сказана заведомая ложь. Такая же ложь—заявление, что Административный Центр ни в какой связи с партией не состоял. Нельзя утверждать заведомую неправду, которая здесь опровергнута оглашением соответствующих цитат из документов за подписями Зензинова и друг. членов заграничного объединения. Это определенное двурушничество, которое проявила заграничная делегация, так же как и ЦК ПСР во всей своей деятельности. Обвиняемые не дали суду прямого ответа на вопрос, отрекаются ли они от Чернова.

Действиями заграничной делегации ЦК ПСР наносит республике определенный вред. Мы имеем перед собой цепь, в которой цепляются друг за друга: Керенский за Авксентьева, Авксентьев за Зензинова, Зензинов за Чернова, Чернов за ЦК. Вот та цепочка, которая заставляет нас поставить вопрос и дать на него ответ: тождественна ли порода сидящих здесь обвиняемых членов ЦК с породой эсеровских деятелей за границей, прячущихся во „внепартийном“ Адм. Центре?

Все, что прошло перед нами во время судебного следствия, позволяет уже дать ответ на первый и основной вопрос, поставленный мною в начале обвинительной речи, — опасны или неопасны для Советской России обвиняемые, отвечают или не отвечают они, при анализе их деятельности за истекшие годы революции, той характеристике, которую дает уголовный кодекс, когда говорит, что он имеет своей задачей защиту государства трудящихся от преступлений общественно-опасных элементов.

Но к вопросу о каре, которая должна постигнуть обвиняемых, — говорит тов. Крыленко, — я перейду после анализа самой позорной и гнусной страницы из эпопеи о контрреволюционной деятельности этой партии, — после разбора террористического периода деятельности эсеров.

Прежде, чем перейти к анализу обвинений, предъявленных подсудимым в области террора, тов. Крыленко делает небольшое юридическое вступление.

— Некоторые из подсудимых, — говорит он, — не были бы привлечены по настоящему делу, если бы они не были причастны к террористическим актам. У многих из них дела по другим преступлениям прекращены согласно амнистии 1919 г. Но когда издавался акт об этой амнистии, никому и в голову не приходило, что в террористических актах против советских вождей была замешана ПСР или какие-либо ее организации.

Партия эсеров имеет традиции, как и всякая другая партия. Эти традиции таковы, что всякое официальное заявление партии в период борьбы о том или ином акте отвечает действительности. Партия эсеров неоднократно официально заявляла, что она непричастна к террористическим актам. Поэтому до самого последнего времени вопрос о террористических актах стоял вне поля зрения суда. Естественно, что амнистия не распространялась на террористические акты, и поэтому я буду поддерживать в полной мере обвинение в террористической деятельности партии с.-р., причастных к ней организаций и лиц.

Второй важный с юридической точки зрения момент относится к самому характеру террористической работы. В области террора соблюдается принцип сугубой конспирации. О террористических актах обычно знают лишь немногие принимающие в них непосредственное участие лица. Поэтому при обследовании террористической работы на суде было мало свидетельских показаний, и при установлении виновности подсудимых придется оперировать другими фактами.

Моя задача в этом отношении крайне затруднена. В некоторых областях придется оперировать как бы впотьмах, так как некоторые детали не освещены в достаточной мере сви-

детельскими показаниями. Прошу Трибунал обратить на это внимание.

Третий момент—длительный период времени, отделяющий нас от событий, которые мы исследуем. Рассчитывать на твердую человеческую память нам не приходится. Даже самые искренние люди могут смешать факты и забыть некоторые детали. Говорю это потому, что здесь некоторые подсудимые, и в особенности Гендельман, часто испытывали память дававших показания подсудимых и свидетелей, в особенности в отношении различных дат и других мелочей. Все эти кажущиеся противоречивыми мелочи большого значения не имеют. Важны лишь главные основные факты.

Вопрос о терроре ставился в кругах ПСР вслед за Октябрьской революцией. Впервые о нем заговорила Евгения Ратнер на IV съезде партии. Свое отношение к террору она формулировала так: „если большевики будут применять к арестованным эсерам казнь, то партия в целях самообороны вынуждена будет перейти к террору. Ратнер оговорила, что это было ее личное мнение. Но на этом съезде она была выбрана в члены ЦК, против ее позиции никто не возражал.

Другую позицию занимал подсудимый Тимофеев. Он считал, что раз революция уже началась, то вопрос о терроре, как средстве борьбы, совершенно отпадает. Но против этой позиции возражал Виктор Чернов. Таким образом, мы имеем два положения, друг друга исключаящие. Оба они исходят от членов ЦК.

Отсюда ясно, что вопрос о терроре против советских вождей ставился и обсуждался в руководящих кругах партии. На IV съезде и на петроградской конференции он ставился в скрытой форме. Открыто он был поставлен в пленуме ЦК.

Здесь оглашалось письмо Гоца, в котором говорилось, что партии эсеров придется „вспомнить свои старые испытанные средства, если большевики будут продолжать свою политику и воздать им по делам их“.

Еще категоричнее Виктор Чернов. Вслед за угрозой вспомнить о старых испытанных средствах борьбы, он говорит: „Если большевики остановятся—хорошо; нет—это их дело. Они предупреждены“.

Смысл этой угрозы ясный. Здесь речь идет не о массовых восстаниях, так как это средство было уже испытано, и предупреждать о нем большевиков не было надобности. Такое объяснение со стороны подсудимых, по меньшей мере, является наивным.

Второй член ЦК, Николай Иванов, тоже стоял на точке зрения допустимости террора против советских вождей. О

позиции третьего члена ЦК, Евг. Ратнер, уже говорилось. Таковы факты, предшествовавшие пленуму ЦК.

На пленуме ЦК были две точки зрения. Одна—за полное прекращение и запрещение террора; другая—за условное. Поправка Сунгина, предлагавшего категорически запретить террор, была отклонена. ЦК принял расплывчатую резолюцию, в которой говорилось, что сейчас, когда массы встали, террор несвоевременен.

Но и эта расплывчатая резолюция не была широко доведена до партийных организаций. И это в то время, когда партийные низы были определенно настроены террористически. К членам ЦК со всех сторон сыпались предложения отдельных членов, желавших совершить террористический акт.

О резолюции ЦК по поводу террора не знали не только рядовые члены партии, но и партийные организации, близко стоявшие к ЦК. Такой видный и близкий к ЦК работник, как Дашевский, знал о существовании в Москве террористической группы и не видел в этом ничего особенного. Он не считал даже нужным довести об этом до сведения ЦК, так как ему было известно, что эта боевая террористическая группа имеет сношения с членами ЦК. О резолюции ЦК Дашевскому не было ничего известно.

Для характеристики царившего в кругах партии настроения по отношению к террору характерен факт, как реагировал находившийся в Самаре пленум ЦК на покушение против т. Ленина. Пленум ЦК выслушал сообщение о покушении в порядке информации и принял его к сведению. Не было порицания или неодобрения этого факта. Но зато было одобрение. Его высказал видный эсер Буревой в статье по поводу покушения на т. Ленина. Статья была напечатана за полной подписью Буревых. Это одобрение ни пленумом ЦК, ни отдельными его членами не было опротестовано.

Такова была атмосфера в рядах партии накануне совершения террористических актов.

Первым практическим шагом в области террора была организация покушения в связи с отъездом Совнаркома из Петрограда в Москву. По поводу этого покушения имеется показание Коноплевой. Она утверждает, что вопрос о покушении в связи с отъездом Совнаркома ставился в петербургском губкоме партии и получил там положительное разрешение. Петербургский комитет признал нужным террористический акт организовать.

Было или не было заседания петроградского губкома? Принимал он или не принимал такого постановления? По этому поводу мы имеем показания Гоца, который помнит, что к нему приходила работавшая в петроградском губкоме Брюлова-Шаскольская и говорила ему о каком-то террористическом акте. Но он, Гоц, дал отрицательный ответ. Гоц уве-

ряет, что разговор шел о терроре вообще, но не об определенном террористическом акте в связи с отъездом Совнаркома.

Тов. Крыленко напоминает, что он два раза задавал Гоцу вопросы по этому поводу; и два раза Гоц ответил ему категорически, что о постановлении петроградского комитета ему ничего не известно. И вслед за этим представил Трибуналу письмо Брюловой-Шаскольской, которое просил приложить к делу и огласить. Председатель Трибунала тогда же обратил внимание на одну характерную особенность этого письма: оно датировано маем 1922 года.

— А я, — говорит тов. Крыленко, — обращаю внимание на другую особенность этого письма. Брюлова-Шаскольская в нем пишет, что на заседании петроградского губкома был поднят вопрос о терроре, и приняты по этому поводу некоторые постановления. Эти постановления были доложены ЦК, но он их не одобрил. Гоц, держа в руках это самое письмо Брюловой-Шаскольской, два раза ответил мне, что никакого постановления петроградского губкома по поводу террора не было. А представленный им документ утверждает, что постановление было.

Кроме заявления Гоца, имеется еще заявление на суде Гендельмана который говорил, что он что-то слышал о намерениях взорвать поезд Совнаркома. Значит, и второму члену ЦК об этом намерении было известно.

Третий член ЦК Николай Иванов утверждает, что он узнал о том, что некая группа имела намерение взорвать паровоз, прицепленный к поезду Совнаркома, в тот момент, когда члены Совнаркома находились уже в вагонах. А если это не удастся, то взорвать бомбой железнодорожный путь. Иванов утверждает, что никакого террористического акта не предполагалось, а предполагалась лишь простая демонстрация. Он почему-то уверен, что если взорвать паровоз с котлом, то сидящие в поезде люди не пострадают, и если взорвать путь и устроить крушение поезда, то от этого тоже никто не пострадает.

Что же было предпринято против лиц, подготовлявших это покушение? На такой вопрос Ник. Иванов ответил: „Ничего, мы смотрели на это, как на дикую идею“.

Обвиняемая Елена Иванова рассказывала нам несколько иную версию этого покушения. Она говорила, что предполагалось облить маслом рельсы, чтобы задержать движение поезда Совнаркома, или же остановить поезд, собрав толпу на рельсах, и что все это предполагалось сделать не в Петербурге, до отправления поезда, а на какой-то маленькой станции, под Петербургом, через которую поезд должен проходить. Эти детали неважны. Важно лишь то, что и Елена Иванова о предполагавшемся плане знала.

Сопоставляя все эти заявления с показанием Конопле- вой, тов. Крыленко приходит к следующему выводу: план покушения на поезд Совнаркома был, он вышел из недр петроградского губернского комитета, но результаты не по- лучились по техническим условиям: не успели подгото- виться, не было технических средств, поезд Совнаркома вы- шел ранее назначенного срока. Вот почему не осуществи- лось покушение, а вовсе не потому, что его, будто бы, за- претил Гоц.

Тов. Крыленко приводит еще целый ряд фактов, кото- рые при анализе и сопоставлении вполне подтверждают его выводы.

Вторым практическим шагом в области террора была первая попытка покушения на тов. Ленина. Инициатива этой попытки исходит от Коноплевой. Мысль об этом заро- дилась приблизительно в середине февраля, после санкции ВЦИКом Брестского мира. Трибунал запросил по этому повод- у справку. Ему ответили, что санкция ВЦИКом Брестского мира относится к 21—28 февраля. Следовательно, указан- ные Коноплевой даты сходятся, и эта часть ее показания под- тверждается.

Первая беседа по поводу этого акта была у Коноплевой с Рабиновичем. Нет никаких объективных данных, которые опровергали бы это показание Коноплевой. Рабинович счел нужным переговорить по этому поводу с Гоцем. Гоц под- тверждает, что он, действительно, виделся с Рабиновичем и говорил с ним по поводу предложения Коноплевой. Значит, и эта часть показаний Коноплевой подтверждается.

Коноплева не умела стрелять. Ефимов обучил ее стрель- бе, зная для чего, Ефимов подтверждает это показание Ко- ноплевой. Разногласия и здесь нет.

Перед отъездом в Москву Ефимов виделся с Гоцем. Гоц спросил его: Вы едете в Москву?—Да,—отвечал Ефимов.— Так смотрите же внимательней за Коноплевой, как бы она чего-нибудь не натворила,—сказал Гоц Ефимову. Гоц свидан- ние с Ефимовым отрицает. Но он не отрицает факта посылки в Москву Рабиновича. Гоц поручил Рабиновичу поставить на обсуждение бюро ЦК предложение Коноплевой о терро- ристическом акте, в новом разрезе, как акте индивидуаль- ном.

Гоц говорит, что он не считал себя в праве отказать члену партии в его желании узнать мнение авторитетного органа партии по поводу его предложения и поэтому, ме- жду прочим, поручил Рабиновичу выяснить взгляд ЦК на предложение Коноплевой.

Все это происходило через две недели после пленума ЦК, который вынес резолюцию о терроре. Эта резолюция

не помешала Гоцу поставить вопрос о терроре вторично на обсуждение бюро ЦК.

До сих пор показания сходятся. Но дальше начинаются разногласия. Коноплева утверждает, что Гоц санкционировал террористический акт против Ленина, а Гоц это отрицает.

Коноплева и Ефимов едут в Москву и идут там к члену ЦК Рихтеру, который был указан им, как руководитель их работы в Москве. Они вместе с Рихтером готовят террористический акт. Рихтер им помогает плохо, но они видятся с ним каждый день, а затем вместе с женой Рихтера уезжают в Петербург. Следовательно, участие Рихтера в этом деле установлено.

Коноплева говорила здесь о втором свидании с Гоцем в Москву. Гоц не отрицает, что он виделся с Коноплевой. Он говорит, что он сказал ей: „Бросьте все дела и поезжайте в свою семью отдохнуть“. Факт второго свидания Коноплевой с Гоцем, таким образом, установлен. Установлено также, что Гоц знал, зачем приезжала Коноплева в Москву.

Обвиняемый Тимофеев не отрицает, что он виделся с Ефимовым и Коноплевой и имел с ними продолжительный разговор по поводу предполагавшегося покушения на Ленина. Тимофеев отнесся к этому покушению отрицательно. О его подготовке он знал.

Таким образом, уже два члена ЦК знали о предполагавшемся покушении на т. Ленина.

Точно не установлено, знал ли о подготовке этого покушения третий член ЦК Веденяпин. Установлено, что он жил на одной квартире с Тимофеевым, виделся с Ефимовым и Коноплевой и давал им деньги на обратный проезд в Петроград. Вполне установлено, что о попытке организации покушения на Ленина были осведомлены два члена ЦК, а третий член—Рихтер принимал участие в этой подготовке. Осведомленность четвертого члена не установлена.

Подводя итоги, тов. Крыленко устанавливает следующие моменты: 1) свидание Коноплевой с Гоцем в Петрограде и Москве; 2) свидание Гоца с Ефимовым в Петрограде; 3) свидание Тимофеева с Коноплевой и Ефимовым в Москве; 4) участие Рихтера в подготовке к покушению:

Из этих фактов вполне установлено: Коноплева и Ефимов вели работу по организации покушения на т. Ленина; члены ЦК знали об этой работе и имели сношения с Коноплевой и Ефимовым; никаких мер к предотвращению и прекращению этой работы члены ЦК не приняли. Это было через две недели после пленума ЦК, принявшего резолюцию о терроре.

Тов. Крыленко переходит ко второму более трагическому моменту убийству Володарского. Начинается эта кровавая страница эпизодом комического характера, вечеринкой с именинным пирогом у Донского. В этот день у него состоялось собрание, на котором также присутствовал и Семенов. Факт, что Семенов обратился к Донскому с проектом об организации боевых дружин, Донским не отрицается, но Донской говорит, что он сказал, что уезжает, и потому надлежит по этому поводу обратиться к Гоцу. На следующий же день состоялось свидание Семенова с Гоцем, и Гоц это вполне подтверждает.

Принципиальное согласие получено, и начинается работа по созданию боевой группы. В нее входят Козлов, Сергеев, Иванова, позже Коноплева, Зеленков и Усов, которые скоро затем уезжают в Москву, и еще Гвозд.

У нас также есть показание Рабиновича, который говорит, что он дал Семенову санкцию на создание группы, но предупредил, что ни один ответственный акт не может быть совершен без санкции ЦК. По словам Рабиновича, разрешение было дано только на совершение подрывных работ. На судебном следствии, когда задавались вопросы обвиняемым, как нужно было понимать условие, поставленное Рабиновичем, был получен такой странный ответ, что эта группа должна была поехать на фронт, приблизительно под Самару, и там не могла совершить ни одного акта без ведома ЦК, сидевшего в Москве.

Группа была организована, и началась ее работа. Нужно сказать, что, несмотря на всю невероятную энергию, которую проявил в этом преступном деле Семенов, дело не было поставлено на должную высоту.

Что произошло после убийства Володарского? Гоц говорит, что, узнав об этом убийстве, он вспомнил о своем разговоре с Семеновым и подумал, не его ли рук дело. Сейчас же он дал строгий приказ Рабиновичу доставить ему на другой день утром Семенова до часу дня.

Могло ли это произойти? Сергеев убил Володарского 20 июня между 4—5 час. вечера. После убийства он пришел к Федорову-Козлову, вместе они отправились на квартиру Морачевского, где жил Семенов, и у него остались ночевать. Весь этот вечер и всю ночь до 9 час. утра они провели вместе, и никто не вызывал Семенова.

На другой день, по показанию Рабиновича, он встретил Коноплеву на явке после 12 час. дня. Коноплева говорила, что на нее налетел Рабинович и сказал: „Немедленно дайте мне Семенова“. И она пошла его искать. Значит, никоим образом Рабинович сам не мог найти Семенова и вызвать его к Гоцу.

Чернов в своей статье пишет: «Постников со слов Гоца рассказал мне буквально следующее: „Один эсер-рабочий, который имел серьезное партийное поручение, случайно встретил Володарского, не стерпел и выстрелил в него“.

Гоц по этому поводу заявил, что утверждение Постникова относительно „серьезного партийного поручения“, не соответствует действительности. Но он отрицает и другое утверждение Постникова, которое передает Чернову, а именно слышанную Постниковым фразу Гоца: „Ведь, вы, знаете, что по нашим традициям за такое самовольство человека, стоящего на революционном посту, расстреливают“.

Какое самовольство, на каком революционном посту стоял Сергеев? Эту фразу повторяет и Рабинович. Он говорит: „Я встретился с Семеновым и сказал ему фразу, слышанную в разговоре с Гоцем“.

Что все это значит? Очевидно, что фразу Гоц мог сказать только до встречи Рабиновича с Семеновым. Значит, Гоц был осведомлен о некоторых серьезных поручениях и самовольных выступлениях, за которые расстреливают. Значит, Гоц знал о том, какую работу и какое поручение имел Сергеев и в чем выразилось это самовольство. Об этом говорил Семенов. Это он, несмотря на распоряжение Гоца ждать, сказал Сергееву: „Если встретишь, — убей“.

Вот что вытекает из сопоставления мелких улик и черточек.

После убийства Володарского раньше времени, несмотря на запрещение Гоца, имел место факт, который приобретает чрезвычайно важное значение для всего процесса — переданное Рабиновичем постановление Гоца немедленно всей группе выехать из Петрограда.

Гоц рассказывает, что он вызвал к себе Иванову и поручил ей немедленно выехать в Москву, чтобы доложить об этом случае ЦК.

Иванова говорила, что она передала всю эту историю Тимофееву в версии Гоца. Тимофеев же добавил, что он пришел к заключению, что не только группу Семенова, но и всех вообще дружинников нужно собрать и немедленно перекинуть из Петрограда на восточный фронт.

Раков обмолвился, что по этому вопросу было наряжено следствие, но затем взял эти слова обратно и заявил, что было решено навести какую-то справку.

После убийства Володарского наступает чрезвычайно запутанный и длительный момент до начала покушения на Ленина.

Совершенно ясно, что Володарского убил член партии, член партийной организации, дружинник из группы Семенова, а 22 июня появляется в газетах объявление, что

„ни одна партийная организация не имела ничего общего с убийством Володарского“. Даже в таком маленьком факте можно констатировать допущенную ложь.

По приказанию Семенова в его переговорах с Гоцем намечались в качестве подлежащих убийству Володарский, Зиновьев и Урицкий. Связь и участие в подготовке этих покушений устанавливается тем фактом, что Иванова принимала меры к выяснению местопребывания Володарского путем справок в квартире Бокия. Иванова говорила, что она не считала возможным поддерживать знакомство с чекистами. Но вопрос сводится к тому, было или не было объективно целесообразным установить местопребывания Володарского, благодаря знакомству с Бокием. Нельзя, конечно, отрицать, что Бокий легче чем кто-либо другой мог помочь в этом отношении и ненароком указать адрес Володарского. Это было вполне возможно для Ивановой, потому что она имела связь с гр. Доллер, женой Бокия.

Остается вопрос о целесообразности передачи этого адреса Коноплевой уже после убийства Володарского. Обвиняемые говорили, что не было смысла устанавливать адрес Володарского, когда он был уже убит. Но Коноплева производила дальнейшую слежку за Урицким. Урицкий же был председателем ЧК, в которой работал Бокий. Таким образом, установление адреса Урицкого через Бокия представляется вполне естественным и понятным.

О покушении на Урицкого мы имеем показание Коноплевой. Слежка ею производилась в течение ряда дней, вплоть до 20-х чисел июля. Коноплева с точностью установила часы выезда Урицкого из квартиры на службу, после чего дала телеграмму в Москву Семенову, что все готово для покушения. Рабинович бывал у Коноплевой на ее квартире, которую она сняла для слежки за Урицким, и, таким образом, знал о производимой ею работе.

Слежка за Урицким была приостановлена. После убийства Володарского был отдан приказ дружинникам срочно выехать в Москву. Сергеев и Козлов выехали немедленно, а Семенов задержался, потому что он должен был принимать участие в совещании по вопросу о минной дивизии.

Обвиняемые говорят, что это нелепость, что Семенов не мог остаться в Петрограде после резкого столкновения между ним и Рабиновичем. Рабинович не мог предложить Семенову снова нести обязанности по военной комиссии.

Но здесь противоречия никакого нет. Семенов не мог остаться, если бы действительно был категорический приказ выкинуть всех дружинников из Петрограда за явное нарушение партийной дисциплины. И, наоборот, если до-

пустить существование контакта по вопросу об убийстве Володарского и террористической деятельности с Рабиновичем и Гоцем, оставление Семенова в Петрограде оказывается вполне понятным.

В первых числах июля в Москве состоялось собрание террористической группы, на котором ставился вопрос об отказе ЦК признать партийным актом убийство Володарского, вопрос о дальнейшем существовании группы и о том, что она должна выехать на фронт.

Что не было категорического решения перебросить дружинников на фронт, свидетельствует тот факт, что Усов, вопреки своему желанию, должен был остаться в Москве, а Коноплева остается в Петрограде. Иванова об этом знала, и если бы действительно существовало постановление о полной и безусловной ликвидации всей группы, она не могла бы допустить оставление Усова в Москве.

Тимофеев же говорит, что он знал о том, что весь отряд должен был быть переброшен на фронт. Сам Тимофеев говорил, что его инициативой было перебросить не только отряд Семенова, но и все боевые элементы отряда на фронт, и что только в августе, после попытки освобождения Гоца, он поставил вопрос о разрешении отряду Семенова остаться в Москве.

Но, ведь, еще в июле, по возвращении Семенова из Саратова, Тимофеев с последним разговаривал и знал, что отдельные дружинники, в том числе и Семенов, оставались в Москве. Таким образом, вопрос о немедленной отправке дружинников на фронт не стоял в форме категорического распоряжения, и все слова Тимофеева, что он предложил перекинуть всех боевиков на фронт, просто не отвечают действительности.

После поездки Семенова в Саратов и свидания там с Донским, мы имеем его свидание в Москве с Тимофеевым, а потом с Гоцем и разговор с тем и другим о терроре.

В это время приезжают в Москву из Петрограда Зубков, затем Королев и Новиков. И когда Гоц 30 июля уезжает из Москвы и арестовывается по дороге в Казань, для его освобождения в Москве уже есть группа боевиков.

Раньше отъезда Гоца из Москвы, Семенов едет в Петроград, видится с Коноплевой и возвращается с ней в Москву. Здесь Коноплева видится с Гоцем.

Здесь был спор и разговоры, кто приостановил и как приостановил подготовку покушения на Урицкого. Ясно, что это было решено в Москве в виду постановленного на очередь более серьезного дела — покушения на т. Ленина.

Когда вступила в боевую группу Фанни Каплан? Если обратиться к хронологическим датам и обстоятельствам дела, то будет ясно, что вступление произошло в июле.

До 21-го августа, до свидания Каплан с Донским, велась подготовительная работа по тому же плану, по которому она велась еще при первом покушении Семеновым и Ефимовым, т.-е. одновременно и за Лениным, и за Троцким.

20-го августа приехал в Москву Донской, а 21-го уехал из Москвы Тимофеев. Происходила передача дел, и во время этой передачи шел также вопрос о Семенове. Мы знаем, что Донской был осведомлен о боевой готовности отряда Семенова, как об этом свидетельствует Гоц. О том, что происходила передача отряда Семенова, говорил Тимофеев.

В июле месяце, возвратившись самовольно из Саратова, Семенов говорил с Тимофеевым о терроре и просил оставить его отряд в Москве. Тимофеев согласился и оставил отряд до приезда Донского. Зачем он это допустил, в прямое нарушение данной директивы о высылке боевиков на фронт, при наличии того факта, что террористические настроения Семенова были определенно выражены?

Говоря о попытке освобождения Гоца, которая должна была носить характер определенного террористического акта, Тимофеев сказал, что он решил оставить отряд в Москве, потому что он проявил боевую готовность и быструю способность к боевой мобилизации.

Тот же Тимофеев в августе поручил отряду знаменитое „золотое дело“ — взрыв поезда, везущего золото в Германию.

Сопоставление этих фактов устанавливает определенные противоречия в объяснениях Тимофеева. Одно из двух: или мы имеем дело с определенной группой, имеющей определенное задание боевого характера, и в таком случае Тимофеев говорит не все, что ему об этой группе было известно, или же он поступал вопреки прямым распоряжениям о высылке группы, которые он сам же делал.

Обвиняемые делали намеки на связь боевой группы Семенова с Савинковым. Показания Пелевина, Зубкова, Коноплевой и Ставской решительно отвергают эти намеки. Зубков вместе с Каплан в одну из пятниц ходил на Ходынку, Коноплева жила вместе с Каплан и могла вести с нею по этому поводу те или иные беседы, Ставская знала Каплан в качестве близкой знакомой и подруги, и, наконец, сама Каплан в своих показаниях после ареста говорила, что она принадлежит к Черновскому толку. Решительно нет ничего, что говорило бы о какой либо связи группы с Савинковым.

По заявлению Донского, Семенов сообщил ему, что в его группе имеется некая Каплан с террористическими стремлениями, на что Донской сказал, что желает ее видеть. Свидание состоялось на бульваре в присутствии Семенова.

На вопрос Донскому, на какой же предмет Семенов заявлял, что у него есть в группе человек с террористическими стремлениями, — не для того ли, чтобы отговорить Каплан,

Донской сказал, что, может-быть, для этого. Но какой же смысл Семенову говорить об этом, когда он сам в Саратове говорил Донскому совсем недавно о своем собственном террористическом настроении? Никакой логики такая постановка вопроса не выдерживает.

Но если поставить дело так, что предстоит выполнение террористического акта, что есть исполнитель, и что член ЦК хочет видеться с этим исполнителем,— в этой постановке вопроса есть определенная логика.

Дальше Донской объясняет, что он сказал Каплан в конце разговора; „Ну, подумайте“. Что значит сказать такую фразу человеку, который уходит от Донского с твердым убеждением, что он прав. Так сказал Донской после резолюции ЦК, запрещающей террористические акты.

Если предстоял политический акт, и значение и ценность этого акта велики, если он признавался вредным, то надлежало принять решительные меры, Семенову обязательно было бы сказано—сейчас же порвать с Каплан. Ничего подобного сказано не было.

Т. Крыленко останавливается на настроении рабочих боевиков.

Зубков, встретившись с Каплан в одну из пятниц, говорил ей, что он не верит в это дело. Сергеев, ночуя в Москве у Усова, рассказывая ему, как он убил Володарского, мучился и волновался по поводу этого акта. С этого момента, возможно, начались и колебания Усова. У этих людей были колебания, но они их глубоко запрятали в себе, ибо для них очень высоко стоял авторитет партии и они полагали, что члены ЦК лучше знают и умеют решать вопросы политической жизни. И только тогда, когда Зубков встретил Козлова и ему сказал, что не мог стрелять в Ленина, сказал, что он боится что его будут обвинять в трусости, Козлов ему сказал: „Нет, это ты хорошо сделал“. Однако, авторитет ЦК и его решение были для них в тот момент достаточно высоки.

Не стрелял Усов, не стрелял Козлов, не хотел стрелять Зубков, ибо все они были убеждены в том, что выстрелить не могли. Для них и живая речь, и живой вид В. И. Ленина, и его дела были настолько видны, что у них рука не подымалась.

Мы переходим к моменту трагического дня 30-го августа. Новиков помог задержать толпу, Каплан стреляла, покушение имело место, Владимир Ильич был ранен.

Для оценки этого акта необходимо передать то впечатление, которое отражено в речи Троцкого 2-го сентября на заседании ВЦИК. „Ко всем фронтам, которые окружают Советскую Россию,—сказал Троцкий,—прибавился еще один и самый опасный фронт, это—грудная клетка Владимира Ильича, где жизнь борется со смертью“.

Для революции, для истории мировой революции, для спасения России и русской революции этот трагический день является одним из самых тяжелых и самых опасных дней, которые когда-либо переживала Россия, переживал русский рабочий класс, переживала русская и мировая революция.

В этот день, фанатически убежденная в правоте своего дела и подтолкнутая на него Донским и всеми окружающими его лицами, Каплан стреляла в Владимира Ильича Ленина.

Если бы не было в нашей революции, — с волнением говорит т. Крыленко, — в частности, в той борьбе, которую мы вели и которую мы ведем за спасение и сохранение России и русской революции, Владимира Ильича, не было бы его светлого, ясного ума, не было бы его железной воли, то самарские ужасы и здесь, в Москве, имели бы место, и вся эта проклятая буржуазная сволочь терзала бы трупы тысяч русских рабочих и тысячи русских крестьян. Весь ужас этого дня, 30-го августа, мы понимаем еще и теперь, когда результаты этого дня до сих пор сказываются.

Тов. Крыленко переходит к анализу обстоятельств, сопровождавших покушение на тов. Троцкого. По требованию обвиняемых из Реввоенсовета Республики получены точные даты отхода и прихода поезда Троцкого в августе и сентябре 1918 года. Из справки Реввоенсовета Республики видно, что т. Троцкий уехал из Москвы 8-го августа. Покушение и освобождение Гоца из под ареста предполагалось на 6-е августа. В это время боевой отряд был занят организацией освобождения Гоца. Следовательно, не к этой поездке т. Троцкого относится покушение на него. Т. Троцкий вернулся в Москву 2-го сентября и снова выехал из Москвы в ночь с 5-го на 6-е сентября.

Все принимавшие участие в организации покушения на тов. Троцкого лица единогласно показывают, что покушение подготавливалось вскоре после покушения на тов. Ленина. Покушение на т. Ленина состоялось 30 августа. Следовательно, покушение на т. Троцкого приурочивалось к его отъезду из Москвы в ночь с 5-го на 6-е сентября. Даты сходятся.

Отречение ЦК партии от покушения на тов. Ленина было опубликовано 6 сентября. Значит, оно составлялось в ночь с 5-го на 6-е сентября. В эту же ночь предполагалось покушение на тов. Троцкого. В одну и ту же ночь ЦК составлял отречение, а боевая группа дежурила на железнодорожных путях, поджидая поезд т. Троцкого, чтобы бросить в него бомбу.

После опубликования отречения ЦК от покушения на тов. Ленина начинается длительное заседание в Томилине всей боевой группы. Группа посылает к Донскому Новикова и Семенова. Все участники группы этот факт подтверждают, а Донской отрицает. Он говорит, что к нему приходил Семенов

который ему сказал, что он, мол, передал Каплан револьвер, и в этом выразилось все его содействие в покушении на Ленина. Донской будто бы вспылал и сказал Семенову: „Зачем вы эту штуку сделали?“ На это Семенов ответил: „Все равно вы отрекаетесь от террора; я предлагаю организовать группу, которая будет действовать автономно“. А Донской будто бы ответил: „Если вы хотите действовать по-анархистски, то идите к анархистам и берите у них название „черные маски“ или „черные вороны“. Так говорил Донской, но все остальные члены боевой группы единогласно опровергают это заявление Донского и подтверждают заявление Новикова, который он давал на суде.

Проанализировав и сопоставив еще целый ряд фактов, тов. Крыленко с точностью устанавливает связь ЦК с боевой террористической группой, наличие переговоров членов ЦК с членами боевой группы по поводу террористических актов и ряд определенных мероприятий со стороны членов ЦК в связи с совершенными террористическими актами.

Участвовала ли в террористических актах Елена Иванова? Несомненно. Свое участие в попытке боевого отряда к освобождению Гоца она не отрицает. Следовательно, она имела связь с боевой группой, но участие в покушении на Троцкого Иванова отрицает. Это ее отрицание опровергается показаниями пяти лиц.

— Я думаю, — говорит т. Крыленко, — что показания лиц, которые вместе с Ивановой дежурили на откосе ж.-д. полотна и принимали участие в покушении на т. Троцкого, вполне достаточны для опровержения ее голословного заявления.

Вопрос относительно ценности показания обвиняемой Ивановой, которая начала свое выступление здесь, на суде, с лживого показания о своей прошлой несудимости при Советской власти и которая продолжает с упорной настойчивостью до настоящего времени лгать, представляется достаточно ясным, и пусть рабочие оценят поведение представителей и руководителей партии эсеров, пусть они оценят тот демонстративный отказ и отречение от лиц, которые по их директивам и по их указаниям работали. Это отречение является лучшим доказательством тактики и поведения подсудимых цекистов. !

С одной стороны мы имеем показания целого ряда лиц, старых партийных работников, бывших каторжан, которые утверждают полную причастность ЦК к террористическим актам. С другой стороны, голословное отрицание цекистов. Одно из двух: или группа лиц задалась целью лгать на свой бывш. ЦК и приписывать ему различные преступления, что невероятно; или же лгут подсудимые цекисты, спасая последние остатки чести партии, отрекаясь от убийства со-

ветских вождей из-за угла. Последнее вернее. Это подтверждается всеми объективными данными и пришедшими на суде показаниями и фактами.

Тов. Крыленко подводит итоги всему этому периоду. Вполне установлены: 1) связь ЦК с покушением на поезд Совнаркома, 2) связь ЦК с убийством Володарского, 3) связь ЦК с покушением на тов. Ленина и Троцкого. Связь с этими двумя покушениями устанавливается в особенности участием в них подсудимой Елены Ивановой.

Но кончилась ли на этом вся эта эпопея? Был ли выслан боевой отряд из Москвы, о чем, будто бы, решили цекисты? Нет, после террористических актов началась экспроприаторская работа.

— Я не буду подробно останавливаться на экспроприаторской работе. Установлю только связь ЦК с этой работой. Экспроприация на ст. „Буй“ цекистами признана. Получение денег, ограбленных у артельщика, тоже признано. Цекистский дипломат Тимофеев мягко формулирует получение этих денег: „инкассировали“,—говорит он. Он не может сказать прямо: взяли деньги и поделили их между собой на партийную работу. Это было бы слишком грубо.

ЦК, будто бы, вынес осуждение Донскому за эту экспроприацию, но деньги взял. Деньги взял, а осуждение Донскому скрыл.

В октябре было ограблено почтовое отделение в Москве. Семенов принес деньги Донскому. Но Донской обиделся: как вы смели совершить экспроприацию без моего разрешения,—гневно сказал он Семенову. Берите ваши деньги и уходите. Семенов ушел и израсходовал деньги на боевую организацию.

— Когда я спрашивал Донского,—говорит тов. Крыленко,—почему такой гнев, ведь объективные условия первой и второй экспроприации совершенно одинаковы, Донской давал путанные ответы. Сначала он сказал, что в Москве нельзя было заниматься эксками, а потом сказал, что на экспроприацию, будто бы, не было санкции. Но это неверно. Санкция была. Семенов принес деньги, экспроприированные на ст. Буй. ЦК эти деньги взял, никакого замечания не сделал и дальнейшей экспроприации Семенову не запретил. Поэтому Семенов был вправе понять поведение ЦК так: если деньги взяли, то, значит, экспроприации можно продолжать; деньги опять возьмут. Постановление же о замечании Донскому за экспроприацию в Буйе было скрыто, и Семенову не было известно. Значит, санкция у Семенова была.

Но и после этой самочинной, будто бы, экспроприации никаких репрессивных мер против Семенова и его группы принято не было.

Характеристику периода экспроприаций т. Крыленко заканчивает разбором своеобразной философии Тимофеева, о золоте. С одной стороны, Тимофеев утверждал, что казенные деньги брать можно, так как Советская власть ограбила, будто бы, партию эсеров. Но, с другой стороны, он заявлял, что золото, находившееся в поезде, который предполагалось взорвать, партия, будто бы, не хотела брать. Она намерена была оставить его на путях.

— Слишком уж сложная и неясная эта теория. Дело было проще: золото хотели взять и увезти на автомобиле.

Далее государственный обвинитель переходит к заключительной части своей речи,—к формулировке обвинений, предъявляемых к каждому из подсудимых в отдельности.

Для того, чтобы определить основную точку зрения при оценке действий подсудимых, надо обратиться раньше всего к точной формулировке закона, определяющего понятие контр-революционных действий, Согласно 57-й ст. уголовного Кодекса контр-революционными признаются всякие действия, направленные на свержение завоеванной пролетарской революцией власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского правительства. А также действия, направленные к помощи той части международной буржуазии, которая не признает правительства, пришедшего на смену капиталистическому, не признает коммунистической системы в России и стремится к ее свержению путем блокады и иными средствами.

Вот основной определяющий принцип. Если действия подсудимых были направлены на свержение Советской власти, на установление иных форм государственной и политической власти, на низпровержение завоеваний октябрьской революции и власти рабочего класса и трудящихся масс; если этот факт является установленным, то отсюда должно следовать признание наличности состава преступления контр-революционного характера.

По отношению к сидящим на скамье подсудимых суд должен определить, были или не были их действия направлены на свержение Советской власти.

Резолюция VIII, IX и X Советов партии решают этот вопрос совершенно ясно, отчетливо и бесповоротно. Все действия подсудимых, и в частности членов ЦК, руководивших деятельностью остальных партийных организаций, были направлены, как это явствует из их личных заявлений здесь на суде, и из фактов, которые прошли на судебном следствии,—на свержение Советской власти и Рабоче-Крестьянского правительства.

С другой стороны, на судебном следствии целым рядом фактов и свидетельскими показаниями вполне установлено,

что своими действиями подсудимые оказывали помощь международной буржуазии, стремящейся к свержению коммунистической системы и к восстановлению капиталистической собственности путем блокады и иными средствами, в том числе и вооруженной борьбой.

Следовательно, те признаки, которые определены в ст. 57-й Уголовного Кодекса, имеются налицо. Кроме того, перед нами сидит организация, действовавшая в целях, предусмотренных и караемых ст. 58-й.

Имеются налицо также преступления, предусмотренные ст. 68-й Уголовного Кодекса, — укрывательство и пособничество всякого рода преступлений, предусмотренных ст. ст. 56, 57 и 60-й. Преступления этой категории были совершены всеми, без исключения, подсудимыми, что судебным следствием вполне установлено.

Ст. ст. 58 и 59 точно конкретизируют понятие контр-революционных действий вооруженное восстание, вторжение на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, участие во всякой попытке захватить власть в центре или на местах, стремление насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории или расторгнуть ее договор.

Каждый из этих моментов имеет место в деятельности подсудимых и организация вооруженных восстаний, и организация вооруженного вторжения отрядов или банд, и участие в попытке захватить власть в центре или на местах, и участие в попытке насильственного отторжения определенной части территории, и расторжение заключенных договоров. Все это установлено на суде.

Кроме всех этих преступлений, в наличности имеется еще организация и выполнение в контр-революционных целях террористических актов против представителей Советской власти, против вождей революционных рабочих и крестьян, а также организация в контр-революционных целях разрушения и повреждения железнодорожных путей, участие в шпионаже всякого рода, и, наконец, экспроприации — грабежи.

Вот та основная точка зрения, с которой следует подходить к определению степени индивидуальной виновности, индивидуальной ответственности каждого отдельного подсудимого.

На первом месте тов. Крыленко ставит подсудимого Гоца, как одного из наиболее ответственных и видных руководителей партии эсеров. Гоц пользуется в партии наибольшим авторитетом. Для его спасения и освобождения из-под ареста партия не остановилась признать возможным пожертвовать другими своими членами, в частности боевой группы Семенова. Гоц принимал непосредственное участие или ру-

ководил всеми действиями обвиняемых, начиная от юнкерского восстания в Петрограде и кончая экзами. Участие Гоца в преступной работе партии с самого начала и до конца полностью доказано.

В отношении обвиняемого Гоца подлежит признанию наличность признаков, предусмотренных ст. 60, общей частью ст. 15-й, ст. 64-й и 2-й частью ст. 76 Уголовного Кодекса.

Обвиняемый Донской—член ЦК партии, один из наиболее авторитетных и наиболее видных практических руководителей ее работ, руководил преступной работой в партийных организациях в Петрограде, Москве, Саратове, и снова в Москве—по возвращении из Саратова. Вполне установлены подстрекательства со стороны Донского к участию в совершении террористических актов, участие в шпионаже, подстрекательстве и пособничестве в контр-революционных целях, во взрывах, разрушениях, подстрекательстве и участии в налетах и грабежах (ст. 60, 54, 65, 76 и 66).

Обвиняемый Герштейн—член ЦК, вел контр-революционную работу по подготовке вооруженного восстания в Петрограде, на Украине и на Урале, участвовал также в подстрекательстве к совершению террористического акта против тов. Берзина, что вполне устанавливается показаниями свидетельницы Алексеевой. Кроме того, Герштейн принимал участие в шпионаже.

Обвиняемый Раков—член ЦК, подлежит ответственности в качестве деятеля центрального комитета—члена преступной организации, предусмотренной ст. 66 Уголовного Кодекса.

К этой же категории относятся обвиняемые Федорович, Веденяпин и Гендельман (ст. 60, 66 и II часть ст. 76).

Обвиняемый Лихач, как член ЦК, подлежит еще специальной ответственности, как организатор вооруженного вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов и как организатор вооруженного восстания в Архангельске (ст. 60, 58, II часть 76).

Обвиняемый Иванов подлежит ответственности, как член ЦК, и, сверх того, за укрывательство и пособничество, которые были оказаны им по отношению к деятелям экспроприаторских и террористических организаций, с которыми он непосредственно и через свою сестру, Елену Иванову, участницу этих организаций, имел связь (ст. 60, 2-я часть 76, 68, 64, 65).

Е. Ратнер подлежит ответственности за аналогичные деяния (ст. 60, 76, 68).

Иванова Елена подлежит ответственности по ст.ст. 60, 64 и 2-й части 76 и 65 ст. ст.

Обвиняемый Тимофеев подлежит ответственности, как член ЦК, и, сверх того, за участие в подстрекательстве к террористическим актам, за укрывательство краденого и за сношения с иностранными государствами в определенных контр-революционных целях (ст. 60, 64, 76, 59).

Обвиняемые Морозов, Артемьев, Агапов, Альтовский, Либеров, Горьков-Добролюбов и Львов подлежат ответственности, как члены преступной организации, принимавшие участие во всех или в части перечисленных выше деяний (ст. 60, 65, 68).

Обвиняемый Игнатъев стоит особняком. В организацию партии эсеров он не входил и лишь косвенно связан с этой организацией. Поэтому ст. о преступных организациях к нему неприменима. Его преступления должны квалифицироваться, как индивидуальные. Он подлежит ответственности за сношения с представителями иностранных государств с целью склонения их к вооруженному вмешательству, в организации в контр-революционных целях разрушений и повреждений взрывами и поджогами ж. - д. путей, в бытность его в Вологде, а также в пособничестве и укрывательстве всякого рода преступлений, предусмотренных ст. ст. 58 и 59. Игнатъеву вменяются ст. ст. 38, 59, 65, 68 и 70.

Обвиняемый Семенов подлежит ответственности за организацию в контр-революционных целях террористических актов и экспроприаций. Остальные преступления ему амнистированы (ст. 64, 65, 68).

В таком же положении находится обвиняемый Дашевский, которому вменяется в вину пособничество при выполнении террористических актов, поскольку это выразилось в пособничестве и сводничестве Каплан с группой Семенова (ст. 15, 64, 68).

Обвиняемая Коноплева подлежит ответственности за непосредственное участие в террористических актах, в бандитских нападениях и разбойных ограблениях, а также в укрывательстве и пособничестве (ст. 60, 64, 76 и 67).

Обвиняемый Григорий Ратнер—ст. 60, 75 и 80.

Обвиняемый Ефимов подлежит ответственности за участие в организации террористических актов, за участие в бандитских нападениях, за укрывательство и пособничество (ст. 64 и 76).

Обвиняемый Усов—за непосредственное участие в террористических актах, в бандитских нападениях, за укрывательство и пособничество. В этих же преступлениях обвиняется и подсудимый Козлов (ст. 64, 76 и 68).

Обвиняемый Зубков подлежит ответственности за участие во взрывах и поджогах железнодорожных путей (ст. 64, 76, 68, 65) и обвиняемый Пелевин—за бандитские налеты и ограбление и недонесение (ст. 68 и 76)

Обвиняемая Ставская обвиняется в военном шпионаже и др. преступлениях (ст. 60, 76 и 68).

В особую группу выделяются подсудимые — Утгофт, Берг, Морачевский и Злобин. К этим подсудимым т. Крыленко находит возможным применить ст. 49 Уголовного Кодекса в качестве меры социальной защиты республики, т.-е. высылку на указанный судом срок в северные местности России в соответственно приспособленные для этого помещения.

Следующей группой лиц, на которой приходится остановиться при точном определении репрессии, — продолжает тов. Крыленко, — будет группа лиц, которая занимает вторую скамью подсудимых и которая своим поведением за истекший период и показаниями здесь на суде, помогла раскрыть те преступления, которые рассматриваются Трибуналом.

Трибунал при решении вопроса о мерах наказания обязан исходить, прежде всего, из общих соображений, изложенных в руководящих началах общей части Уголовного Кодекса. Эта часть Кодекса рассматривает наказание, как меру предупреждения новых преступлений и лишения преступников возможности совершать таковые. Относительно этих лиц от Трибунала зависит вопрос о мере наказания.

По точному смыслу закона эта группа подлежит суровым наказаниям. Но Трибунал по смягчающим обстоятельствам может понизить наказание, применив к ним ст. ст. 64, 65, устанавливающие кару не ниже 5 лет заключения со строгой изоляцией, или ст. 76-ю — заключение не ниже 3 лет со строгой изоляцией.

В Уголовном Кодексе имеется еще ст. 28-я, в общей части которой говорится, что суд в известных случаях может и в праве определить норму наказания ниже низшего предела, но не иначе, как точно изложив мотивы понижения. А в ст. 330 Уголовного процессуального Кодекса говорится, что если суд по внутренним убеждениям признает справедливым по обстоятельствам дела не подвергать подсудимого наказанию, то он может это сделать, изложив мотивы своих действий и войдя по этому поводу с ходатайством в президиум ВЦИК.

— Я полагаю, — говорит тов. Крыленко, — что предусмотренное ст. 330 право может быть применено Трибуналом к тем лицам, относительно которых на судебном следствии доказано, что они по собственной инициативе, по собственным побуждениям отказались и сами не приняли мер к доведению до конца своих преступных намерений, которые они в то время собирались совершить.

В отношении Семенова и Коноплевой применима ст. 24-я. Согласно этой статьи, при определении меры наказания, учитывается степень и характер опасности самого пре-

ступника. Для этого подлежит обследованию личность преступника, выяснение образа его жизни и прошлого и насколько сам преступник опасен в будущем. При определении меры наказания по отношению Коноплевой и Семенову должно быть принято во внимание все то, что по данным следствия здесь в отношении их установлено. Так же стоит вопрос и по отношению к подсудимому Дашевскому.

Но особо стоит вопрос по отношению к обвиняемому Игнатьеву,—продолжает тов. Крыленко.—Я устанавливаю, что преступление, совершенное обвиняемым Игнатьевым, с моей точки зрения, является тягчайшим преступлением против Республики. Только в том случае, если суд признает наличие такой твердой и определенной устойчивости, которая с точки зрения суда вполне гарантирует, что данное лицо не может считаться социально опасным,—только в этом случае возможна постановка вопроса о применении соответствующих ст. ст. закона, разрешающих смягчать наказание. Если же суд этого не признает, если для суда останется недоказанной социальная безопасность Игнатьева, то к нему должно быть применено наказание, предусмотренное соответствующими ст. ст., полностью.

Тов. Крыленко переходит к оценке деятельности первой группы подсудимых, проявивших особое упорство в достижении той цели, которую они себе поставили. Он считает возможным применить к ним одну общую меру наказания.

— Товарищи судьи,—говорит он, — мы знаем, как в настоящее время действуют и что делают представители соглашательских партий из 2-го Интернационала, и как относится международная буржуазия к процессу партии с.-р. Еще до начала процесса за границей была создана комиссия Рабиновича для агитационной кампании в связи с процессом. Документально доказана та работа широкой агитации, которая была принята для того, чтобы мешать совершиться правосудию. Это было еще в то время, когда процесс находился в стадии предварительного следствия. Нам известно также, что на конференции в Берлине, от имени которой сюда приезжали Вандервельде и компания, ставился вопрос об исключении применения к подсудимым высшей меры наказания. Все это придает процессу особенное историческое значение.

Какой смысл политический и исторический имеет в данном случае тот шум, который поднят вокруг этого процесса. В течение пяти лет Советская Республика борется со своими врагами. В течение пяти лет со всем напряжением и со всей физической энергией работали сидящие на скамье подсудимых для того, чтобы повергнуть страну в отчаянное положение и еще больше усилить ту разруху,

страдания и лишения, которые переживала Россия в течение этих лет.

Но раз и не два сидящие на скамьях подсудимых были в руках представителей государственной власти и чрезвычайных ее органов как раз в такие моменты, когда эти чрезвычайные органы имели чрезвычайные полномочия. Но им, так или иначе, удавалось уцелеть во время этих тяжелых этапов развития нашей революции. Теперь, когда государственная власть укрепилась и стала твердо на ноги, она нашла возможным дать необходимые судебные гарантии при рассмотрении конкретных политических преступлений. Эти права и гарантии предоставлены и в данном случае и этим подсудимым. В какой же мере, в какой степени и для каких целей использовали они эти права и гарантии? Они использовали их для того, чтобы здесь торжественно и громко заявить, что и впредь работа их будет продолжаться для достижения тех же преступных целей, к которым они все время стремились: свержение Советской власти и нанесение вреда Советской Республике.

Исходя из этого рода заявлений, исходя из того факта, как относится международная буржуазия и ее привлекатели к самому факту существования Советской Республики, исходя из того, что нам предстоит в ближайшем будущем самые тяжелые, может-быть, моменты, на попроще восстановления своей экономической самостоятельности, исходя из всего этого, следует признать, что при таких условиях только твердая государственная власть и государственная система являются якорем спасения.

Что делали подсудимые в течение этих 5-ти лет?

Мы видели здесь и попытку вооруженного восстания, и организацию его. Гарантированы ли мы в будущем от таких попыток? Наоборот. И в резолюции IX совета партии, и во всех последовавших фактах, имевших место в течение 20—21 г.г., мы видим работу, направленную к новой организации, к новой подготовке вооруженного свержения Советской власти, тогда ли, когда будет массовое планомерное движение, которое будет давить на Советскую власть, или тогда, когда будут изолированные вспышки и изолированные преступления.

Опыт проведения в жизнь резолюций IX совета партии показал, что в этом отношении никаких гарантий нет. Мы имеем перед собой тот же самый сплошной фронт, начиная от Веденяпина и др. и кончая Авксентьевым, Керенским, Бахметьевым и парижскими толстосумами. Этот сплошной фронт, по-прежнему, идет против Советской республики.

— Я верю,—продолжает тов. Крыленко,—что большого вреда, т.-е. уничтожения Советской власти, свержения Советской власти, партия с.-р. не может добиться, ибо, если

она чего-нибудь и добивалась, то только того, чтобы ее сбрасывали и раздавливали разные контр-революционные элементы в то время, когда она приближалась к власти. Но, что в грядущих перспективах новых тяжелых переживаний, новых тяжелых лишений и страданий в лице этих конкретных людей мы найдем лиц, которые сделают все, чтобы до максимальной степени увеличить эти страдания, до максимальной степени увеличить лишения и трудности, которые стоят перед Советской властью, перед русскими рабочими и крестьянами—и в этом, на основании фактов, которые прошли здесь, на суде, не приходится сомневаться.

Преступлением и непоправимой ошибкой будет, если в настоящий момент, когда благосостояние республики является высшим законом, во имя которого все должно быть принесено в жертву; если в настоящий момент, когда буржуазные воротилы и их приспешники в Западной Европе полагают, что под их дудку будет плясать Советская власть,—если в этот момент государственная власть не обрушится со всей тяжестью на головы подсудимых.

Прежде всего, нам надо блюсти, чтобы республика не потерпела вреда; надо блюсти, чтобы во всяком случае интересы республики были выше всего, что бы ни говорили и что бы ни кричали в России или в Западной Европе представители соглашательских организаций.

Нашей задачей, задачей Трибунала, является, прежде всего, поставить вопрос так, что данные люди социально опасны, и нет никакой надежды, на то, что их действия в будущем изменятся, Трибунал есть орган классовой борьбы рабочего класса, направленной против врагов пролетариата.

— Поэтому я полагаю, что при постановке вопроса о мере наказания, ко всей группе этих лиц, за исключением только четырех, которых я выделил, должна быть и может быть поставлена такая мера наказания, которая по совокупности в законе определена.

Приговор должен быть один: расстрел всех до одного за все преступления, за всю кровь, за весь ужас, за все страдания, за все лишения, которые в течение пяти лет нам приходилось выносить, и которые сознательно причинили Республике эти лица, здесь заявлявшие, что они и впредь не отказываются от того, чтобы все силы умственные и физические направить на то, чтобы приносить и в дальнейшем вред нашему делу, за которое мы уже боремся пять лет. Мы выстрадали право самозащиты и самообороны от наших врагов.

Я требую высшей меры наказания.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

- 1) Приговор Верховного Революционного Трибунала.
- 2) Постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Раб., Кр. и Кр. Депутатов.
- 3) Воззвание Коммунистического Интернационала к пролетариям всех стран.

Справедливый приговор Революционного Трибунала Советской России над вождями эсеров.

Приговор Верховного Революционного Трибунала.

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Верховный Трибунал при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов в открытом судебном заседании своем от 8-го июня по 7-е августа 1922 года в составе председателя тов. Г. Л. Пятакова и членов гг. О. Я. Карклина и А. В. Галкина, заслушав дело по обвинению гражд.: 1) имеющего высшее образование сына купца А. Р. Гоца, 2) имеющего высшее образование сына врача Д. Д. Донского, 3) имеющего высшее образование Е. М. Тимофеева, 4) Льва Яковлевича Герштейна, 5) имеющего высшее образование сына чиновника М. А. Лихача, 6) имеющего высшее образование б. мещанина Н. Н. Иванова, 7) имеющей высшее образование б. потомств. почетн. гражд. Е. М. Ратнер-Элькинд, 8) имеющего высшее образование Д. Ф. Ракова, 9) имеющего высшее образование б. дворянина Ф. Ф. Федоровича, 10) имеющего высшее образование М. А. Веденяпина, 11) имеющего высшее образование сына врача М. А. Гендельмана, 12) б. учителя С. В. Морозова, 13) имеющего высшее образование Н. И. Артемьева, 14) имеющей высшее образование Е. А. Ивановой (Ирановой), 15) сына священника М. И. Львова, 16) имеющего высшее образование б. мещанина В. В. Агалова, 17) имеющего высшее образование П. В. Злобина, 18) имеющего высшее образование А. И. Алт-товского, 19) сына жандармского офицера б. гардамарина В. Л. Утгоф-Дерюжинского, 20) имеющего высшее образование сына дворянина А. В. Либерова, 21) имеющего высшее образование б. мещанина Г. Л. Горькова (Добролюбова), 22) рабочего Е. С. Берга, 23) б. дворянина Ю. В. Морачевского, 24) имеющего высшее образование б. потомств. почетн. гражданина В. И. Игнатьева, 25) сына врача Г. М. Ратнера, 26) сына чиновника Г. И. Семенова, 27) б. мещанки, имеющей среднее образование, Р. Е. Ставской, 28) имеющего высшее образование сына мещанина И. С. Дашевского,

29) б. студента П. Т. Ефимова, 30) имеющей среднее образование дочери учителя Л. В. Коноплевой, 31) крестьянина, обладающего самообразованием, П. Н. Пелевина, 32) рабочего К. А. Усова, 33) рабочего Ф. Ф. Козлова (Федорова) и 34) рабочего Ф. В. Зубкова—в ряде контр-революционных деяний, направленных на свержение рабоче-крестьянской Советской власти и уничтожение революционных завоеваний рабочего класса, а именно в преступлениях, содеянных ими в качестве членов центрального комитета партии так-называемых „социалистов-революционеров“, а также иных организаций этой партии и членов иных партий, находившихся и действовавших в непосредственной связи с руководящими органами П. С.-Р., каковые деяния изложены в обвинительном заключении по настоящему делу, и взвесив и сопоставив свидетельские показания с документальными данными и показаниями и объяснениями обвиняемых, прошедшее перед ним в течение 50 дней судебного заседания, установил:

Преступления, вменяемые обвиняемым, имеют глубоко политический характер, и могут быть во всем своем значении правильно оценены лишь в непосредственной связи с теми величайшими событиями, первенствующее место в которых принадлежит рабочему классу России.

Капиталистическое общество не раз потрясилось открытыми столкновениями классов. Эти столкновения принимали уже несколько раз самую острую форму, форму вооруженной борьбы, когда класс шел против класса с оружием в руках, ставя перед собой, в качестве ближайшей задачи, захват или удержание государственной власти. До 1917 года все попытки пролетариата овладеть путем вооруженного восстания государственной властью, в целях последующего переустройства всего общественного строя, неизменно кончались поражением рабочего класса, сопровождавшимся бешеной расправой, учиняемой одерживающей верх буржуазной контр-революцией. Кровавый июнь 1848 года во Франции, поражение Парижской Коммуны 1871 года и бешеный разгул реакции после 1905 года в России, являются яркими примерами трагического финала штурма пролетариатом государства эксплуататоров, когда он заканчивался поражением восставшего рабочего класса. Частичные поражения трудящихся во время гражданской войны в России 1917—1920 годов в отдельных частях страны или поражение финляндского и венгерского пролетариата в 1918 и 1919 годах, показывают, что в нынешнее время, время катастрофического потрясения всего капиталистического мира, расправа с рабочими, дерзнувшими вырвать из рук буржуазии государственную власть, принимает еще более жестокие формы поголовного истребления всего сознательного, передового и честного в рабочем классе.

В 1917 году в России впервые в мире восстание пролетариата привело не только к кратковременному овладению государственной властью рабочим классом, поддержанным широкими слоями крестьянства, но и к длительному удержанию этой власти в руках трудящихся, к установлению Рабоче-Крестьянской Республики, к утверждению диктатуры пролетариата, как переходной к полному социалистическому устройству государственной формы.

25-го октября (7-го ноября) 1917 года временное правительство буржуазии, в коем ближайшее участие принимала партия так-называемых „социалистов-революционеров“, и во главе коего стоял виднейший и в тот момент авторитетнейший член партии с.-р. Керенский, было свергнуто восстанием петроградского пролетариата, поддержанного солдатами петроградского гарнизона. Второй всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов утвердил вышедшее из восстания временное рабоче-крестьянское правительство, и 27-го октября (9-го ноября) установил новую легальную власть—власть Советов. Первой задачей этой новой власти было уничтожение сопротивления буржуазии и обеспечение таким путем возможности осуществления основной задачи: уничтожения классового расчленения общества путем изменения хозяйственного строя.

Перед всеми промежуточными слоями, лишенными самостоятельного общественного значения, особенно в эпоху революционного перелома, в том числе, следовательно, и перед слоями, политически возглавляемыми партией „социалистов-революционеров“, должен был встать, и действительно встал, вопрос: с кем идти—с пролетариатом против буржуазии или с буржуазией против пролетариата. Практически политически этот вопрос означал: борьба за Советскую власть, или борьба против Советской власти.

П. С.-Р. на этот вопрос ответила не только словами, но и делами.

Уже 28—29 октября 1917 года в Петрограде начинается первое вооруженное действие П. С.-Р. против Советской власти. Против революционного Петрограда шел монархический генерал Краснов, будущий вешатель рабочих и крестьян на юге России, союзник императора Вильгельма Гогенцоллерна, своей жестокостью превзошедший генерала Галлифе. Вместе с Красновым шел с.-р. Керенский. В этот момент в Петрограде, против молодой, только что установившейся, неорганизованной рабоче-крестьянской власти было поднято вооруженное восстание юнкеров, руководимое членом центрального комитета партии так-называемых „социалистов-революционеров“ А. Р. Гоцем, находившимся в прямой связи с генералом Красновым. Таким образом, первое восстание против Советской власти, в коем участвовали: генерал Крас-

нов, казаки, юнкера Николаевского училища, броневики, обслуживаемые офицерами, и др. буржуазно-контр-революционные и черносотенные силы, руководилось партией „социалистов-революционеров“. Прикрываясь лже-социалистическими знаменами этой мелко-буржуазной партии, на приступ Советской власти шла крупная буржуазия и самые черносотенные общественные группы. Объединенная реакция могла выдвинуть вперед в борьбе против Советской власти только такую партию, которая, хотя бы по имени была социалистической и которая своим революционным прошлым была бы способна увлечь за собой хотя бы некоторую часть трудящихся. Первый контр-революционный чисто-заговорщический мятеж против власти Советов в Петрограде потерпел неудачу.

По всей России началась гражданская война против установленной съездом Советов революционной власти, и всюду П. С.-Р. стояла в первых рядах сил, пытавшихся свергнуть только что образовавшуюся рабоче-крестьянскую власть. На весах борющихся сил партия, называющая себя „социалистической“ и „революционной“, бросила весь свой авторитет—на сторону буржуазии против пролетариата и крестьянства, имея задачей отколоть наиболее отсталую часть трудящихся и повести ее против Республики трудящихся, чтобы упрочить позицию той безнадежно бессильной группы, каковой являлась бы изолированная буржуазия. В исторически неизбежной гражданской войне между угнетателями и угнетенными, и при том в решающий ее момент, на стороне буржуазии против рабочих и крестьян в качестве вождя и застрельщика стала партия „социалистов-революционеров“ в лице ее центрального комитета.

Потерпев первое поражение, центральный комитет П. С.-Р. повел работу в новой форме, усиленно пытаясь организовать силы и создать технические аппараты для нанесения Советской власти более сильного удара. В частности, военная комиссия при Ц. К. П. С.-Р., энергично подготавливает как в воинских частях, так и путем вербовки вне их, используя все легальные возможности, военные силы, которые могли бы послужить боевым авангардом в грядущей вооруженной борьбе против рабоче-крестьянской Республики.

5-го января 1918 года, в день созыва учредительного собрания. П. С.-Р., прикрывшись лицемерным лозунгом мирной демонстрации, попыталась организовать подготовлявшееся заранее вооруженное выступление. Военная комиссия при Ц. К. П. С.-Р., имела специальную задачу: организовать вооруженные силы к этому дню. На двух гарнизонных совещаниях вопрос о выступлении ставился и разрешался практически. Боевые дружины имели приказ в этот день выступить. Вооруженные силы должны были идти не по маршруту мирной демонстрации, а по другому, специально для

них выработанному маршруту. 13 броневиков, Семеновский полк, Преображенский полк и партийные боевые дружины должны были стать тем вооруженным кулаком, который должен был поднять восстание в целях защиты последнего оплота, последней надежды буржуазии—Учредительного Собрания, как наиболее удобной для того момента формой обмана широких масс. В критический момент, в ночь на 5-е января, Ц. К. П. С.-Р., испугавшись революционного настроения масс, забил отбой, бросив спровоцированные им многочисленные элементы населения на произвол судьбы.

После ликвидации учредительного собрания центр тяжести работы военной организации П. С.-Р. переносится из области широкой пропаганды в область более конспиративной, более узкой, определенно технической и заговорщической подготовки вооруженного выступления. Военная комиссия приобретает отчетливый характер технического орудия подготовки вооруженного мятежа. Столица разделяется на нелегальные комендатуры, при чем первоначально комендантами ставятся партийные с.-р., а позже привлекаются также беспартийные коменданты. Одной из работ военной комиссии является вливание враждебных Советской власти элементов в Красную армию, вплоть до самых ответственных должностей. С другой стороны, пользуясь своими связями и используя недостатки аппарата революционной власти, П. С.-Р. преступно натравливает некоторые остатки воинских частей старой армии не по назначению, а в места сосредоточения сил против Республики. Так, направляются артиллерийские батареи в Вольск, электро-технический батальон в Саратов, перебрасывается броневой дивизион и т. п.

В Петрограде П. С.-Р. в это время трижды пытается поднять вооруженные мятежи: 1) при разоружении многочисленных остатков Преображенского полка, 2) в связи с волнениями за Невской заставой и 3) в связи с волнениями в минной дивизии.

Задолго до предполагавшегося выступления преображенцев, военная комиссия ведет нелегальную работу в Преображенском полку, „вливая“ в него враждебные Советской власти элементы. В этой работе П. С.-Р. вошла в соприкосновение с открыто-буржуазной реакционной организацией, во главе которой стоял корниловец Филоненко, связанный, в свою очередь, с ударными офицерскими группами и гражданской охраной и работавший на средства буржуазии. Ц. К. П. С.-Р. через свою военную комиссию устанавливает с Филоненко деловую связь, при чем военная комиссия получает от Филоненко денежные средства. Перед разоружением остатков Преображенского полка происходит совещание членов военной комиссии с членами Ц. К. П. С.-Р., и Ц. К. дает свое согласие на выступление. С другой стороны,

с Филоненко устанавливается связь, практически делового, военно-технического характера. Мобилизуются партийные боевики. Все партийные ячейки приводятся в боевую готовность. Однако, открыто никакие политические задачи партией не выдвигаются из боязни неминуемого отпора со стороны народных масс; ставка ставится на групповую солидарность наиболее косных элементов старой казармы, не желавших исполнить приказ о сдаче оружия, т.-е. не желавших списываться с государственного котла. Расчет Ц. К. П. С.-Р. заключался в том, чтобы в случае, если вооруженный мятеж преобразенцев перебросится на другие воинские части, всемерно его поддержать и использовать для свержения Советской власти; в случае же неудачи, отойти в сторону, заявив о своей непричастности. Тактика политической провокации и единого фронта со всеми анти-народными силами, вплоть до открыто реакционных нашла себе ясное выражение уже на этом деле. Два других названных выше случая не вносят каких-либо новых обстоятельств для уяснения тактики П. С.-Р., за исключением того, что в случае с минной дивизией устанавливается объективный блок П. С.-Р. с открыто черносотенными элементами, как организация Иванова, являвшегося прямым и непосредственным агентом Гогенцоллернской Германии. Если соглашение Ц. К. П. С.-Р. с этой организацией формально и не доказано, то доказано безусловно, что: 1) Ц. К. П. С.-Р. и его военная комиссия работали в одном и том же направлении с этой организацией и 2) Ц. К. П. С.-Р. поддерживал с этой организацией „информационную“ связь, зная, что Иванов агент императорской Германии.

В Москве, в дни Октябрьского восстания П. С.-Р. занимает такую же позицию, как и в Петрограде. Она идет вместе с буржуазией против восставших рабочих, поддержанных солдатскими массами. В ее распоряжении только школы юнкеров и часть школ прапорщиков; даже те рабочие и солдатские группы, которые находились под ее влиянием, остаются пассивными, не смея выступить против героического восстания широких пролетарских и солдатских масс. После ликвидации учредительного собрания в Москве создается авантюристская военная организация под руководством члена учредительного собрания, ответственного члена П. С.-Р., доктора Павлова. В эту организацию входят и домовые охраны домовладельцев и квартирнанимателей, и церковные приходы. Когда член московского комитета П. С.-Р. Канделаки, приглашенный Павловым в эту организацию, спрашивает у члена Ц. К. П. С.-Р. Гендельмана указаний на этот счет, последний не возбраняет вхождение в организацию Павлова, но предлагает Канделаки действовать по своему личному усмотрению. В марте—апреле в Мо-

скву прибывает в качестве партийного руководителя член ЦК Тимофеев, руководитель военной комиссии Дашевский, вступают в военную работу Зензинов и Моисеенко. Организация Павлова преобразуется, и создается военная организация Ц. К. П. С.-Р., которая имеет перед собой задачи, аналогичные задачам петроградской военной комиссии. В числе прочих преступных деяний этой организации особо преступное значение имеет собирание через своих агентов сведений о Красной армии, похищение документов из мобилизационного отдела всероссийского штаба Красной армии, изучение с преступными намерениями этих документов членом Ц. К. Тимофеевым, совместно с членом П. С.-Р., полковником Махиным, вливание в целях дезорганизации в Красную армию враждебных Советской армии лиц вообще и на командные должности, в частности, где эти лица наносят чрезвычайный ущерб Красной армии своими дезорганизаторскими действиями, прямыми переходами на сторону врага (особенно отчетливо эта тактика выявляется в случае с упомянутым полковником Махиным, который, по указанию Ц. К. П. С.-Р., как провокатор, принял на себя ответственную командную должность в Красной армии, а затем под Уфой предательски перешел с частью находившихся под его командой красноармейцев на сторону врага), перебрасывание офицеров в пункты, намеченные для вооруженного восстания, и т. п. В этой военно-технической работе П. С.-Р. обслуживает белогвардейские элементы, предоставляя в их распоряжение весь свой опыт нелегальной работы, приобретенный ею в тот период, когда она еще вела борьбу с царской властью.

Уже с начала 1918 года Ц. К. П. С.-Р. подготовляет создание открытых фронтов гражданской войны против неокрепшей еще Советской республики.

7—14 мая 1918 года собирается 8-й совет П. С.-Р., который оформляет и закрепляет позицию открытой вооруженной борьбы против Советской власти и в то же время выносит ряд намеренно двусмысленных и заведомо лживых политических решений, долженствующих прикрыть подлинную политическую суть этой борьбы, в целях обмана как рядовых членов партии, так и тех слоев крестьянства, которые не избавились еще от иллюзий буржуазной демократии. В соответствии с решениями 8-го совета и всей предшествующей практической работой П. С.-Р., после 8-го совета борьба П. С.-Р. против Советской власти достигает максимального напряжения.

Наибольших жертв Республике трудящихся стоило проведение партией „социалистов-революционеров“ постановлений 8-го совета в Поволжье, Архангельске, Вологде, где при непосредственной помощи правительств Антанты, были

созданы партией „социалистов-революционеров“ открытые фронты гражданской войны против Республики Советов.

Французская миссия, с одной стороны, и действовавшая с ней в союзе П. С.-Р., с другой, спровоцировали в Пензе и Самаре мятеж чехо-словацких легионов. Командный состав этих легионов, действовавший по приказу французской миссии путем целой системы рассчитанных провокационных действий, втянул легионеров в вооруженную борьбу с Российской Рабоче-Крестьянской Республикой. П. С.-Р., в целях приобретения опорного пункта в своей борьбе против власти Советов, путем прямого обмана чехо-словацких легионеров, придала этой борьбе приемлемую для чехо-словацких легионеров идеологию и тем самым сделала мятеж и его дальнейшее развитие возможным. Опираясь на этот мятеж, с одной стороны, опираясь на уральское и оренбургское казачество, во главе которого стоял черносотенный генерал Дутов, с другой, в тесном союзе с белогвардейским офицерством и в связи с вооруженным мятежом на Дону и Кубани генерала Алексеева, Ц. К. П. С.-Р. создает на Волге важнейший фронт гражданской войны. Сюда переносится центр тяжести работы Ц. К. П. С.-Р. и здесь создается контр-революционное „самарское правительство“, образованное центральным комитетом П. С.-Р. Работая в тесном единении с белогвардейцами, буржуазией и союзниками, Ц. К. П. С.-Р. пошел здесь снова на правительственный блок с крупной буржуазией и, сделав свое дело застрельщика, уступил место открыто черносотенному монархическому правительству Колчака. Эта борьба, закончившаяся разгромом Колчака Красной армией, стоила Республике тягчайших жертв. Тысячи и тысячи лучших сынов Республики сложили свои головы на этом фронте.

Опираясь на союзный десант в Архангельске, П. С.-Р. под руководством члена Ц. К. П. С.-Р. Лихача, действовавшего по полномочию Ц. К. П. С.-Р., произвела противосоветский переворот в Архангельске. Открылся северный фронт гражданской войны, где П. С.-Р. тоже действует в тесном союзе с белогвардейцами, буржуазией и войсками Антанты. И здесь, расчистив путь открытой реакции, П. С.-Р. уступает место монархическому генералу Миллеру, при чем на Севере создается чисто оккупационная власть империалистических держав согласия. И этот фронт стоил Республике тяжелых жертв.

В обоих этих переворотах П. С.-Р. на первых порах сыграла решающую организационно-политическую роль; в обоих этих переворотах решающую военную роль сыграли вооруженные силы Антанты и явно белогвардейские элементы. Последующие события привели в обоих случаях к тому неизбежному результату, что П. С.-Р., расчистив путь, была

затем сменена открыто монархическими контр-революционными группами.

На Украине, на Кубани и на Дону П. С.-Р. не была правящей партией. Однако, и здесь, когда власть находилась в руках либо открыто шовинистических, ярко черносотенных элементов, либо представляла из себя почти ничем не прикрытую оккупационную агентуру германского или— в другие периоды—антантовского империализма, организации П. С.-Р. шли в фактическом союзе с этими правительственными образованиями против Советской власти, при чем правые элементы П. С.-Р. открыто в печати выражали свою солидарность с белогвардейской „добровольческой армией“ без возражения со стороны Ц. К. П. С.-Р.

На Украине лишь с большей отчетливостью выявилось лицемерие П. С.-Р., пытавшейся одно время—вслед за кадетами—прикрыть свою борьбу с Советской властью лживыми лозунгами борьбы с германским империализмом. П. С.-Р. не только не поддержала Красную гвардию, борющуюся с превосходными силами наступающей на Украину армией германского империализма, не только не вела борьбы против поставленного Гогенцоллерном гетмана Скоропадского в то время, как большевики вместе с беспартийными крестьянами и рабочими Украины вели отчаянную партизанскую войну против оккупационной власти, но и практически и идейно противодействовали этой борьбе, и в частности, фракция С.-Р. в буржуазной Украинской Раде своими голосованиями по существу санкционировала оккупацию Украины австро-германским империализмом.

Сплошной фронт реакции против власти Советов от союзных миссий до партии „социалистов-революционеров“ является основной чертой всей этой борьбы. В этой борьбе Ц. К. П. С.-Р. получает то прямо, то косвенно, материальные средства от союзных миссий; устанавливается не только фактическое сотрудничество с правительствами Антанты, но и непосредственная организационно-личная связь Ц. К. П. С.-Р. с агентами французской миссии, каковая связь поддерживается преимущественно через члена Ц. К. П. С.-Р. Тимофеева, с одной стороны, и через Эрлиша, Дюма и Анри Виртамона, с другой. С другой стороны, устанавливается связь П. С.-Р. с нелегальными русскими буржуазными контр-революционными организациями. П. С.-Р. принимает ближайшее участие в „Комитете Спасения“ и „Комитете защиты учредительного собрания“, в которые входят также кадеты, которые уже с начала революции стали партией объединенной помещичье-буржуазной реакции. П. С.-Р. поддерживает связь с организацией Филоненко, находится в деловом контакте с организацией Иванова и, наконец, находится в прямой и непосредственной связи с „Союзом Возрождения“.

Кадетская партия создает в это время две организации: „Национальный центр“, представляющий блок кадет со всеми элементами справа от них. Кадеты входят и в ту, и в другую организацию. Что касается П. С.-Р., то в соответствии с лицемерной двойственностью ее политики, Ц. К. П. С.-Р. в „Союз Возрождения“ формально не входит, но в него входит ряд ответственных членов П. С.-Р., о чем Ц. К. П. С.-Р. известно, и против чего Ц. К. П. С.-Р. никаких мер не принимает. Более того, ответственный член Ц. К. П. С.-Р., являющийся одним из политических руководителей Ц. К. А. Р. Гоц. А. Р. Гоц входил в военный штаб военного отдела „Союза Возрождения“ и в политический штаб „Союза“, куда входят генералы Суворов и Верховский, связанные с белогвардейским офицерством и агентами французской миссии генералом Нисселем и графом де-Шевильи. Именно этот „Союз“ наметил и форму, и личный состав будущего контр-революционного правительства, в виде т. н. „Всероссийской Директории“, каковой проект был частично осуществлен в лице т. н. „Верховного Управления Северной области“ и омского правительства, называвшегося „Всероссийским“, в виде блока виднейших членов П. С.-Р. Авксентьева и Зензинова с представителями Ц. К. партии кадетов (Астров и др.).

Первый натиск П. С.-Р. на Советскую власть в союзе со всеми черными силами закончился к началу 1919 года поражением П. С.-Р. В открытой гражданской войне П. С.-Р., как партия, претендующая на влияние на массы, оказалась разбитой на-голову.

В результате тяжелых уроков на этот раз наступило как бы кратковременное политическое отрезвление, которое нашло себе до известной степени выражение в резолюциях партийного совещания, собранного эсерами 8 февраля 1919 года.

Под влиянием успехов Красной армии и нарастания мировой революции это совещание пытается занять новые политические тактические позиции. Другим проявлением этого отрезвления является происшедшее почти одновременно и независимо от совещания соглашение между членами Самарского Комуча и представителями Советского правительства об отказе первых от вооруженной борьбы с Советской властью. Однако, это соглашение было сделано группой членов ПСР против воли и в борьбе с ЦК партии. В целях успокоения и усыпления этого левого крыла партии, ЦК ПСР ставит вопрос о недопустимости вооруженной борьбы с Советской властью, об отказе от коалиции с открыто буржуазными группами, об отказе от помощи союзников и от попыток организовать интервенцию.

Но даже и февральская конференция, знаменовавшая кратковременное и максимальное отклонение ПСР влево, выносит резолюцию о создании при каждом губернском партийном комитете военной комиссии для работы среди военных частей, в целях пропаганды отказа от участия в „карательных“, как говорит резолюция, экспедициях. Эта самая „левая“ конференция, следовательно, ставит перед ПСР задачу воспрепятствования выполнению красноармейцами приказов, направленных на поддержание порядка в тылу сражавшихся армий и на борьбу с дезертирством, которое имело, естественно, место, как результат усталости наименее активных слоев трудящихся, только что вышедших из империалистической бойни, и агитации белогвардейских и кулацких элементов.

Но даже на позициях февральской конференции ПСР удержаться не захотела. Пленум ЦК ПСР от 5 апреля 1919 года устанавливает непримиримую позицию партии по отношению к Советской власти: разрешая партийным организациям, в виду недостатка сил для борьбы на два фронта, удерживать массы от разрозненных вспышек, бунтов и забастовок, конференция заявляет, что в момент решительного натиска на Советскую власть „место партии с.-р., как всегда... во главе обретающего свое право народа“. 19-го июня 1919 г. ЦК объявляет о назначении строгого расследования по поводу обязательств, взятых на себя Вольским, Святицким и др. представителями Самарского Комуча перед Советской властью о прекращении вооруженной борьбы. 18, 19, 20-го апреля 1919 г. заседал IX совет ПСР, который почти единогласно отклонил проект примиренческой резолюции члена Самарского Комуча Сольского, после чего члены ЦК Буревой и Ракитников вышли из состава ЦК ПСР. IX Совет определенно заявил, что занятая партией позиция отказа от вооруженной борьбы с Советской властью „должна истолковываться лишь как тактическое решение, продиктованное положением вещей и расчетом наиболее целесообразного употребления партийных сил“. Практически это означало собрание сил для новой гражданской войны против Рабоче-Крестьянской Республики.

Этой позицией IX Совет положил начало отколу от партии некоторых примиренческих элементов, вышедших из партии после последней попытки примирения от 30 октября 1919 года.

Еще более четкую позицию заняло Южное Бюро ЦК, которое в своей резолюции за подписями столь ответственных членов ЦК, как Гоц, Е. Ратнер и Тимофеев, говорит: „ПСР должна остаться полностью на старых позициях, не отказываясь ни на момент от вооруженного выступления... Если движение... против большевиков в данный момент

не может быть возобновлено, то обязанностью нашей партии является дальнейшая подготовка масс и объединение элементов демократизма там, где они еще сохранились“.

Партия, разбитая в гражданской войне, сперва колебнулась влево под влиянием побед Красной армии, но когда Республике стала угрожать новая опасность, партия с.-р. занимает снова открыто враждебную по отношению к Советской власти позицию. Обессиленная, она не может сразу ринуться в бой. Но она не отказывается от вооруженной борьбы, наоборот, ставит себе задачей политическую и организационную подготовку вооруженного восстания.

13 мая 1920 года ЦК выпускает циркуляр, намечающий определенный план работ с.-р. в деревне в целях 1) закрепления организационной позиции партии ПСР среди враждебных Советской власти элементов деревни и 2) провоцирования вооруженных столкновений крестьян с Советской властью. По всему существу своему циркуляр 13 мая представляет собою план политической и организационной подготовки вооруженного восстания в деревне. К каким результатам приводит такого рода работа с.-р., —показываю „антоновщина“ Тамбовской губернии, крестьянская работа с.-р. в Сибири и противосоветский мятеж в Черноморье.

В феврале—марте 1920 г. Тамбовская организация ПСР решительно встала „на точку зрения нелегальную“. В союзе с левыми с.-р., Тамбовская организация ведет резкую антисоветскую агитационную и организационную работу среди крестьян, особенно спекулируя на сборе продовольствия и ставя перед собою задачу „отвоевания власти из рук Коммунистической партии в руки нового Временного Правительства“. Вся работа в дальнейшем ведется в строгом согласии с циркуляром ЦК ПСР от 13 мая 1920 г. После уборки урожая вспыхнуло восстание, во главе которого встал Антонов, называвший себя беспартийным с.-р. и выставивший в основе те же лозунги, какие выставила ранее организация ПСР. Связь Тамбовской организации ПСР, уже после начала восстания, с повстанцами поддерживается. Уже после начала восстания, с постанцами поддерживается. И если ПСР не встала официально во главе этого движения, то это есть результат, уже констатированной выше, политической двойственности, боязни взять на себя ответственность за движение, хотя и вызванное с.-р., но явно шедшее навстречу поражению. Но организационная связь ПСР с тамбовским движением и ее вдохновляющая роль в мятеже совершенно бесспорна. „Антоновщина“ стоила голов сотням коммунистов, громадному количеству честных рабочих и крестьян, она стоила тамбовскому крестьянству многих жизней и разорения многих деревень. Попытки организации ПСР подобного же движения в Сибири летом

и осенью 1920 г. вполне установлены судебным следствием. Еще более определенную картину представляет из себя мятеж в Черноморье во второй половине 1921 года. В отношении мятежа в Черноморье органы ПСР не только наметили политическую линию поведения мятежников, но и развили определенную кампанию вплоть до намечения специального тактического, стратегического и технического плана, данного в статье с.-р. полковника Махина, который однажды уже сыграл роль предателя в рядах Красной армии. В центральном органе ПСР „Революционной России“, № 11 от 21 августа 1921 г., напечатана статья полковника Махина, в которой говорится: „Перед черноморцами вновь стала задача бороться с красными насильниками, вновь началась подготовительная работа по уже испытанному плану“, и далее рекомендуется план действий, который состоит в том, чтобы: 1) движение было организованным, повсеместным и, по возможности, одновременным восстанием; 2) в подготовительный период проделать „конспиративный процесс сплочения масс по селам, волостям и уездам, если возможно, губерниям“, вооружить их и путем „партизанских действий“, дезорганизовать власть“; 3) в решительный период произвести открытое массовое вооруженное выступление, „имеющее целью в возможно короткий промежуток времени захватить повсеместно власти“. Партия с.-р. в своем центральном органе рекомендует далее крестьянам „нападать на пути сообщения противника, обозы, разного рода склады оружия и военного имущества, небольшие неприятельские гарнизоны, разрушать средства связи—телеграф, телефон, при чем указывается, что источником снабжения вооружением и снаряжением служат запасы и склады, находящиеся у противника“, т.-е. у Советской власти. Примером черноморского мятежа член Ц. К. П. С. Р. Чернов обосновывает правильность тактической линии ПСР. В руководстве мятежом принимает участие посредник между мятежниками и заграничным центром ПСР полковник Воронович, посланный в августе 1921 года в Константинополь, так-называемым „Административным Центром“, т.-е. организацией, созданной партией „социалистов-революционеров“, повидимому, в начале 1921 года. (Трибунал располагает протоколами Административного Центра, начиная с марта 1921 г.). Воронович имеет сеть своих эмиссаров на Кавказе, на Кубани, имеет связи с Черноморьем. Эти связи и являются теми „невидимыми, но крепкими нитями“, которыми, по словам Чернова в его статье в „Воле России“, движение в Черноморье связано „со всей нашей (ПСР) работой“. В то же время Воронович связан с различными, чисто-авантюристского характера контрреволюционными организациями, а также с английской и французской конт-разведкой. Административный Центр пись-

мом от 19 августа 1921 года, за подписью своего секретаря, с.-р. Фабриканта, поручает Вороновичу „организовать... установление связи с.. черноморской крестьянской организацией, главным штабом Черноморского крестьянского ополчения и т. п.“, требует присылки регулярной информации. С другой стороны, в делах Административного Центра имеется донесение Вороновича, датированное „Константинополь, 22-го ноября 1921 года“, которое начинается словами: „Численность и состав кавказских красных армий (по сведениям, относящимся к 1 ноября с.г.). На Северном Кавказе 9 и 10 армий. повидимому, сведены в одну армию (девятую), которой командует Кассиор, помощником у него Грибанова“.

Это шпионское донесение содержит в себе на четырех страницах исключительно перечисление частей Красной армии с указанием их численности и вооружения и кончается словами: „Всего силы большевиков на всем Кавказе составляют 144000 штыков и сабель и 820 орудий“. И на этом донесении имеется пометка секретаря Адм. Центра В. Фабриканта: „Перевести на французский язык. 3/Х“. А в протоколах заграничной делегации ПСР, полную ответственность за которую взяли на себя обвиняемые члены ЦК ПСР, от 2/1—22 года запротоколировано: „Слушали доклад Н. В. Вороновича о Константинополе. Постановили: „1) Участие в „беспартийных“ объединениях приемлемо. 2) Создание в Константинополе „демократической базы“ в виде политического клуба приемлемо. 3) Войти в переговоры с Административным Центром внепартийной организации. 4) Поручить В. М. Зензинову и В. Н. Вороновичу выяснить вопрос о транспорте“. В Черноморье деятельность этого Вороновича направлена не только на провоцирование общего мятежа против Советской власти, но и на воспрепятствование взиманию продналога, поджоги ссыпных пунктов, амбаров, складов, куда свозится продналог, устройство крушений поездов с хлебом, ограбление следующего гужем продовольственного транспорта и т. п. Эти задачи, по словам Вороновича, „преследуют исключительную цель подорвать Советское хозяйство“. Описывая бандитские действия генерала Пржевальского, Маслюк, Криворучки, Павлюка и др., Воронович пишет: „Если умело вести анти-большевистскую пропаганду и снабжать население соответствующей литературой, можно достигнуть хороших результатов, так как почва для этого удобная“. И с торжеством сообщает этот агент ПСР и Антанты одновременно, что в результате удачных действий с Кубани вывезено для голодной Республики ничтожное количество продовольствия. Так осуществлялась на практике линия ПСР в области крестьянской работы.

Выработавшаяся в борьбе против царизма, против помещиков, против буржуазии единство интересов пролетариата и широких слоев крестьянства и установившийся прочный союз рабочего и крестьянина на почве этих интересов есть тот оплот, о который разбивались все усилия врагов Республики Советов. История двух русских революций 1905—1906 и 1917—1922 гг. показала, что крестьянство может достигнуть победы и прочно закрепить ее, лишь борясь в тесном союзе и под руководством рабочего класса, а пролетариат преодолет все препятствия и доведет до конца начатую борьбу лишь при поддержке крестьянства. Партия так называемых „социалистов-революционеров“, систематически развивая гражданскую войну, увеличивала тем самым тяготы, которые должны были нести массы трудящихся, и в то же время использовала колебания и замешательство, создаваемые этими тяготами, среди наиболее отсталых слоев трудящихся, для дальнейшего провоцирования гражданской войны, для разложения единого фронта трудящихся города и деревни. Под влиянием экономических и политических затруднений Республики, конца 1920 и начала 1921 года позиция партии с.-р. становится еще более активистской. Уже на конференции сентября 1920 года член ЦК Герштейн заявляет: „Резолюции 9 Совета надо пересмотреть, ибо наступает час активной вооруженной борьбы, обстоятельства соответственные налицо, и поэтому прежняя точка зрения должна быть отброшена“. И конференция ставит в порядок дня неизбежность „вооруженного свержения большевистской диктатуры“. X Совет ПСР, состоявшийся в августе 1921 года, ставит вопрос о свержении Советской власти со всей отчетливостью: „X Совет партии,—говорит резолюция,—заявляет, что вопрос о революционном низвержении диктатуры Коммунистической партии со всей силой железной необходимости ставится в порядок дня“. 5 сентября 1921 года находившиеся под стражей члены ПСР Гоц, Гендельман, Веденяпин, Донской, Лихач, Морозов, Раков, Е. Ратнер, Тимофеев и Цейтлин отправляют вновь избранному Центральному Бюро ПСР письмо по поводу выше указанного Совета и его решений, в котором пишут: „С радостью узнали мы о благополучном исходе X Совета партии... X Совет партии совершенно правильно заявляет, что главным заданием является преодоление диктатуры правящего правительства“. Этим письмом обвиняемые члены ЦК не только солидаризировались с тактикой X Совета, но и доказали, что и в тюрьме они были связаны со своей партией и в качестве членов ЦК продолжали на нее оказывать свое влияние. Политика ПСР приобретает все более и более авантюристский и заговорщический характер. Одним из наиболее ярких проявлений этой политики авантюризма, на-

ряду с уже отмеченной работой Вороновича и его „эмиссаров“, является поддержка партией так называемых „социалистов-революционеров“ Кронштадского мятежа.

Большого количества крови, тяжелых жертв стоил контр-революционный мятеж весны 1921 г. Республике Советов.

Этот мятеж окрылил надежды всех реакционеров. Лозунг „свободных советов“, которым белогвардейцы обманывали ту часть мятежников, которая не пошла на открытую борьбу против власти Советов, равно приветствовался и к.-д. Милюковым, и партией с.-р., на деле одинаково отвергавшими и отвергающими власть Советов. И те, и другие, однако, выдвинули этот обманчивый лозунг ради практической цели свержения существующей Советской власти, рассчитывая правильно, что под каким бы лозунгом ни была свергнута Советская власть, дальнейшее развитие событий после ее свержения неизбежно привело бы к полному уничтожению Советов, как формы государственной власти, что фактически означало бы установление диктатуры буржуазии. Член ЦК ПСР В. Чернов шлет немедленно привет мятежникам, предлагая помощь людьми и свое посредничество с чужими странами для обеспечения Кронштадта снабжением. Заграничная делегация ПСР точно так же предложила мятежникам свое содействие всеми имеющимися в ее распоряжении силами и запрашивала, в каком именно направлении желательна поддержка. Административный Центр „Внепартийного Объединения“, фактически являющийся органом ПСР по наиболее компрометирующим делам, направляет в Прибалтику ряд лиц для поддержки мятежа, направляет снабжение, получает для Кронштадта от царского посла Бахметьева 25.000 долларов, вступает в тесную связь с укрывшимися от революции в Париже русскими банкирами и промышленниками и с парижскими банками. ПСР в целях поддержки кронштадского мятежа мобилизует все силы от царского посла Бахметьева до В. Чернова. Тут снова устанавливается единый реакционный фронт, левый фланг на котором занимает ПСР. Таков действительный смысл слов Чернова из передовой статьи в „Революционной России“ № 4, март 1921 г. — „Вокруг Кронштадта, на помощь ему должны подняться все, кто... жаждет... Учредительного Собрания... Наш выбор сделан. Мы с восставшим Кронштадтом против его усмирителей“. Наконец, последним крупным практическим проявлением позиции ПСР явилось участие этой партии в Карельском мятеже, где одновременно действуют и агенты финского министерства иностранных дел (Тюнни), и „ингерманландский национальный комитет“, и В. Чернов, и Брушвит, и „Административный центр“. И этот мятеж, подобно предшествовавшему, стоил немало жертв рабоче-крестьянской Республике.

Разбитая и разложившаяся ПСР, неспособная на сколько-нибудь значительное политическое действие, выродившаяся в небольшую группу контр-революционных заговорщиков, продолжает свою преступную борьбу против Советской власти до настоящего момента. Методы этой борьбы становятся все более авантюристическими. Верхушка ПСР, эмигрировавшая за пределы РСФСР, отсюда делает все, что может, для нанесения наибольшего ущерба Республике Советов. Эта деятельность протекает, что установлено документами, в тесном сотрудничестве с русской и иностранной буржуазией и с русскими белогвардейцами („союз офицеров-мартовцев“).

Вся деятельность ПСР за истекшие годы тяжелой борьбы рабоче-крестьянской Республики за свое существование свидетельствует о том, что эта партия — не социалистическая, а буржуазная, что она использует свое социалистическое название и входящие в нее социалистические элементы для обмана масс, что она является контр-революционной партией врагов народа, занимающей более мирные позиции в периоды наибольших успехов Советской Республики и проявляющей лихорадочную деятельность на предмет поднятия мятежей или содействия таковым, когда положение Республики особенно трудно.

Декларация обвиняемых Гоца, Тимофеева, Донского, Е. Ратнер, Гендельмана, Лихача, Веденяпина, Н. Иванова, Герштейна, Ракова, Федоровича, Морозова, Артемьева, Алтговского, Е. Ивановой, Львова, Агапова, Злобина, Утгофта, Либерова, Горькова и Берга перед судом Верховного Трибунала делают всех их ответственными за всю деятельность ПСР, члены же ЦК ПСР Гоц, Донской, Тимофеев, Герштейн, Лихач, Н. Иванов, Е. Ратнер, Раков, Федорович, Веденяпин, Гендельман несут эту ответственность в высшей мере.

В отношении террористической, экспроприаторской и подрывной деятельности ПСР, Верховный Трибунал установил:

1. В конце 1917 года члены ЦК ПСР А. Гоц, Е. Ратнер и В. Чернов делали декларативные заявления террористического характера, при чем никем из других членов ЦК эти заявления опровергнуты не были.

2. В феврале 1918 года ЦК ПСР обсуждал вопрос о терроре в виду наличия в партии и ее Центральном Комитете серьезного террористического течения. В частности к этому времени за террористическую борьбу высказались петербургский губернский комитет ПСР и харьковская организация. При обсуждении вопроса в ЦК выявились две точки зрения. Текст решения ЦК установить не удалось. Уста-

новлено лишь, что в мотивировке члены ЦК разошлись, и мотивировка принята не была, поправка члена ЦК Сунгина (противника террора) было отклонена: была принята резолюция Чернова (сторонника террора). Сунгин вышел из ЦК, решение ЦК не было не только опубликовано во всеобщее сведение, но не было известно даже ответственным членам партии, как, например, руководителю военной комиссии при ЦК Дашевскому. Опровергая факт террористической деятельности ПСР, в ответ на разоблачения Семенова и Коноплевой, Чернов не упоминает ни разу об этом постановлении.

3. При ЦК ПСР действовала боевая группа, во главе которой стоял Семенов и которая получала боевые (освобождение Гоца) и экспроприаторские (экспроприация на ст. Буй) и подрывные (подрыв поезда с золотом) задания от членов ЦК.

4. Эта боевая группа производила террористические действия, поддерживая связи и получая указания на сей предмет от членов ЦК Гоца и Донского. Связи с ЦК группа поддерживала через Семенова и, кроме того, через Коноплеву и Е. Иванову. Участие Ел. Ивановой в группе доказано твердо, и этим доказано, что группа действовала не самолично, а по указаниям ЦК или группы членов ЦК.

5. Члены ЦК ПС.-Р. Гоц, Донской и Герштейн и уполномоченный ЦК Рабинович участвовали в организации террористических актов, экспроприаций и подрывов. Члены ЦК ПСР Тимофеев, Н. Иванов, Е. Ратнер и М. Веденяпин были, по крайней мере частично, осведомлены об этой работе.

6. Убийство тов. Володарского, покушение на т. Ленина, покушение на взрыв поезда т. Троцкого организованы партийной боевой организацией, действовавшей при ЦК ПС.-Р. Убийца т. Володарского Сергеев и стрелявшая в т. Ленина Ф. Каплан были членами этой организации и членами ПС.-Р.

7. Эта боевая организация произвела ряд экспроприаций, при чем около 1 милл. рублей, взятых на ст. Буй у артельщика Наркомпрода, были приняты в кассу ЦК П. С.-Р. по решению ЦК.

8. Агент по подрывам французской миссии Андри Виртимон был в связи с членом ЦК Тимофеевым и оказывал подрывной группе при ЦК материальную помощь. Тимофеев признал возможным получить эту помощь.

9. Участие всех членов Ц. К. П. С.-Р. в этой преступной деятельности не доказано. Участие членов Ц. К. и членов П. С.-Р. в террористических актах, экспроприациях и подрывной работе устанавливается специально в отношении каждого из обвиняемых в отдельности.

Принимая во внимание все вышеизложенное и персональную роль в контр-революционной деятельности каждого из обвиняемых в отдельности, установленную во время судебного следствия, Верховный Трибунал постановил:

Признать, что:

1) Гоц, Веденяпин, Гендельман, Донской, Герштейн, Лихач, Иванов Н., Е. Ратнер-Элькин, Раков, Федорович и Тимофеев состояли членами центрального комитета партии социалистов-революционеров, которая поставила себе целью вооруженное свержение Рабоче-Крестьянской власти в России и в прошлом организовала в контр-революционных целях вооруженные восстания и вторжения на территорию вооруженных отрядов и банд, а равно участвовала в ряде попыток захвата власти в центре и на местах и насильственного расторжения договоров, заключенных РСФСР, и отторжения от Республики некоторых частей ее, что предусмотрено ст. ст. 57, 58¹ и 60 Угол. кодекса.

Кроме того, Гоц, Донской и Герштейн руководили деятельностью террористических партийных групп, осуществлявших покушения на т. т. Ленина, Троцкого, Берзина и поезд Совета Народных Комиссаров и убийство тов. Володарского, что предусмотрено ст. 64 Уголов. кодекса.

Члены Ц. К. Тимофеев, Н. Иванов, Е. Ратнер, Веденяпин знали об этой деятельности, что предусмотрено ст. 68 Угол. кодекса.

Члены Ц. К., ранее перечисленные, приняли деньги, полученные от вооруженного ограбления артельщика Наркомпрода, что предусмотрено статьей 76² Угол. кодекса, при чем Донской был инициатором этого ограбления, вследствие чего на него распространяется первая часть ст. 76.

Те же члены Ц. К. имели сношение с иностранными государствами, находящимися в войне с Республикой Советов, что предусмотрено ст. 59 Угол. кодекса, и руководили подрывной работой, предусмотренной ст. 65 Угол. кодекса.

2) Артемьев, Морозов и Гр. Ратнер, состояли членами Московского Бюро Ц. К., руководя вместе с некоторыми членами Ц. К. всей партийной работой на территории, подвластной Рабоче-Крестьянскому правительству, во время пребывания самого Ц. К. за Волгой на территории, находившейся под властью так называемого: "Комитета Членов Учредительного Собрания", и знали о существовании боевой группы Семенова, что предусмотрено ст. ст. 60 и 68 Угол. кодекса.

3) Агапов, Альтовский, Либеров, Горьков, Львов, Берг, Злобин, Е. Иванова и Утгоф состояли членами различных руководящих органов П. С.-Р. и выполняли директивы своего

Центрального Комитета, что предусмотрено ст. 60 Угол. кодекса, а кроме того, Агапов руководил подрывной группой Ц. К., организованной в контр-революционных целях для взрывов, поджогов и разрушений ж. - д. путей, что предусмотрено ст. 65 Угол. кодекса.

4) Семенов, Коноплева, Е. Иванова, Усов, Зубков, Федоров-Козлов, Ефимов, Пелевин участвовали в боевой группе при Ц. К. П. С.-Р., совершавшей террористические акты против вождей пролетарской революции, вооруженных нападений и вооруженных ограблений в пользу П. С.-Р., при чем Семенов был руководителем этой группы, а Семенов, Коноплева и Е. Иванова связывали ее с членами Центрального Комитета П. С.-Р., что предусмотрено ст. ст. 60, 64, 76 Угол. кодекса, при чем на Пелевина ст. 64 не распространяется, в виду того, что непосредственно в террористических актах он участия не принимал, лишь знал о таковых, что предусмотрено ст. 68 Угол. кодекса.

5) Ставская позже вошла в означенную боевую группу и фактического участия в производимых ею действиях не принимала, что предусмотрено статьями 72² и 68 Угол. кодекса.

6) Дашевский руководил военной организацией П. С.-Р., за какую деятельность он амнистирован; однако, сверх того, он содействовал вхождению исполнительницы покушения на тов. Ленина, члена П. С.-Р. Ф. Каплан, в боевую группу Семенова и был осведомлен о боевой группе Семенова, что на основании ст. 15 предусмотрено ст. ст. 64, 76² и 68 Угол. кодекса.

7) Игнатъев состоял членом Ц. К. партии народных социалистов и, действуя в непосредственной связи с членами Ц. К. П. С.-Р., принял участие в контр-революционной деятельности, направленной к свержению Советской власти, с 25 декабря 1917 года и по день ареста, для чего вошел в состав Комитета Спасения Родины и Революции, участвуя во всех действиях указанной организации по борьбе с Советской властью, вошел с той же целью в сношения с контр-революционными организациями Филоненко и Иванова, как равно и военной комиссии П. С.-Р., участвуя в совещании по вопросам о подготовке вооруженных выступлений, входил в военный штаб Союза Возрождения, участвуя в совещаниях, созываемых этим штабом по вопросам подготовки вооруженных действий; принимал участие в добывании средств и передаче таковых в военную комиссию П. С.-Р., принимая участие в заседаниях политического центра „Союза Возрождения“ по формированию будущего контр-революционного правительства для Северной области, и лично выехал

для контр-революционной работы в Вологду, после чего вступил в сношения с представителями союзнических миссий и белогвардейских организаций в тех же целях свержения Советской власти, вплоть до момента своего нелегального перехода через фронт и участия в так называемом „Верховном Управлении Северной области“ в Архангельске (деятельность Игнатьева в Сибири выделена и подлежит особому судебному разбирательству), т.-е. учинил преступление, предусмотренное ст. ст. 58, 59, 65, 66, 69 и 70 Угол. кодекса.

В виду того, что обвиняемые Дашевский, Семенов, Гр. Ратнер, Коноплева, Ставская, Усов, Козлов-Федоров, Зубков, Пелевин, Ефимов, Мораческий вышли из П. С.-Р., и на них распространяется в этом отношении постановление ВЦИК, опубликованное в „Известиях“ 27 февраля 1919 года, а потому означенные подсудимые ответственности по ст. 60 не подлежат.

Гр. Ратнер подлежал бы ответственности по ст. 89, однако, и таковая за давность погашается.

А посему Верховный Трибунал ПРИГОВОРИЛ:

1. Григория Моисеевича РАТНЕР считать по суду оправданным.

2. Юлия Витальевича МОРАЧЕВСКОГО за недоказанность предъявленного обвинения считать по суду оправданным.

3. Обвинение, предъявленное Фанни Ефремовне СТАВСКОЙ по ст. 213 У. К. (военный шпионаж), считать недоказанным.

4. Павла Владимировича ЗЛОБИНА, принимая во внимание незначительный объем контр-революционной деятельности, неучастие его в нелегальной работе ПСР в течение последнего времени, добросовестную работу его в советских учреждениях и считая обвинение по ст. 60 У. К. доказанным, подвергнуть, на основании ст. 28 У. К., тюремному заключению сроком на ДВА ГОДА при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

5. Григорий Лаврентьевича ГОРЬКОВА-ДОБРОЛЮБОВА, принимая во внимание незначительный объем контр-революционной деятельности и принципиально отрицательное отношение его к вооруженной борьбе, считая обвинение по ст. 60 У. К. доказанным, подвергнуть на основ. ст. 28 У. К. тюремному заключению на ТРИ ГОДА, при строгой изоляции с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

6. Иосифа Самойловича ДАШЕВСКОГО, принимая во внимание незначительность содеянного преступления и отсутствие при совершении им такового злого умысла и, считая обвинение по ст. 64,

76² и 63 доказанным, подвергнуть тюремному заключению сроком на ТРИ ГОДА, при строгой изоляции, с применением принудительных работ.

7. Фанни Ефремовну СТАВСКУЮ, считая обвинение по ст. 70² и 63 доказанным, подвергнуть тюремному заключению сроком на ДВА ГОДА, при строгой изоляции и с применением принудительных работ.

8. Владимира Львовича УТГОФА-ДЕРЮЖИНСКОГО, Ефрема Соломоновича БЕРГА и Михаила Львовича ЛЬВОВА, считая обвинение по ст. 60 доказанным, но принимая во внимание незначительность объема их контр-революционной деятельности, подвергнуть тюремному заключению на ПЯТЬ ЛЕТ, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

9. Павла Николаевича ПЕЛЕВИНА, считая обвинение по ст. ст. 76 и 68 доказанным, подвергнуть тюремному заключению сроком на ТРИ ГОДА, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

10. Константина Андреевича УСОВА, Федора Васильевича ЗУБКОВА и Филиппа Федоровича ФЕДОРОВА-КОЗЛОВА, считая обвинение по ст. ст. 64, 76 и 68, а ЗУБКОВА и по ст. 65 доказанным. учитывая тяжесть содеянного ими преступления, но принимая во внимание их неруководящую роль и пролетарское происхождение, подвергнуть тюремному заключению сроком на ПЯТЬ ЛЕТ, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

11. Петра Тимофеевича ЕФИМОВА, считая обвинение по ст. ст. 64, 76 и 68 доказанным, подвергнуть тюремному заключению на ДЕСЯТЬ ЛЕТ, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

12. Александра Васильевича ЛИБЕРОВА и Николая Ивановича АРТЕМЬЕВА, считая обвинение по ст. 60 доказанным, подвергнуть тюремному заключению на ДЕСЯТЬ ЛЕТ, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и зачетом предварительного заключения.

13. Дмитрия Федоровича РАКОВА, Флориана Флориановича ФЕДОРОВИЧА и Михаила Александровича ВЕДЕНЯПИНА, считая обвинение по ст. ст. 57, 58, 60, 76², 59, 65 доказанным и несмотря на то, что они являются членами ЦК, в виду их последних слов, подвергнуть тюремному заключению сроком на ДЕСЯТЬ ЛЕТ, при строгой изоляции, с применением принудительных работ и с зачетом предварительного заключения.

14. Абрама Рафаиловича ГОЦА, Дмитрия Дмитриевича ДОНСКОГО, Льва Яковлевича ГЕРШТЕЙНА, Михаила Яковлевича ГЕНДЕЛЬМАН-ГРАБОВСКОГО, Михаила Александровича ЛИХАЧА, Николая Нико-

лаевича ИВАНОВА, Евгению Моисеевну РАТНЕР-ЭЛЬКИНД, Евгения Михайловича ТИМОФЕЕВА, Сергея Владимировича МОРОЗОВА, Владимира Владимировича АГАПОВА, Аркадия Ивановича АЛЬТОВСКОГО, Владимира Ивановича ИГНАТЬЕВА, Григория Ивановича Семенова, Лидию Васильевну КОНОПЛЕВУ. Елену Александровну ИВАНОВУ-ИРАНОВУ—РАССТРЕЛЯТЬ.

Принимая во внимание, однако, что ИГНАТЬЕВ бесповоротно порвал со своим контр-революционным прошлым, добросовестно служит Советской власти и является элементом социально безопасным, Верховный Трибунал, руководствуясь п. 3 ст. 330 Процессуального Кодекса, обращается в президиум ВЦИК с ходатайством об освобождении его, ИГНАТЬЕВА, от наказания.

В отношении СЕМЕНОВА, КОНОПЛЕВОЙ, ЕФИМОВА, УСОВА, ЗУБКОВА, ФЕДОРОВА-КОЗЛОВА, ПЕЛЕВИНА, СТАВСКОЙ и ДАШЕВСКОГО, Верховный Трибунал находит: эти подсудимые добросовестно заблуждались при совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах революции; поняв на деле контр-революционную роль П. С.-Р., они вышли из нее и ушли из стана врагов рабочего класса, в какой они попали по трагической случайности. Названные подсудимые вполне осознали всю тяжесть содеянного ими преступления, и Трибунал, в полной уверенности, что они будут мужественно и самоотверженно бороться в рядах рабочего класса за Советскую власть против всех ее врагов, и руководствуясь п. 3 ст. 330 Проц. Код., ходатайствует перед Президиумом ВЦИК об их полном освобождении от всякого наказания.

Руководствуясь ст. 42 У. К., Трибунал приговорил, сверх того, обвиняемых: АРТЕМЬЕВА, ВЕДЕНЯПИНА, ГОРЬКОВА, ЗЛОБИНА, ЛЬВОВА, РАКОВА, ФЕДОРОВИЧА, УТГОФА, ЛИБЕРОВА, БЕРГА к поражению прав по п. п. а, б, и в ст. 40 У. К. сроком на 5 лет.

ИГНАТЬЕВА, КОНОПЛЕВУ, СТАВСКУЮ, СЕМЕНОВА, УСОВА взять под стражу.

Вещественные доказательства передать в архив Октябрьской революции по описи. Судебные издержки принять на счет государства.

Председатель Трибунала Г. ПЯТАКОВ.

Члены: О. КАРКЛИН.

А. ГАЛКИН.

Постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьян- ских и Красноармейских Депутатов.

Верховный Трибунал РСФСР вынес приговор по делу небывалых еще в истории преступлений против революции и трудящихся со стороны партии, которая революцию и социализм написала на своем знамени. В величайшей борьбе исторических сил, где с одной стороны были капитал, привилегии, короны, церкви, все формы и способы насилия имущих над неимущими, а с другой стороны, восставшие рабочие массы России при возрастающем сочувствии трудящихся всего мира,—в этой борьбе партия социалистов-революционеров встала целиком на сторону капитала, угнетения, реакции. Свою организацию и свой авторитет, выросшие на борьбе с царизмом, она обращает целиком на борьбу с правительством рабочего класса. Заговорщические, террористические приемы борьбы она направляет против органов и вождей трудовой республики. Подпольную конспирацию боевых дружин она сочетает с тайными происками и секретными фондами миссий и посольств мирового империализма. Ее прямыми союзниками являются генералы, монархисты, бывшие царские бюрократы, помещики, капиталисты, священники, кулаки. Она открывает ворота иностранной интервенции и поддерживает стремя каждого кандидата в Наполеоны.

Всей этой работой руководит Центральный комитет партии, состоящий из людей с большим политическим опытом, знающих, чего хотят, понимающих, что делают. Все затруднения и бедствия блокированной империализмом рабоче-крестьянской страны служат Центральному Комитету партии эсеров для того, чтобы вызывать вмешательства, восстания, покушения, кровавые конфликты, усугублять хаос, умножать раны и страдания трудящихся и таким путем вызвать крушение Советской власти, на смену которой могла бы прийти только власть торжествующей буржуазии.

Центральный Комитет партии социалистов-революционеров организует попытки восстаний в армии, во флоте, в крестьянстве против власти Советов, начиная с ноября 1917 года и кончая сегодняшним днем.

Всей политикой партии социалистов-революционеров вдохновленные и фактически рукой ее Центрального Комитета направляемые, боевики партии совершают ряд убийств и покушений на деятелей, которым рабочие и крестьяне России вверили ответственные посты в своей Республике. В метаниях между активной службой буржуазной реакции и тщетными усилиями удержать остатки доверия рабочих масс, партия социалистов-революционеров пропитывается двойственностью, лживостью, лицемерием: фактически подталкивает к убийствам и организует их, официально отказываясь от них; поддерживает, питает, организует каждое движение против советского строя, из каких бы черносотенных источников оно ни исходило, не беря на себя открыто ответственности. Если восстание терпит крах в самом начале, социалисты-революционеры пытаются сохранить видимость нейтралитета; если же движение разрастается, как в Тамбовской губернии, в Кронштадте (1921 г.), и обещает видимость успеха, партия эсеров пытается возглавить его. В то же время наиболее реакционная империалистическая печать всего мира, как и печать развращенной, жестоко скомпрометированной и борющейся отчаянными средствами за сохранение своего влияния социал-демократии, питается, главным образом, той систематической кампанией лжи и клеветы, которую партия социалистов-революционеров ведет изо дня в день в заграничных изданиях, содержимых на средства иностранной буржуазии.

В полном соответствии с сущностью партии социалистов-революционеров и ее деятельностью судебный процесс немедленно же превратился в новый поход поддержанного социал-демократией империализма против Советской Республики и ее друзей во всем мире. Во имя „права“, „человечности“, „милосердия“ буржуазия Черчиллей, Нулансов, Джиолитти и лакеи этой буржуазии хотят отстоять для своих агентов и союзников право организовывать мятежи, убивать вождей Советской Республики, взрывать мосты и склады, вносить отраву и разложение в Красную армию и Красный флот и выполнять работу военного шпионажа по заданиям штабов империализма.

Злостно закрывая глаза на не прекращающуюся подпольно-заговорщическую борьбу партии социалистов-революционеров против Советской Республики и на прямые в этом смысле заявления самих подсудимых и их руководящей партийной печати за границей, политики и журналисты буржуаз-

ной реакции и социал-демократии изображают процесс социалистов-революционеров, как расправу за давно содеянные преступления, потерявшие политическое значение, т.-е. акт бесцельной государственной мести.

Верховный Трибунал в ясном сознании своего долга по охране ставшей государством революции от ее врагов, после двухмесячного рассмотрения дела на глазах всего человечества, своим приговором показал, что дело идет не о ликвидации старых исторических счетов, а о борьбе с ожесточенным врагом, который, несмотря на ничтожество своего политического влияния внутри страны, может и в дальнейшем представить крупную опасность, как орудие в руках еще могущественного мирового империализма.

Во время самого процесса империалистическая буржуазия обнаружила свое могущество и в том, что, несмотря на повседневный рост коммунистического движения, сумела через посредство служащей ей социал-демократии внушить нужную ей оценку социалистов-революционеров и их роли известным, достаточно значительным слоям самого рабочего класса. Те же самые элементы рабочего класса, которые поддерживают Шейдеманов, Гендерсонов, Реноделей, Гомперсов и тем самым являются важнейшим устоем капиталистического рабства, выступили на защиту обвиняемых социалистов-революционеров.

Признавая, с одной стороны, в полной мере правильность и революционную целесообразность приговора Верховного Трибунала, принимая, с другой стороны, во внимание наличность этих отсталых, запуганных буржуазией и обманутых социал-демократией слоев мирового рабочего класса и ставя себе в данном случае задачей дать трудящимся наглядный урок революционного действия,—

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

1. Приговор Верховного Трибунала в отношении и подсудимым: Гоцу, Донскому, Герштейну, Гендельман-Грабовскому, Лихачу, Н. Иванову, Е. Ратнер-Элькинд, Тимофееву, Морозову, Агапову, Альтовскому и Е. Ивановой-Ирацовой, приговоренным к высшей мере наказания, утвердить, но исполнением приостановить.

Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой

работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать.

Наоборот: применение партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контр-революционного террора и мятежа.

Как приговоренные к высшей мере наказания, так и приговоренные к долгосрочному заключению остаются в строгом заключении.

2. В отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубнова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской, Дашевского и Игнатьева ходатайство Верховного Трибунала о полном освобождении их от наказания удовлетворить.

Председатель ВЦИК **М. КАЛИНИН.**

Секретарь ВЦИК **А. ЕНУКИДЗЕ.**

8 августа 1922 г.

риев всех стран, и касается Коммунистического Интернационала, международной организации революционных пролетариев всех стран. От вашего имени выступали на этом процессе представители Коминтерна Цеткин, Бокани и Муна в качестве обвинителей. При окончательном решении вопроса Исполком Коминтерна высказал свое мнение Центральному Комитету российской коммунистической партии, руководящей Советской Республикой. Это мнение мы доводим до сведения всего международного пролетариата.

Мы солидаризуемся с приговором Революционного Трибунала. В процессе, тянущемся два месяца, в процессе, в котором обвиняемым было предоставлено больше возможности защиты, чем ее предоставляет революционным рабочим какой бы то ни было суд европейских стран, так называемых демократических стран, преступления эсеров были вскрыты до конца. За подобные преступления против пролетариата революционная совесть не может допустить другого приговора, кроме приговора к смерти. Но революционная власть далека от буржуазного обожания буквы закона. Она не знает политики мести, которую по отношению к революционным рабочим безжалостно проводят в жизнь буржуазные государства. Революционное рабочее правительство должно руководиться революционной целесообразностью, и поэтому Исполком Коминтерна солидарен с **Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов**, который дал приказ о неисполнении смертного приговора. Советское правительство отдало решение о судьбе вождей партии социалистов-революционеров в руки ее находящихся за границей вождей. Оно дало им возможность прекращением своей контр-революционной борьбы, прекращением гражданской войны обеспечить жизнь осужденных.

Рабочие и работницы! Процесс против вождей партии социалистов-революционеров вызвал бешеную травлю Советской России со стороны вождей партий 2 и 2 с половинного Интернационалов, которые совместно со всей буржуазной прессой выступили на защиту союзников мировой контр-революции, скрывающихся под флагом социализма. Они представляли вам Советскую Россию, как зверя, жаждущего крови. Мы спрашиваем вас, где в мире существует второе правительство, которое отказалось бы от исполнения смертного приговора по отношению к людям, которые в заговоре с державами других стран пытались его опрокинуть с оружием в руках, не отказываясь и от скрытого убийства. Вожди 2 и 2½ Интернационалов послали защитников на процесс в Москву, которые сбежали, убедившись в неслыханной вине своих клиентов. **Архив, захваченный Советской властью у вождя социалистов-революционеров Керенского** доказал, что эта партия не только в 1918 г., в период ожесточенной гражданской войны, боро-

лась на деньги союзников против Советской власти. Еще в 1921 г. она на деньги французского и чехо-словацкого правительств, при помощи балтийских правительств и Польши, вела в России военный шпионаж и подготавливала восстания, призывала вооруженную помощь союзников. Разоблачения эсеров, как агентов мировой контр-революции, есть разоблачение вождей 2 и 2¹/₂ Интернационалов. После этих разоблачений, после того, как Советское правительство доказало, что оно не жаждет крови виновных вождей социалистов-революционеров, мы ожидаем, что всякий рабочий и всякая работница, к какой бы партии они ни принадлежали, заявят вождям 2 и 2¹/₂ Интернационалов: „Довольно бессыдной травли Советской России“, — запретят им от имени пролетариата выступать в качестве защитников людей, запятнавших свои руки деньгами капиталистических держав и кровью русских рабочих и крестьян. Мы убеждены, что самые отсталые слои рабочих сумеют сказать 2 и 2¹/₂ Интернационалам: „Ваш долг принудить своих союзников — эсеров отказаться от гражданской войны против Советского правительства, прекратить не на словах, а на деле позорную связь с капиталистическими правительствами, преступную подготовку гражданской войны в стране, жаждущей мира, труда и порядка“. Если 2 и 2¹/₂ Интернационалы употребят хотя бы десятую часть той энергии, которую они обратили на травлю Советской России, на нажим против эсеров, то не только будет спасена жизнь вождей социалистов-революционеров, но и жизнь многих рабочих и крестьян, которым приходится с оружием в руках отстаивать Советскую власть, но и жизнь миллионов детей, которых гражданская война приговаривает к голоду.

Рабочие и работницы! Справедливый суд рабочего и крестьянского государства выразил то, что об эсерах думали и думают миллионы революционных рабочих Европы, не сбитых с толку ложью буржуазной печати, умеющих видеть правду через туман лжи и клеветы. Советское правительство, чуждое кровожадности буржуазных правительств, желая облегчить объединение даже тех рабочих, которые не освободились еще от влияния буржуазии и социал-демократических вождей и не примкнули к знамени пролетарской революции, задержало меч, справедливо занесенный над головой виновников великого преступления против мировой революции. Оно сделало это в твердом убеждении, что вы не только сделаете все от вас зависящее, чтобы удержать от безумной гражданской войны партию социалистов-революционеров, но употребите все усилия, чтобы помочь Советской России в ее тяжелой борьбе за освобождение России от хищнических планов мирового капитализма, оружием которого являются эсеры. Помогая Советской России, защищая ее, вы избавите ее от необходимости беспощадной борьбы, в

которой она не может шадить никого, потому что ее противники не знают пощады для борющихся и страдающих масс рабочих и крестьян.

Период опасности для первой республики труда еще не миновал. Только что в Гааге представители мирового капитала предъявили рабочим России требования возвращения фабрик, шахт и рудников иностранным капиталистам. Советская Россия, стоя на страже мирового пролетариата, отклонила эти наглые требования. Мировой капитал будет всеми силами—от финансового бойкота до финансирования гражданской войны—пытаться принудить Советское правительство к капитуляции. Советское правительство будет всеми средствами защищать рабочее дело. В этой борьбе оно сокрушит своих противников. Не допустите, чтобы великодушные, оказанное Советским правительством по отношению к социалистам-революционерам, агентам буржуазии, окрылило надежды врагов Советской России.

Да здравствует Советская Россия!

Да здравствует Революционный Трибунал, стоящий на защите интересов мирового пролетариата!

Пусть сложат оружие враги Советской власти, зачинщики гражданской войны и террора!

Пусть объединится мировой пролетариат вокруг Советской России, своего железного авангарда!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“.

На днях выйдет из печати:

И. Майский. — Итоги Гаагской конференции.

Вышли из печати:

А. Иоффе. Генуэзская конференция.

Ф. Энгельс. Революция и контр-революция в Германии. — Новое издание в переводе и с предисловием И. Степанова.

В конце августа выйдет из печати:

М. Покровский. — Что дал процесс эсэров.

У. Синклер. — Джимми Хиггинс. Издание иллюстрировано.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Главполитпросвет, Контора издательства, Милютинский пер., 22, уг. Сретенского бульвара, 4-ый подъезд, 4-ый этаж. Экспедиция: Сретенка, 8.

и

в книжном магазине Г. П. П. „СЕРП и МОЛОТ“,
Театральная пл., 2-й дом Советов (быв. Метрополь).